

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№2 (51) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Астапкина Е.С.</i> Семантическое варьирование прилагательных, передающих температурный признак (на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков).....	6
<i>Гаджиева С.А.</i> Потусторонний мир в религиозных догматах	15
<i>Долгова А.О.</i> Семантико-грамматические свойства устойчивых сравнений (на материале русского, английского и немецкого языков)	20
<i>Новрузов Ф.Р.</i> Символично-мифологический подтекст и знаковая кодировка как отличительные черты греческой и римской литератур	29
<i>Олешков М.Ю.</i> Прагматика эмотивности в институциональном дискурсе	34
<i>Плеханова Т.Ф.</i> От лингвистики текста к лингвистике дискурса	43
<i>Пристром Е.С.</i> Метафизический хронотоп как смыслообразующая категория художественного текста	53
<i>Романкевич М.Н.</i> От зоонимического прототипа к бесконечному символу.....	61
<i>Таболіч А.У.</i> Нацыянальна-культурны кампанент у паэзіі (на матэрыяле англійскай і беларускай моў).....	69
<i>Яковчиц Т.Н.</i> Семантические изменения арготизмов при их освоении общелитературным языком.....	76

Романское и германское языкознание

<i>Василевская О.В.</i> Пропозициональная модель спортивного события и ее актуализация в новостном тексте.....	85
<i>Ключенович С.С., Цытик Е.В.</i> Лингвистический аспект перевода полилексемных универбов в текстах по автомобильной технике и автосервису.....	93
<i>Козлова С.В.</i> Функционирование юридического термина в публицистическом дискурсе	100
<i>Кузин А.Н.</i> Аргументативное использование вопросительных высказываний в обиходном общении	111
<i>Лапунова О.В.</i> Телевизионный информационный дискурс как разновидность полифоничного дискурса	120
<i>Мышалова И.П.</i> Градуальные ряды лексического поля «Интеллект» (на материале современного английского языка)	128
<i>Смирнов А.И.</i> Актантная модель как макроструктура идеологического дискурса (на примере анализа статей дискурса глобализации)	136

Исследования славянских языков

<i>Борисевич О.А.</i> Номенклатурный термин как смысловозначительный компонент эклизионимов Беларуси	146
<i>Чайка Н.У.</i> Эліптычныя канструкцыі ўскладненай будовы.....	152
<i>Наши авторы</i>	159

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Astapkina E.S.</i> Semantic Variation in the Topic Section of Adjectives Denoting Temperature Concepts (on the Material of the Russian, Belarusian, English and German Languages)	6
<i>Gadziyeva S.A.</i> The Beyond within Religious Dogmata	15
<i>Dolgova A.O.</i> Semantic-grammatical Features of Set Similes (on the Material of Russian, English and German Languages)	20
<i>Novruzov F.R.</i> Symbolic and Mythological Implication and Signed Coding as a Distinctive Feature of Greek and Roman Literature	29
<i>Oleshkov M. Yu.</i> The Pragmatics of Emotiveness in Institutional Discourse	34
<i>Plekhanova T.F.</i> From Text Linguistics towards Discourse Linguistics	43
<i>Prystrom A.S.</i> The Metaphysical Chronotope as a Meaning-Forming Category of a Literary Text	53
<i>Romankevich M.N.</i> From Zooprotype to Endless Symbol	61
<i>Tabolich A.U.</i> Culture-bound Words in Poetry (on the Base of English and Belarusian Languages)	69
<i>Yakauchyts T.N.</i> Semantic Changes of Argotic Words in the Process of Their Assimilation in the Standard Language	76

General and Typological Linguistics

<i>Vasilevskaya O.V.</i> Propositional Model of a Sports Event and its Realisation in a News Text ...	85
<i>Klyutschenovitsch, S.S., Tsytik J.W.</i> Linguistic Aspect of the Translation of the Polylexemic Univerbs in Texts Dealing with Automotive Equipment and Service	93
<i>Kazlova S.V.</i> The Functioning of a Law Term in Publicistic Discourse	100
<i>Kuzin A.N.</i> Argumentative Use of Questions in Day-to-Day Communication	111
<i>Lapunova O.V.</i> Television Information Discourse as One of the Varieties of Polyphony Discourse	120
<i>Myshalova I.P.</i> The Gradational Rows within the «Intellect» Lexical Field (on the Material of the Contemporary English Language)	128
<i>Smirnov A.I.</i> Actantial Model as Macrostructure of the Ideological Discourse (Based on the Analysis of the Globalization Discourse Articles)	136

Slavonic Languages

<i>Borisevich O.A.</i> Nomenclature Term as the Component which Distinguishes the Sense of Ecclesionyms of Belarus	146
<i>Chaika N.V.</i> Elliptical Constructions with Homogeneous Predicate	152
<i>Our authors</i>	159

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е.С. Астапкина

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ПЕРЕДАЮЩИХ ТЕМПЕРАТУРНЫЙ ПРИЗНАК**

(на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков)

В статье показано, что основными сферами переноса значения для прилагательных с исходной температурной семантикой являются: 1) физиологические состояния; 2) характер человека; 3) эмоции и интенсивность их проявления; 4) оценка; 5) погодные условия; 6) климат определенных территориальных зон; 7) физические свойства объектов, процессов. Развитие переносных значений происходит на основе градуируемой природы температурного признака, а также на основе сходства ощущений от восприятия температурных признаков и явлений реальной действительности.

Наряду с тактильными ощущениями в состав осязательных входит вполне самостоятельный вид ощущений – *температурных*. Ощущения тепла и холода возникают при «разности температур кожи и воздействующего предмета соответственно передаче тепла коже предметом и отдаче кожей тепла предмету» [1, с. 196].

Обозначение «подвижного» признака с неизбежностью предполагает определенную точку отсчета, норму. При этом за норму температурного признака принимается не точный градуальный признак, выраженный количественным числительным *ноль*, а температура человеческого тела, которая является постоянной, относительно независимой от колебаний (суточных, климатических и т.д.) температуры окружающей среды и «составляет непосредственную основу, определяющую чувствительность к температуре воздействующих на кожу предметов или всей среды, в которой в данный момент находится человек» [2, с. 283]. Субъективным термическим нулем, который не вызывает никаких температурных ощущений, являются средние температуры, приблизительно равные температуре кожи.

В языке термические состояния выражаются с помощью качественных прилагательных, которые способны передать градацию того или иного признака (свойства) в рамках семантического пространства ‘холодный’ – ‘горячий’.

Объектом данного исследования являются прилагательные, передающие температурный признак в русском, белорусском, английском и немецком языках, отобранные путем сплошной выборки из толковых словарей [3; 4; 5; 6], взятые в первом (по словарю) значении. Целью данного исследования является выявление моделей семантической деривации прилагательных температурного восприятия.

Прилагательные, обозначающие температурный признак в каждом языке образуют два антонимичных блока в едином континууме: один объединяет прилагательные с идеей высокой температуры ('горячий'), а второй – с идеей низкой температуры ('холодный'). Ядро каждого блока в исследуемых языках составляют прилагательные с основным значением 'имеющий температуру выше/ниже нормы'.

Лексемы, включенные в данную тематическую подгруппу содержат в своей словарной дефиниции следующие идентификаторы: рус. 'высокая/низкая температура', 'горячий', 'дающий тепло', 'холодный'; белорус. 'высокая/нізкая тэмпература', 'гарачы', 'халодны'; англ. 'high temperature', 'hot', 'cold', 'low temperature'; нем. 'hohe Temperatur', 'heiß', 'warm', 'kalt', 'niedrige Temperatur'.

Рассматриваемые языки обладают сходным количеством лексем как для выражения признака 'горячий', так и для выражения признака 'холодный'. Различие наблюдается в количестве лексем «горячего» и «холодного» блоков внутри каждого отдельного языка: лексем со значением 'горячий' отобрано гораздо меньше, чем лексем со значением 'холодный'. Это может быть связано с тем, что ощущения холода являются более важными для человека за счет большей чувствительности к холоду. Это подтверждается и тем фактом, что «точки холода лежат ближе к поверхности кожи, чем точки тепла. Общее количество точек холода у человека доходит приблизительно до 250 000, точек тепла значительно меньше – около 30 000» [7, с. 207].

В семантике прилагательных тактильного восприятия, обозначающих температурный признак, заложена возможность обозначить разное количество признака. Так, анализируемые прилагательные находятся в отношениях градуальности, под которыми в лексической системе понимаются «семантические отношения между словами, которые отражают в своем значении различную степень интенсивности обозначаемого качества, свойства, признака» [8, с. 48–49].

Градуальность температурных значений позволяет расположить лексемы по степени проявления признака и представить семантический ряд в виде градационной шкалы с холодным и горячим полюсами, промежуточной «теплой» зоной, в которой члены располагаются по степени убывания температурного признака. Степени признака (большая, средняя и малая) едины для языков, в то время как распределение лексем отчасти специфично. Классификация по степени проявления температурного признака становится возможной за счет таких семантических компонентов в дефиниции слова, как: а) семантический признак, указывающий на температурное восприятие 'имеющий температуру'; б) классифицирующий семантический компонент 'низкий', 'высокий'; в) дифференцирующий компонент, уточняющий признак по количественным/градуальным, например, рус. 'очень'; белорус. 'вельмі'; англ. 'extremely'; нем. 'sehr'. Для указания на степень интенсивности используются наречия степени, а также антонимы (в основном в

толкованиях прилагательных английского языка) как показатель того, что прилагательные обозначают полярные степени одного и того же признака.

Так, основная шкала выглядит следующим образом (в скобках приводится количество лексем, в значении которых выражена определенная степень проявления признака):

рус. *раскаленный* (1) – *горячий* (3) – *теплый* (2) – *прохладный* (2) – *холодный* (7) – *морозный* (2);

белорус. *пякучы* (3) – *гарачы* (4) – *цёплы* (1) – *прахалодны* (1) – *халодны* (12) – *марозны* (1);

англ. *scorching* (5) – *hot* (1) – *warm* (1) – *nippy* (4) – *cold* (6) – *frosty* (3);

нем. *knallheiß* (1) – *heiß* (3) – *lau* (1) – *kühl* (1) – *kalt* (1) – *eisig* (4).

В таблице отражено распределение лексем в зависимости от степени проявления температурного признака в рамках «горячего» и «холодного» блоков.

Дифференциация температурного признака и ее лексическое выражение в русском, белорусском, английском и немецком языках

Степень проявления признака	Язык			
	русский	белорусский	английский	немецкий
Высокая степень + t	раскаленный	пякучы, накалены, спякотны	boiling, roasting, scorching, sizzling, red-hot	knallheiß
Средняя степень + t	горячий, жаркий, жгучий	гарачы, нагрэты, душны, жаркі	hot	heiß, warm, fieberheiß
Малая степень + t	теплый, нехолодный	цёплы	warm	lau
Малая степень -t	холодноватый, прохладный	прахалодны	nippy, clement, lukewarm, cool	kühl
Средняя степень -t	нетеплый, хладный, холодный, стылый, остылый, охладельный, захолодельный	халодны, негарачы, сцюдзёны, зябкі, сцюжны, настылы, астылы, ачახлы, захаладзелы, прастылы, стылы, асклелы	cold, biting, chill, chilly, bracing, wintry	kalt
Высокая степень -t	морозный, студеный	марозны	frosty, icy, gelid	bitterkalt, eiskalt, frostkalt, eisig

Наряду со степенью проявления температурного признака следует отметить также и его значимость, вызываемые им ощущения. Так, очень высокая/очень низкая температура вызывает неприятные ощущения; высокая/низкая температура может вызывать как приятные, так и неприятные ощущения, а температура, свойственная человеческому телу (ни теплая, ни холодная), ощущается как нейтральная, вызывает комфортные, приятные ощущения.

Семантическое развитие прилагательных, передающих температурный признак, характеризуется регулярностью, однотипностью тематической отнесенности производных значений благодаря наличию одинаковых сем в исходном, производящем значении.

Прилагательные температурного восприятия активно используются для описания признаков, воспринимаемых другими органами чувств, что осуществляется на основе сходства интенсивности воздействия на органы чувств и эмоциональной оценки. Температурные прилагательные употребляются для характеристики признаков, воспринимаемых зрительно (рус. *теплый тон*; белорус. *цёплыя фарбы, халодныя зоры*; англ. *warm colours* 'теплые цвета', *cold light* 'холодный свет'; нем. *warmes Rot* 'теплый красный', *kaltes Licht* 'холодный свет'), на слух (белорус. *цёпная музыка*; англ. *hot rhythm* 'горячий ритм'; нем. *heiße Musik* 'горячая музыка'). Следует отметить употребление только англ. *hot* 'горячий' для характеристики вкусовых качеств. В остальных языках для выражения данного значения используются прилагательные, обозначающие форму предмета: рус. *острый соус*; белорус. *востры сыр*; нем. *scharfer Senf* 'острая горчица'. Переход на признаки, воспринимаемые обонянием, не происходит.

Прилагательные «горячего» полюса используются для передачи интенсивности проявления физического или эмоционального состояния. Лексемы приобретают значение 'вызванный сильным чувством, выражающий сильное чувство; пылкий, страстный' и сочетаются с названиями эмоций, указывая на силу их проявления, например: рус. *горячая вера, жгучий интерес, жаркая любовь*; белорус. *гарачае жаданне*; англ. *red-hot anger* досл. 'раскаленный докрасна гнев'; нем. *heiße Liebe, ihr heißester Wunsch* досл. 'горячая любовь, ее самое горячее желание'. Данные лексико-семантические варианты (ЛСВ) прилагательных вступают в синонимические отношения с ЛСВ прилагательного *острый* 'очень сильный по своему проявлению', например, рус. *острое желание*; белорус. *вострая трывога*; англ. *sharp sense of disappointment* 'острое чувство разочарования'.

В сочетании с существительными в отвлеченном значении процесса, работы, деятельности данные прилагательные актуализируют значение отвлеченного характера ('интенсивный, напряженный, требующий сосредоточения всех сил'), обозначающего степень напряженности процесса, с ярко выраженной экспрессивной окрашенностью (рус. *жаркий бой, горячая пора*; белорус. *гарачыя спрэчкі*; нем. *eine heiße Debatte* досл. 'горячая дискуссия', *warme Anteilnahme* досл. 'теплое участие').

Высокая температура может причинить неприятные ощущения, боль, т.е. предметы, нагретые до высокой температуры, опасны. На основе данного представления об опасности становится возможным употребление температурных прилагательных для характеристики ситуации, явления как опасного, беспокойного, сопровождаемого конфликтами: рус. *раскаленная обстановка в регионе; горячая точка*; англ. *The climate was too hot politically to make such radical changes* досл. 'Политический климат был слишком горячим для принятия радикальных изменений'; нем. *ein heißes Thema* 'горячая тема'.

Исходя из того, что при наименовании температурных признаков за норму принята температура человеческого тела, любое изменение температуры окружающей среды будет ощущаться как отклонение от нормы. Температурные прилагательные в английском языке развивают отдельное значение для передачи физиологического состояния: англ. *Are you warm enough?* 'Тебе тепло?', *I'm cold* 'мне холодно'; нем. *Das Kind ist ganz heiß* 'У ребенка жар', *mir ist kühl (ich friere ein wenig)* 'мне холодно (я немного замерзаю)'. Однако в немецком языке данное значение не выделяется в отдельное, а примеры приведены для иллюстрации употребления прилагательного в производящем значении. Для рассматриваемых славянских языков развитие значения по данной модели не свойственно, а для характеристики физиологического состояния, связанного с высокой или низкой температурой, используются наречия (рус. *мне жарко; ребенку холодно*).

Следует отметить особые случаи употребления прилагательных «горячего» блока английского и немецкого языков для выражения состояния сексуальной возбужденности, что обусловлено сходством двух физиологических ощущений: англ. *The girls all think he's hot stuff* досл. 'Все девушки считают его горячим парнем; его первый горячий любовный роман'; нем. *der Junge ist heiß, er ist warm* досл. 'парень горячий, он теплый'. В данном значении используется и прилагательное *warm* 'теплый', которое благодаря такому переносному значению сближается с прилагательным *heiß* 'горячий'.

В немецком языке прилагательное *heiß* 'горячий' используется также для описания физиологического состояния животных, готовых к спариванию: нем. *die Hündin ist heiß* досл. 'сучка горячая'.

В русском и белорусском языках словари не выделяют такое значение, тем не менее прилагательные могут реализовывать данное значение в разговорной речи (например, рус. *горячий парень*).

Температурные признаки обозначают временные и мгновенные характеристики предметов, объектов, и именно поэтому прилагательные температурного восприятия широко используются для описания эмоциональных состояний субъекта. Лексемы со значением высокой/низкой температуры указывают, скорее, на отрицательные эмоции, а прилагательные, обозначающие малую степень проявления температурного признака (как 'горячего',

так и ‘холодного’), – на положительные. При этом спектр чувств может начинаться от гнева, злости, переходя к спокойствию, равнодушию, отсутствию дружелюбия, и заканчиваться враждебностью.

Характер и поведение человека не подвержены быстрым изменениям и могут выступать в качестве более стабильных характеристик, что подтверждается малым количеством лексем, развивающих значение ‘вспыльчивый, легко возбуждающийся/холодный, сдержанный, отчужденный’: рус. *горячий нрав, горячая голова, горячая лошадь; холоден в обращении, охладела душа*; белорус. *гарачы характар, гарачы конь; астылы таварыш*; англ. *to have a hot temper* (досл. ‘иметь горячий нрав’); *Martin was really cold towards me at the party* ‘Мартин был холоден со мной на вечеринке’; нем. *ein eiskalter Mensch* досл. ‘холодный как лед человек’.

В семантической структуре температурных прилагательных прослеживается следующих переход: ‘горячий/холодный’ → ‘выражающий душевную теплоту, дружеское отношение/недоброжелательный’ → ‘свидетельствующий о дружеском отношении/равнодушии, недоброжелательности’. В данном случае лексемы служат для описания таких проявлений эмоционального состояния человека, как взгляд, голос, тон, а также результатов умственной и речевой деятельности: рус. *теплое чувство, теплая дружба, атмосфера; прохладные отношения, остывший взгляд, холодный ответ, стылое выражение лица*; белорус. *цёплая ўсмішка, цёплыя словы; халодны позірк, халоднае развітанне, халодная каманда*; англ. *The Hungarian people are warm and friendly* ‘Венгры – очень теплый и дружелюбный народ’; *a lukewarm response* ‘сдержанный ответ’, *a cool response* ‘холодный ответ’, *a chilly reception* ‘холодный прием’, *frosty stare* ‘ледяной взгляд’, *wintry smile* ‘холодная улыбка’, *biting satire* ‘едкая (досл. холодная) сатира’; нем. *warme Herzlichkeit* досл. ‘теплая душевность’; *kalter Empfang* ‘холодный прием’, *Ihre Stimme war hart und kalt* ‘Ее голос был резким и холодным’, *ein kühler Blick* ‘прохладный взгляд’.

В производящих значениях прилагательных, обозначающих малую степень проявления признака, содержится компонент ‘приятное ощущение’. В переносных значениях прилагательных со значением ‘теплый’ этот компонент сохраняется, в то время как в случае *прохладный* положительная оценка в переносных значениях не наследуется: «норма для этой семантической зоны значительно выше, т.е. температура хороших отношений и реакций, скорее, должна быть больше (или, по крайней мере, не меньше) температуры физиологических реакций» [9, с. 226]. Исключением является прилагательное нем. *kühl*, у которого уже в производящем значении присутствует указание на неприятные ощущения, следовательно, развитие переносного значения ‘отталкивающий, отчужденный’ вполне логично. При этом невозможно (за исключением немецкого *warm*) употребление лексемы *теплый* в эмоционально более напряженных ситуациях: рус. **теплая любовь, страсть*; белорус. **цёплыя спрэчкі*; англ. **warm temper*.

Прилагательные со значением ‘холодный’ могут приобретать положительную оценку в случае указания на отсутствие эмоций и исключительную роль интеллекта, разума при принятии решений, мыслительной деятельности: рус. *холодное решение, холодный расчет*; белорус. *халодная разважлівасць*; нем. *eine kühle Vernunft* ‘холодный разум’; *mit kalter Berechnung* ‘с холодным расчетом’, *eiskaltes Karrieredenken* досл. ‘холодные мысли о карьере’. Данные значения указывают на контролируемость эмоций и их подвластность разуму и вступают в синонимические отношения с ЛСВ прилагательного *сухой*, например, рус. *сухой расчет*; белорус. *сухі разлік*.

В семантике тактильных прилагательных так или иначе присутствует дифференциальная или потенциальная сема оценки, которая в английском и немецком языках переходит в ядро значения и прилагательные, передающие среднюю степень проявления температурного признака, начинают выражать оценку. Она может быть представлена следующими вариантами: 1) ‘очень популярный, модный, успешный (такой, которым восхищаются)’: англ. *a red-hot news story* ‘свежая (досл. раскаленная докрасна) новость’; 2) ‘многообещающий, подающий надежды’: англ. *red-hot favourite* ‘подающий надежды (досл. раскаленный докрасна) фаворит’; нем. *eine heiße Favoritin* ‘вероятная (досл. горячая) победительница в соревновании’; 3) ‘очень хороший; захватывающий’: англ. *a hot young guitar player* ‘хороший (досл. горячий) молодой гитарист’, *His new film is hot stuff* ‘Его новый фильм очень хороший (досл. горячий)’.

Несмотря на то, что холодная температура вызывает неприятные ощущения, которые оцениваются отрицательно, английское прилагательное *cool* развивает в своей структуре оценочное значение для выражения: а) одобрения: *‘I’m thinking of studying abroad.’ ‘Really? Cool.’* ‘Я подумываю об учебе за границей. – Правда? Здорово!’; б) согласия: *‘Do you want to come over and watch a video tonight?’ ‘I’m cool with that.’* ‘Если хочешь, я приду к тебе сегодня вечером и мы посмотрим фильм? – Мне это подходит (досл. мне от этого прохладно)’. В русском и белорусском языках переносное значение оценки не формируется.

Температурные прилагательные опираются на тактильность (т.е. имеется в виду, что предмет ощущается на ощупь, руками – т.е. воспринимается осязательно), отражают также способность опосредованного восприятия температуры – через воздух, что позволяет им характеризовать погодные условия (относительно высокую/низкую температуру воздуха) при сочетании с существительными, называющими промежуток времени: рус. *теплая погода, жаркое лето; холодная осень*; белорус. *цёплы дзень, гарачы дзень, жаркі дзень; негарачае лета, халодная зіма, сцюдзёныя ночы*; англ. *a hot day in July* ‘горячий июльский день’; *a chilly November morning* ‘холодное ноябрьское утро’, *The day was bitterly cold* ‘день был очень холодным’, *the cooler weather of September* ‘прохладная сентябрьская погода’; нем. *warmes Wetter* ‘теплая погода’; *ein warmer Winter* ‘теплая зима’; *der Tag*

war drückend heiß ‘день был знойным (досл. угнетающе горячим)’; *ein lauer Sommerabend* ‘прохладный летний вечер’, *ein kühler Abend* ‘холодный вечер’, *kalte Wintertage* ‘холодные зимние дни’.

Прилагательные малой степени проявления температурного признака употребляются для описания хорошей погоды, не доставляющей дискомфорта, средней степени – для указания на слишком горячую температуру воздуха, которая вызывает неприятные ощущения.

Прилагательные «горячего» и «холодного» блоков сочетаются также с существительными, называющими определенные территориальные зоны, и в это случае дают характеристику климату этой зоны: рус. *теплый климат, теплые края, жаркие страны*; *холодный климат, холодный пояс, холодные края*; белорус. *цёплыя краіны, цёплы клімат; халодныя краіны*; англ. *hot countries* ‘теплые страны’; нем. *die heißen Länder, die warmen Länder* досл. ‘горячие страны, теплые страны’.

Ряд переносных значений связан с обозначением физических свойств объекта, процесса, которые указывают не на температуру определенного объекта, предмета, а на его возможность сохранять, удерживать тепло. Так, прилагательные со значением ‘горячий’ используются для обозначения способности или неспособности объектов – в частности, одежды, реже – различных материалов – сохранять тепло: рус. *теплые носки, рукавицы, теплая шаль, теплое одеяло*; *холодная шинель, холодное одеяло*; белорус. *цёплае адзенне, цёплая коўдра; халоднае паліто, халодная шапка*; англ. *This sweater's too hot to wear inside* ‘Этот свитер слишком теплый (досл. горячий), чтобы носить его в помещении’; *Here, put on your nice warm coat* ‘Вот, надень свое красивое теплое пальто’; *a cool cotton dress* ‘прохладное хлопчатобумажное платье’; нем. *warme Kleidung* ‘теплая одежда’; *eine warme Decke* ‘теплое одеяло’; *sich warme anziehen* ‘тепло одеваться’.

На комфортное состояние человека может влиять не только одежда, способная сохранять тепло, но и температура воздуха в помещении, которая зависит от наличия отопления. Температурные прилагательные могут использоваться для указания на наличие/отсутствие в помещении отопления: рус. *теплая квартира, теплый дом*; *холодная квартира, холодная дача*; белорус. *цёплая палавіна; халодны хлеў, сцюдзёная будыніна*; англ. *warm buildings* досл. ‘теплые здания’; нем. *kalt (im ungeheizten Zimmer) schlafen* ‘спать в неотапливаемой комнате (досл. холодно спать)’.

Однако слишком высокая температура воздуха в помещении оценивается отрицательно, о чем свидетельствует употребление прилагательного рус. *жаркий (жаркая изба, жаркий полдень)*.

Способ осуществления действий, в плане наличия/отсутствия нагревания (или его интенсивности), находит свое выражение в значении ‘приготавливаемый или подаваемый в (не)охлажденном, в (не)горячем виде’, например, рус. *холодные блюда, холодные завтраки*; белорус. *халодная закуска*; англ. *The bar serves hot and cold food* ‘в баре подают холодные и горячие закуски’; нем. *abends kochen wir meistens nicht, sondern essen kalte*

Speisen ‘по вечерам мы обычно не готовим, а едим холодные блюда’; *Abend esse ich warm* ‘по вечерам я ем горячую (досл. теплую) пищу’.

Прилагательные со значением ‘горячий’ русского и белорусского языков развивают также и значение ‘производимый при высоких/низких температурах’: рус. *горячее копчение; холодная штамповка*; белорус. *гарачая апрацоўка дэталей; халоднае вэнджанне*. Семантическое развитие значений прилагательных английского и немецкого языков по данной модели не отмечено.

Таким образом, рассматриваемые лексемы как «холодного», так и «горячего» блоков обладают большим деривационным потенциалом.

Во-первых, на основе сходства восприятия интенсивности проявления признака становится возможным описание ощущений одних органов чувств с помощью признаков, воспринимаемых другими органами чувств. Анализируемые прилагательные употребляются для характеристики признаков, воспринимаемых зрительно, на вкус и на слух.

Во-вторых, температурные прилагательные фиксируют изменение температуры окружающей среды, отклонение от «нормальной» температуры, свойственной телу человека, и используются для характеристики физиологических состояний (болезнь, сексуальное возбуждение).

В-третьих, наряду с физической температурной шкалой существует и метафорическая, где высокая степень проявления признака ‘горячий’ служит для выражения сильных эмоций, в том числе в ущерб разуму (гнев, ненависть), средняя степень – для описания чувств, ментальных состояний (любовь, вера, стремление), а малая степень, представленная в каждом языке всего одним прилагательным, – для обозначения искренних реакций и отношений (чувства, дружба, компания). При движении к холодному полюсу «теплота» реакций и интенсивность проявления чувств постепенно уменьшается – от безразличия до враждебности.

В-четвертых, на основе присущих лексемам положительных и отрицательных коннотаций, температурные прилагательные как «горячего», так и «холодного» блоков английского и немецкого языков развивают оценочное значение, что не свойственно русскому и белорусскому языкам.

Так, наличие групп прилагательных со сходными производящими и производными значениями в четырех рассматриваемых языках свидетельствует о сходном членении народами пространства «температурный признак» в картинах мира и позволяет сделать ряд выводов о механизмах осмысления в языке таких сфер, как эмоции, характер, деятельность человека и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер Пресс, 2009. – 705 с.

2. *Ананьев, Б.Г.* Теория ощущений / Б.Г. Ананьев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 456 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. акад. АН БССР К.К. Атраховіча. – Мінск : Галоўная рэдакцыя БелСЭ, 1977–1984.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch / red. bearb. von R. Osterwinter. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 2007. – 2016 s.
6. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners. – 5th ed. – Harlow : Pearson Education Ltd, 2009. – 2081 p.
7. *Ломов, Б.Ф.* Кожная чувствительность и осязание / Б.Ф. Ломов // Познавательные процессы: ощущения, восприятие : сб. ст. / НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР ; под. ред. А.В. Запорожца [и др.]. – М. : Педагогика, 1982. – С. 197–218.
8. Общее языкознание: структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий : учеб. пособие / Н.Б. Мечковская [и др.] ; под общ. ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйш. шк., 1995. – 336 с.
9. *Рахилина, Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М. : Рус. словари, 2000. – 416 с.

The article deals with the main patterns of semantic derivation of the adjectives with the primary meaning of temperature. Temperature as a physical property can be graduated – this peculiarity creates the basis for semantic variation, while the similarity of sensations caused by tactual perception and social interaction represents another source for figurative meanings.

Поступила в редакцию 10.02.11

С.А. Гаджиева

ПОТУСТОРОННИЙ МИР В РЕЛИГИОЗНЫХ ДОГМАТАХ

В статье рассматриваются религиозные догматы, в которых описываются происходящие после смерти человека события, этапы прохождения его душой пути в потустороннем мире, восходящие к преданиям глубокой древности.

Философская идея смерти и бессмертия души занимает особое место в концепции времени у греческих философов. Для подтверждения бессмертия души философы предлагали несколько доказательств. *Первое* состоит в обосновании происхождения противоположностей друг из друга, на основе чего жизнь есть следствие смерти, а сама смерть обуславливает как причина следующую жизнь. Эта очередность «непреходяща», т.е. мы обнаруживаем

постоянную (замкнутую, циклическую) смену противоположных сил, в том числе и таких, как жизнь и смерть.

Второе доказательство исходит из положения о том, что источником знаний человека является его душа, которая должна обладать знаниями еще до рождения, чтобы стало возможным их «припоминание». Припоминание как вид знаний также является следствием «замкнутой» каузальной цепи рассуждений. Нет такого знания, которое взялось бы ниоткуда; о нем можно лишь забыть, но затем вновь воскресить в памяти при помощи философской воли и усердия. Познание – это бесконечный процесс смены «забывания» (при рождении) и «припоминания» (при всей жизни, особенно в момент смерти) одного и того же набора знаний (эйдосов).

Третье доказательство допускает отдельное существование тела как зримой вещи и души как зримой вещи. Тело, в силу сотворенной природы, способно через определенное время разрушаться и истлевать, тогда как душа, будучи вечной и неуничтожимой сущностью, остается постоянной и неизменной по своей «природе». В этом доказательстве наиболее интересной является аргументация этической стороны проблемы. Не всякая душа оказывается блаженной и становится после смерти приближенной к богам. Речь идет только о душе философа, который при жизни уже отдалял свою душу от тела углубленным самопознанием, изучением бессмертных сущностей. Души остальных людей (в точности с индуистской, буддийской концепцией реинкарнации) могут обрести новое тело в зависимости от того образа жизни, который они вели перед смертью.

Мифологема смерти, имеющая истоки в мифах, легендах, преданиях разных народов, в различных формах, а иногда в схожих содержаниях, нашла отражение в различных учениях. Учитывая общность в своих основных постулатах, несмотря на различие подробностей и некоторое различие в последовательности, мы ставим своей целью рассмотреть источник, излагающий православное вероучение. В качестве объекта изучения берется научный труд «Православно-догматическое Богословие Макария, митрополита московского».

В одной из частей книги, параграфе 248 («Обстоятельство, предваряющее частный суд: смерть человека») [1, с. 523] причина смерти человека мотивируется грехопадением первого человека (Адама), а далее доказываем, что по смерти человека бывает для него суд частный в отличие от суда всеобщего. Следующий параграф посвящен описанию мытарств:

1) говорится, что к умирающим людям являются ангелы Божии и духи-истязатели [1, с. 535];

2) говорится, что после разлучения с телом душа человека совершает свой путь в мир высший через воздушные пространства, непрестанно встречая здесь падших духов [1, с. 536];

3) представляется, что эти темные духи как мытари-истязатели останавливают душу во время пути ее к небу на разных мытарствах, припоминают ей постепенно разные виды ее грехов и стараются всячески ее

осудить – между тем как добрые ангелы, сопутствующие душе, в то же время припоминают противоположные грехам ее добрые дела и заботятся ее оправдать [1, с. 537];

4) представляется, что Бог не непосредственно творит суд частный над душою человека, по разлучении ее с телом, а пропускает истязать ее духам злобы, как бы орудием своего грозного правосудия, и вместе с тем употребляет в орудии своей благодати ангелов добрых [1, с. 537].

«Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а сколько для нас возможно, в смысле духовном и не привязывается к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными» [1, с. 538].

В книге пишется: «Веруем, что души умерших блаженствуют или мучатся, смотря по делам своим. Разлучившись с телами, они тотчас же переходят или к радости, или к печали и скорби: впрочем, не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно» [1, с. 538–539].

Из сказанного следует, что, во-первых, человек в потустороннем мире оценивается деятельностью в реальном мире, во-вторых, души умерших лишь только при общем воскресении, когда они соединятся с телом, в полной мере почувствуют адекватное своим делам воздаяние.

Параграф 257 («Мздовоздаяние грешникам: а) их наказание во аду») полностью посвящен описанию места, куда отходят грешники, называя его «тьмою кромешною, печью огненной» (существуют и другие названия: ад, геенна, тартар, озеро огненное и т.д.). Однако суд частный, которому подвергается каждый человек, не является полным и окончательным. На частном суде лишь душа подвергается мздовоздаянию. Это есть своего рода предначатие того блаженства (для праведников на небеси) или мучения (для грешников в аду), которое они заслужили. Наконец, после частного суда для некоторых грешников остается еще возможность облегчить свою участь и даже освободиться из уз ада, если не через собственные заслуги, то по молитвам Церкви. Но всеобщий суд предначертан для всего рода человеческого [1, с. 613].

В день всеобщего суда сначала все мертвые воскреснут, а потом живущие изменятся. Доказывается это таким образом, что в мире вообще ничто не уничтожается и не исчезает, а все остается целым во власти и деснице Вседержителя; что наши тела теряют бытие через смерть только для нас, а не для Бога, который совершенно знает все, даже малейшие частицы каждого умершего тела, хотя бы они рассеялись повсюду и соединились с другими телами, и всегда силен воссоединить эти частицы в прежний организм [1, с. 625].

Весьма интересным является тезис о возможности воскресения в теле. По самому существу христианства необходимо, чтобы «якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси некогда ожили» (1 Кор. 15, 22), чтобы не только был побежден первый наш враг – дьявол, но упразднен и последний враг – смерть (1 Кор. 15, 26). Иначе цель пришествия Христова на землю, цель всего христианства не будет достигнута вполне: человек спасется не весь, враги его будут не все побеждены, во Христе мы получим менее, нежели сколько потеряли во Адаме.

Воскресения наших тел требуют и правда Божия и премудрость. Правда: ибо тело человека участвует как в добрых делах души, так и в ее беззакониях; следовательно, по справедливости, должно участвовать и в ее вечных наградах или наказаниях. Премудрость: ибо, по премудрости, Бог создал человека двухчастным, из тела и души, чтобы в этом виде он достигал своего предназначения; следовательно, премудрость Божия не оправдалась бы от дел, если бы, рано или поздно, тело человека, по разлучении с душою, снова не соединилось с нею для составления полностью человека.

Воскресение мертвых будет «всеобщее и одновременное». По качествам своим воскресшие тела

1) будут практически теми же, какими и были в продолжение настоящей жизни при соединении их с известными душами;

2) с другой стороны, будут и отличаться от настоящих тел, потому что восстанут в виде преображенном, по подобию воскресшего тела Христа Спасителя [1, с. 628–629].

Кроме воскресения мертвых, открыта еще тайна о том, что те, которых суд застанет в живых, также изменятся и очень быстро.

Суд будет состоять из судьи, сидящего на престоле, из ангелов, около него, подсудимых: а) всех людей, б) праведных и злых, в) дьяволов. Предметами суда будут: дела, слова и мысли человеческие. Богословие говорит, что не надо разуметь суд местным и плотским.

В тот же «последний день», в который совершится последний суд Божий над всем миром, последует и кончина мира. Кончина мира будет состоять не в том, что он только изменится и обновится посредством огня... Весь мир вещественный должен очиститься от губительных следствий греха человеческого и обновиться. Это-то обновление мира и совершится в последний день посредством огня, так что на новом небе и новой земле не останется уже ничего греховного, а будет «жить» одна «правда» (2 Петр. 2, 13) [1, с. 638–639].

Вечные мучения грешников будут состоять: 1) в удалении от Бога и проклятии, 2) в лишении благ царствия Божия, 3) они будут в аду с дьяволами, которые будут их мучить, 4) они будут испытывать внутреннее мучение, 5) будут испытывать внешние мучения: червя неумирающего и огня неугасающего. Вот какое объяснение дается представлению огня в аду: «Услышавши об огне, не думай, будто тамошний огонь похож на здешний: этот, что захватит, сожжет и изменит на другое: а тот, кого однажды обымет, будет жечь всегда и никогда не перестанет, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не в честь, но

чтобы быть всегдашним напутием тамошнего мучения: а сколь это ужасно, того и представить ум никогда не может; разве из опытного познания маловажных бедствий можно получить малое понятие о тех великих мучениях. Если ты будешь когда в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь гееннский; и если ты когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись умом к оному пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Ибо если баня и горячка так мучат и беспокоят нас: то что мы будем чувствовать, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь перед страшным судилищем!» [1, с. 652–653]. Изложенное подкрепляется еще одним мнением: «Каково будет, говорил также другой св. Отец, состояние тела у подвергшагося этим некончаемым и нестерпимым мучениям там, где огонь неугасимый, червь бессмертно мучительствующий, темное и ужасное дно адово, горькое рыдание, необычайные вопли, плач и скрежет зубов, и нет конца страданиям? От всего этого нет избавления по смерти, нет ни способов, ни возможности избыть горьких мучений» [1, с. 654].

Не излишне, на наш взгляд, привести здесь толкование Суда, данное Н.Н. Вашкевичем в книге «Системные языки мозга», которое как нельзя лучше раскрывает завуалированный смысл учения: «Пробуждение – событие радостное. Можно сказать, тысячелетняя подспудная мечта человечества. Но причем здесь Суд и разделение людей на две категории: на праведников и грешников с соответствующими последствиями? Одни пойдут в ад, где правят черти, другие – в рай, где вечное блаженство. Вначале разберемся с Судом. Напишем это русское слово по-арабски, получим *суъу:д* ‘подъём’, синоним *куйа:ма* ‘подъём’, ‘пробуждение’, ‘воскресение’.

...Надо полагать, что один из синонимов пробуждения, осмысленный в контексте разделения людей на две категории, превратился при русском его прочтении в название судебного процесса.

...Разделение людей на две группы явным образом связано с идеей спасения, рефреном звучащей в разных религиях. Кого надо спасать? Спасать надо грешников» [2, с. 368]. Итак, по мнению ученого, «суд» есть пробуждение мозга, которое активизирует человеческое сознание и выводит его интеллект на новый уровень состояния. Естественно, что могут быть и другие интерпретации, однако, к сожалению, они пока нам неизвестны. В любом случае указанная версия прочтения текста заслуживает внимания. И еще одна цитата из рассуждений того же ученого, которая проливает свет на понятия *апокалипсис*, *черт*, *ад* посредством арабского языка как системного языка мозга: «Итак, апокалипсис – это раскрытие ума, обретение утраченной на время мудрости. А в чем же опасность – спросит читатель, кого надо спасать? Дело здесь в том, что каждый орган может отдыхать не более положенного срока. Если время отдыха превышает этот срок, происходит дисфункция органа. Этот закон не знает исключений. Мозг, как и любой другой орган, должен исполнять свою функцию. В противном случае произойдет вырождение. Если человек не проснется в положенное время, дисфункция головного мозга приведет к тому, что человек превратится в обезьяну, как

уже происходило это многократно. Человек уйдет туда, где властвуют черти. Кстати, *черт* от арабского *қирд* ‘черт’, ‘шайтан’, ‘обезьяна’. В свою очередь, арабское *қрд* ‘обезьяна’, как было сказано, от русского *ДРК* ‘дурак’.

Посмотрим теперь, что такое *ад*. Напишем это слово арабскими буквами *ʔa:d* ‘возвращаться’, ‘идти назад’. Понятно. Человек не сможет остаться на том уровне, на котором находится сейчас. Кто проснется, уйдет вперед, кто не успеет, пойдет назад, деградирует, пойдет в ад. Нет, гореть на вечном огне не будет. Идея горения происходит от того, что слово *шайтан* созвучно с арабским глаголом *ша:та* ‘гореть’, ‘подогреть’. Это с одной стороны. С другой – арабское *джуханнам* ‘геенна’ созвучно с русским *огонь*. На самом деле это арабское слово надо сближать с корнем *джунна* ‘сходить с ума’. Ад – ведь царство безумия» [2, с. 370–371]. В данном случае, опять же, суждения ученого позволяют в собственной версии приоткрыть скрытый смысл священного языка.

Итак, подведем итоги анализа книги догматов православного вероучения относительно понимания концепта «смерть»: смерть человека является результатом грехопадения Адама; описывается весь путь, который проходит душа после разлучения с телом; совершается над ней «частный» и «всеобщий суд»; каждому воздается по его делам при существовании в теле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Православно-догматическое Богословие Макария, митрополита московского. – Петербург, 1895. – 674 с.
2. *Вашкевич, Н.Н.* Системные языки мозга. – 2-е изд. – М.: Белые альвы, 2002. – 400 с.

The article deals with the religious dogmata which go back to the ancient legends, and in which the events that take place after one's death, the passage of one's soul within the beyond are described.

Поступила в редакцию 14.03.11

А.О. Долгова

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

(на материале русского, английского и немецкого языков)

Глубинные двучленные логико-грамматические структуры устойчивых сравнений реализуются на уровне поверхностных синтаксических структур с разной степенью эксплицитности: в виде двучленной полной структуры со сравнительным союзом (однако в русском языке, в силу сохранения творительного падежа сравнения, имеются также бессоюзные устойчивые сравнения); в виде одночленной структуры с «подразумеваемым»

тематическим компонентом. Впервые показано, что в силу устойчивой связи между тематической и рематической частями компаративного фразеологизма, лексическое наполнение тематических частей предсказуемо, хотя и в разной степени в зависимости от широты лексической сочетаемости эталонной части с тематической.

Вопрос о структурно-семантической двучленности компаративных фразеологизмов. В лингвистике существует две противоположные точки зрения на структуру компаративных оборотов: одни ученые признают их структурно-семантическую двучленность, другие не всегда отмечают наличие левой (исходной) части в структуре сравнительных конструкций. Под *сравнительным оборотом* часто понимается эталон, вводимый сравнительными союзами *как, словно, будто* и др. А.Ф. Прияткина приводит следующее определение сравнительного оборота: «часть предложения, состоящая из словоформы существительного, прилагательного или наречия – одиночной или с зависимыми словами, которая вводится сравнительными союзами...» [1, с. 534].

Такая точка зрения распространяется и на структуру *фразеологических сравнений*, особенно неидиоматичных. По мнению В.М. Огольцева, А.Г. Назаряна, левая часть не обязательно должна включаться в состав фразеологического сравнения. Такие устойчивые сочетания (УС), как *белый как снег, коварный как змея, лежит как бревно, стоит как столб* и др., исследователи считают одночленными, включающими только сравнительную часть и сравнительный союз. Основание сравнения может быть представлено в речи, но не является обязательным компонентом сравнения, поскольку, по мнению А.Г. Назаряна, в большей степени изменчиво, варьируемо по сравнению с эталонной частью [2, с. 16]. «Одноэлементные компаративные структуры составляют абсолютное большинство устойчивых сравнений», – заключает В.М. Огольцев [3, с. 81].

В отличие от В.М. Огольцева, А.Г. Назаряна, такие фразеологи, как И.И. Чернышева, А.В. Кунин, М.М. Копыленко, З.Д. Попова и др., настаивают на включении левой и правой частей в состав УС [4; 5; 6]. Рассматривая УС как двучленные структуры, исследователи тем самым подчеркивают взаимосвязь «мыслительного процесса сопоставления объектов окружающего мира и процесса языкового выражения сравнения» [6, с. 103]. Мы придерживаемся точки зрения о неразрывной связи и семантической зависимости между левой и правой частями компаративного фразеологизма, ведь в том случае, когда УС рассматривается как одночленная структура, включающая только сравнительную часть (со сравнительным союзом), «нарушается синтаксическая целостность и единство оборота» [7, с. 126]. Фразеологическое значение УС формируется при взаимодействии исходной и эталонной частей [8; 9], ведь отдельно взятая правая часть может имплицитно содержать в себе не один, а несколько признаков: напр., рус. УС *как (словно, точно) медведь* содержит семы 'сильный, здоровый' и 'неуклюжий, неповоротливый'; в сочетании с глаголом *жить* эталон приобретает

значение ‘замкнуто или одиноко, чуждаться людей, общества’; эталон *медведь* может также служить для усиления семантики глагола: *спать как (словно, точно) медведь* ‘много, беззаботно’ [Оглц, с. 342–343].

Основные формы реализации глубинной двучленной логико-грамматической структуры устойчивых сравнений в поверхностном синтаксисе. Устойчивое сравнение представляет собой глубинную логико-грамматическую структуру, состоящую из левой (исходной, тематической) и правой (эталонной, рематической) частей. На уровне поверхностных синтаксических структур возможны следующие варианты реализации глубинной двучленной синтаксической структуры УС, основными из которых являются: 1) двучленная структура (левая и правая части со сравнительным союзом и без него); 2) одночленная структура (правая часть со сравнительным союзом).

Большинство УС в поверхностном синтаксисе русского, английского и немецкого языков имеют двучленную структуру, т.е. состоят из тематической и рематической частей, соединенных сравнительным союзом: *He wears contact lenses. He's blind as a bat without them* (‘Он носит контактные линзы. Без них он слеп как летучая мышь’), т.е. ‘не способен хорошо видеть’ [LId, p. 19]¹, где *blind* (‘слепой’) – левая часть, *a bat* (‘летучая мышь’) – правая, *as* – сравнительный союз. Двучленность УС определяет своеобразие синтаксических функций компаративных фразеологизмов в предложении. Левая часть является независимым членом в структуре УС, а правая часть – зависимым членом, поэтому левая и правая части УС представляют собой два члена предложения, т.е. занимают в предложении разные синтаксические позиции.

В большинстве русских, английских, немецких УС компаративные отношения выражаются с помощью сравнительных союзов. В русском языке возможен бессоюзный способ выражения сравнения, если эталонная часть представлена существительным в творительном падеже (так называемый творительный сравнения): *смотреть медведем* ‘быть, казаться нелюдимым, угрюмым’ [МАС. Т. 2, с. 242]. Некоторые из таких УС имеют параллельную форму с союзом *как*: *стоять столбом* = *стоять как столб* ‘стоять неподвижно, обычно с бессмысленным видом’ [МАС. Т. 4, с. 271]. В некоторых русских УС левая часть выражена компаративом, а правая представляет собой существительное в родительном падеже (с пояснительными словами либо без них): *проще пареной репы* ‘очень просто или очень простой’ [МАС. Т. 3, с. 23]. Левая часть таких УС, кроме компаратива, может включать глагол: *беречь пуще глаза* ‘охранять, оберегать самым тщательным образом’ [МАС. Т. 3, с. 567].

Некоторые компаративные фразеологизмы на поверхностном синтаксическом уровне имеют одночленную структуру. Левая часть может не употребляться в речи, если правая часть УС содержит эксплицитное сказуемое (глагол или причастие), и фразеологизм свободно функционирует

¹ Толкования английских и немецких словарей даны в переводе автора статьи. – А.Д.

в речи без левой части: *Часового как ветром сдунуло со стула. Он выскочил на крыльцо*, т.е. ‘исчез, убежал, ушел’ [Оглц, с. 91]. По данным М.И. Черемисиной, «конструкции, не содержащие сказуемого в компаративной части, распространены в русской речи несопоставимо шире сложных конструкций с эксплицитным сказуемым в составе компаративной части» [10, с. 21]. Среди рассматриваемых 266 русских УС имеется 27 сравнительных конструкций с эксплицитным сказуемым в правой части, что составляет 10,5 % от всего исследуемого материала русского языка. Эти данные подтверждают результат исследования М.И. Черемисиной свободных сравнительных конструкций.

Левая часть устойчивых сравнений как грамматический детерминант всего оборота.

О разной предсказуемости лексического компонента в левой части.
В силу устойчивой связи между тематической (левой) и рематической (правой) частями УС, левая часть является в высокой степени предсказуемой, иногда, правда, полностью, иногда – частично. Например, сравнение *как воды в рот набрал* предполагает в исходной части только глагол *молчит*, а для эталона *как сивый мерин* в левой части возможны две группы лексем: а) лексемы *врать*; *брехать* и б) *глупый* (*глуп*) [Оглц, с. 347–348]. Два различных глагола сочетаются с английским сравнительным оборотом *like a ton of bricks* (досл. ‘как тонна кирпичей’): а) *to come down on smb.* (‘упасть (обрушиться) на кого-л.’); б) *to hit smb.* (‘ударить кого-л.’), в зависимости от сочетания с которыми сравнение приобретает различные значения: в первом случае – ‘наказать кого-л. очень строго или сказать кому-л. со злостью, что он сделал что-л. неправильное’ [LId, p. 355]; во втором – ‘заставить кого-л. испытать сильные эмоции, чаще отрицательные’ [LId, p. 355]. В некоторых случаях одна и та же правая часть может соединяться с несколькими синонимичными лексемами: например, *крутится, извиваться, изворачиваться, вывертываться, увиливать, выскальзывать как угорь* ‘уклоняться от прямых вопросов, лавировать в словах или поведении, стремясь выйти из затруднительного положения’ [Оглц, с. 705]; *as hard/tough as nails* (досл. ‘твердый/прочный как гвозди’) ‘не испытывающий никаких нежных чувств’ [LId, p. 240]; *dumm, blöd, doof wie die Nacht* (досл. ‘глупый как ночь’) ‘очень глупый’ [DudUni, S. 1056]. В речи, правда, возможно отсутствие исходной части, если смысл эталонной части понятен из контекста и/или ситуации, в которой происходит общение.

Представленность левой части устойчивых сравнений в словарях.
Словари тоже не всегда приводят левую часть. Размещение/неразмещение левой части в словаре зависит от типа словаря, его объема и назначения. Тенденция опускать тематическую часть сравнения (в целях экономии места) более характерна для общих словарей трех языков (MAC, Oxf, Long, DudUni), в то время как фразеологические словари, особенно словари сравнений (Оглц, LId, DudId), стремятся к подробному отображению сочетаемости левой и правой частей УС, а также их окружения. Левая часть

УС всегда представлена в словарях русского языка, если компаративные фразеологизмы размещаются по опорному слову левой части (напр., в словаре Л.А. Лебедевой [11] или если компоненты идиоматичных оборотов характеризуются фразеологически связанным значением и обладают высокой степенью устойчивости, например, *гол как сокол* ‘ничего не имеет, беден’ [МАС. Т. 4, с. 187].

В словарях исходная часть может подаваться в круглых или квадратных скобках. Некоторые лексикографы специально призывают к подаче левой части УС в квадратных скобках (например, [*dumm*] *wie Bohnenstroh* (досл. ‘[глупый] как бобовая солома’), считая, что она «не входит в состав фраземы, а относится к ее окружению» [12, с. 145]. При таком подходе исходная часть может включаться в круглых скобках в словарное толкование УС. Например, для оборота *как на дрожжах* толкование выглядит следующим образом: ‘очень быстро (расти, вырастать, подниматься и т.п.)’ [Млрк, с. 146].

В привлекаемых словарях трех языков исходная часть не приводится в составе УС, если правая часть выступает в качестве интенсификатора и может сочетаться с несколькими глаголами или прилагательными различной семантики: *like anything* (досл. ‘как что-нибудь’) ‘используется, чтобы подчеркнуть, что что-л. происходит или осуществляется в большом объеме на протяжении длительного промежутка времени, в сильной степени и т.п.’ [LId, p. 212]; *wie ein Wilder/wie die Wilden* (досл. ‘как дикарь/как дикари’) ‘с очень сильной вспыльчивостью, интенсивностью’ [DudUni, S. 1742]. В таких случаях увеличивается необходимость эксплицитного представления лексического компонента тематической части УС.

Реконструкция левой части устойчивых сравнений. В случае отсутствия исходной части УС в лексикографическом источнике для восстановления грамматической семантики оборота проводится реконструкция его семантико-синтаксической структуры. Левая часть эксплицируется из словарного толкования оборота, а также из приведенных в словарной статье примеров или на основе иного лексикографического источника. Эксплицированная левая часть приводится в работе в квадратных скобках.

Экспликация левой части из словарного толкования оборота производится следующим образом. Например, оборот *как будто (будто, словно, точно) язык проглотил* в словаре толкуется так: ‘замолчать, перестать говорить, болтать и т.п.’ [Млрк, с. 362]. В толковании содержится слово (точнее, несколько слов), называющее действие, которое образно характеризуется с помощью эталонной части сравнения. Наличие в толковании глагола *замолчать* позволяет эксплицировать левую часть УС следующим образом: [*замолчал*] *как будто (будто, словно, точно) язык проглотил*. Для английского УС *like a rabbit caught in the headlight* (досл. ‘как кролик, пойманный фарами’) на основании толкования ‘используется, чтобы сказать, что кто-л. очень смущен и не знает, что делать’ [LId, p. 278] лексический состав компаративного фразеологизма эксплицируется следующим образом: [*to be confused*] *like a rabbit caught in the headlight* (досл. ‘[быть смущенным]

как кролик, пойманный фарами’). Например, немецкое УС *wie Gott jmdn. geschaffen hat* (досл. ‘как Бог создал кого-л.’) определяется как ‘к чьему-л. удивлению голый’ [DudUni, S. 624], что дает основание следующим образом эксплицировать семантику левой части: *[nackt] wie Gott jmdn. geschaffen hat* (досл. ‘[голый] как Бог создал кого-л.’).

В некоторых случаях при экспликации семантики левой части русских УС приходится прибегать к синонимическим заменам ключевого слова (или нескольких слов) в словарном толковании сравнения. Так, согласно [Млнк, с. 260] УС *как (будто, словно, точно) воды в рот набрал* означает ‘(будто) онемел, лишился дара речи’. Слово *онемел* или выражение *лишился дара речи* синонимичны глаголу *молчит*, поэтому полный вид УС следующий: *[молчит] как (будто, словно, точно) воды в рот набрал*.

Иногда семантико-синтаксическую структуру УС можно восстановить по приведенным в словарной статье примерам. К примеру, УС *как на ладони* ‘очень ясно, отчетливо’ в [МАС. Т. 2, с. 160] иллюстрируется так: “С круглой высокой сопки ... соседняя станция была видна как на ладони”, что позволяет следующим образом представить его полный вид: *[быть видимым] как на ладони*. Немецкий УС *wie Graf Koks [von der Gasanstalt]* ‘как граф Кокс [с газового предприятия]’ ‘очень важно, знатно’ так иллюстрируется в DudId: “Der neue Filialleiter tritt wie Graf Koks von der Gasanstalt auf” (досл. ‘Новый руководитель филиала держится (ведет себя) как граф Кокс с газового предприятия’) [DudId, S. 273]. Таким образом, немецкое УС имеет следующий вид: *[auftreten, sich benehmen] wie Graf Koks [von der Gasanstalt]* (досл. ‘[держаться, вести себя] как граф Кокс [с газового предприятия]’).

Для восстановления исходной части УС иногда приходится опираться на толкование или примеры из другого лексикографического источника. Например, английский оборот *like blazes* (досл. ‘как языки пламени’) ‘очень старательно, очень быстро’ [Oxf, p. 117] иллюстрируется в [LId, p. 29] с помощью такого примера: “We used to throw stones at his window, then *run like blazes*” (досл. ‘Мы бросали камни в его окно, потом бежали как языки пламени’), поэтому имеет вид *[to go/to run] like blazes* (досл. ‘[идти/бежать] как языки пламени’).

Таким образом, лексическое наполнение левых частей УС предсказуемо в высокой степени, правда, одни эталонные части сочетаются с синонимичными лексемами, другие эталоны – с лексемами различной семантики.

Лексико-грамматический состав левых частей устойчивых сравнений. В левой части русских, английских и немецких УС встречаются практически все знаменательные части речи, однако представлены они не в равной мере: преобладают глаголы (включая причастия), потом прилагательные, затем наречия, меньше всего – существительных. Компаративные фразеологизмы с числительным в исходной части представлены только в русском материале: *один как перст* ‘о том, кто не имеет семьи, близких, кто совершенно одинок’ [МАС. Т. 3, с. 112].

Материалы русского и немецкого языков обнаруживают бóльшую близость относительно частеречного состава левых частей УС по сравнению с материалом английского языка. В русском и немецком материалах существенно преобладают сравнения с глаголом в исходной части, в то время как в английском материале удельный вес УС с глаголом в левой части незначительно превышает относительный объем УС с прилагательным. По данным Л.Т. Мифтахутдиновой, в английской компаративной фразеологии сравнения с прилагательными даже преобладают: их относительный объем составляет 68 % [13, с. 90]. Относительный объем УС с существительным в тематической части больше в русском материале, по сравнению с английским и немецким. Данные выводы сделаны на основе структур УС, отображенных в словарях. При этом точные количественные подсчеты частей речи, которые встречаются в исходных частях УС, невозможны: иногда в левой части компаративного фразеологизма могут быть представлены (или эксплицированы) несколько синонимичных лексем, которые являются разными частями речи. Например, в случае отсутствия левой части УС в словарях словарное толкование некоторых оборотов позволяет реконструировать различные части речи. В английском УС *like a millpond* (досл. 'как мельничный пруд') '(о море) очень спокойное' [Long, p. 659] можно экстраполировать глагол (*[to be] like a millpond*), существительное (*[the sea] like a millpond*), прилагательное (*[to be calm] like a millpond*).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Устойчивое сравнение представляет собой глубинную синтаксическую структуру, состоящую из тематической и рематической частей. Глубинные двучленные логико-грамматические структуры УС реализуются на уровне поверхностных синтаксических структур с разной степенью эксплицитности: 1) в виде двучленной структуры со сравнительным союзом (при этом в русском языке имеются также бессоюзные УС, в которых существительное рематической части представлено в творительном падеже; 2) в виде одночленной структуры с «подразумеваемой» тематической частью.

2. В силу устойчивой связи между тематической и рематической частями компаративного фразеологизма, в структуре УС тематическая часть предсказуема в разной степени: полностью, если эталон сравнения сочетается с одной лексемой, или частично, если эталонная часть сочетается с несколькими лексемами. При единственно возможном сочетании лексема тематической части может оставаться не эксплицированной; чем меньше предсказуемость лексического наполнения тематической части, тем выше необходимость эксплицитного лексического представления тематического компонента УС.

3. В тематической части УС трех языков встречаются практически все знаменательные части речи: преобладают глаголы (включая причастия), затем – прилагательные, потом – наречия, меньше всего – существительных. Числительные представлены только в русском материале. Материалы

русского и немецкого языков обнаруживают бóльшую близость относительно частеречного состава тематических частей УС по сравнению с материалом английского языка. В русском и немецком материалах, в отличие от английского, существенно преобладают сравнения, содержащие в тематической части глагол. В русском материале, по сравнению с английским и немецким, выше относительный объем УС, в исходной части которых представлено существительное.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прияткина, А.Ф.* Сравнительный оборот / А.Ф. Прияткина // Русский язык: энцикл. / под ред. Ю.М. Караулова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. – С. 534–536.
2. *Назарян, А.Г.* Введение / А.Г. Назарян // Устойчивые сравнения французского языка: с примерами, переводом и эквивалентами в русском языке: справочное пособие / А.Г. Назарян. – М., 1998. – С. 15–18.
3. *Огольцев, В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 160 с.
4. *Чернышева, И.И.* Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М. : Высш. шк., 1970. – 200 с.
5. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Издат. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
6. *Копыленко, М.М.* Очерки по общей фразеологии: Фразеосочетания в системе языка / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 191 с.
7. *Kostov, M.* Feste Vergleiche im Bulgarischen / M. Kostov // Linguistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte. Untersuchungen zur slawischen Phraseologie / Akademie der Wissenschaft der DDR. – 1982. – № 120. – S. 121–142.
8. *Назаренко, Л.Ю.* Чешская компаративная фразеология: структура, семантика, функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Л.Ю. Назаренко ; Ин-т языковедения АН УССР. – Киев, 1989. – 19 с.
9. *Николаева, Е.К.* Идеографическое описание компаративных фразеологических единиц польского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Е.К. Николаева ; Ленингр. гос. ун-т. – Ленинград, 1989. – 16 с.
10. *Черемисина, М.И.* Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1976. – 270 с.
11. *Лебедева, Л.А.* Предисловие / Л.А. Лебедева // Устойчивые сравнения русского языка: краткий темат. словарь / Л.А. Лебедева. – Краснодар, 2003. – С. 3–9.
12. *Günter, K.* Über die Zeichenverwendung bei der Darstellung der Phraseologie / K. Günter // Linguistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte. Untersuchungen zur

slawischen Phraseologie / Akademie der Wissenschaft der DDR. – 1982. – № 120. – S. 143–149.

13. *Мифтахутдинова, Л.Т.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-прилагательным в английском и турецком языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Л.Т. Мифтахутдинова. – Казань, 2003. – 176 л.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оглц – *Огольцев, В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М. Огольцев. – М. : ООО «Русские словари» ; ООО «Изд-во Астрель» ; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / редкол. : А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

Млтк – Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных ст. / под ред. А.И. Молоткова. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.

DudId – Der Duden : in 12 Bd. / Das Standardwerk zur deutschen Sprache / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – 1991–1993. – Bd. 11 : Duden. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten / Wörterbuch der deutschen Idiomatik: mehr als 10000 feste Wendungen, Redensarten und Sprichwörter / hrsg. und bearb. von G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1992. – 864 S.

DudUni – Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. – 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1996. – 1816 S.

Long – Longman Dictionary of Contemporary English : in 2 Vol. / под ред. И.И. Самойленко. – М. : Рус. яз., 1992.

LId – Longman Idioms Dictionary / ed. K. Stern. – 3rd impr. – Addison Wesley Longman Ltd, 2000. – 398 p.

Oxf – *Hornby, A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby ; ed. by S. Wehmeier. – 6th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. – 1539 p.

Depending on the prediction degree of the lexical fullness of thematic parts of set similes their deep two-part structures are presented at the level of surface syntactic structures in the form of either of a two-part construction with a comparative conjunction or of a one-part construction with an “implicit” thematic component.

Поступила в редакцию 15.03.11

Ф.Р. Новрузов

СИМВОЛИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ И ЗНАКОВАЯ КОДИРОВКА КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Статья посвящена проблеме особенностей художественно-изобразительных средств мифологического языка, которые практически не носят характер внеличного, или надличного. Учитывая то, что по сегодняшний день мифологические тексты не были переведены на азербайджанский язык с оригинала, дается обстоятельный анализ подлинников, которые дают возможность в дальнейшем учесть характерные особенности мифологических произведений в аспекте выявления специфических оттенков художественно-изобразительных средств языка.

В.А. Авдиев в одном из комментариев писал: «Можно хорошо знать историю Греции, в совершенстве владеть древнегреческим языком, восторгаться бессмертной красотой гомеровских поэм и строгими пропорциями греческой архитектуры. Но всего этого мало, чтобы понять внутренний смысл и великое всемирно-историческое значение греческой культуры, чтобы почувствовать душу гениального греческого народа, впервые давшего человечеству великие идеи свободы, патриотизма и борьбы за честь и независимость родины» [1, с. 5].

Античная культура не ограничивается только древнегреческой. Однако нет сомнения, что цитированные дифирамбы первому искусству на земле включают в себя всю античную культуру в целом. Хотелось бы добавить: истинную красоту познают не только через восторженные слова, а путем последовательного и скрупулезного изучения характерных особенностей этой литературы.

Важность и актуальность данного вопроса тем более возрастает, если учесть тот неоспоримый факт, что на протяжении целого ряда десятилетий азербайджанские переводчики пользовались русским вариантом, а не первоисточником. Как это ни прискорбно звучит, но такая тенденция, по всей видимости, будет продолжаться и в будущем. Большинство национальных переводчиков вынуждены переводить эпические сочинения Гомера, бессмертные древнегреческие и римские трагедии и комедии только на основе русского текста.

Проанализируем некоторые характерные особенности мифологических произведений античного периода в аспекте выявления специфических оттенков художественно-изобразительных средств языка. В ходе лингвистического и отчасти литературного анализа вплотную подойдем к разъяснению сущности символично-мифологического подтекста, а также знаковой кодировки, потому что эти особенности мифологических произведений античности являются наиболее яркими чертами греческой и римской литератур. Следуя принципу хронологии и твердо зарекомендовавшему себя

в теории литературоведения методу исторического детерминизма, считаем целесообразным и логичным начать обзор критической литературы с эпических творений Гомера, протягивая нить к трагедиям Эсхила, Софокла и Еврипида и подводя итог нашим научным изысканиям на материале римской литературы.

В 1960–1980-х гг. в союзной критической литературе заметно оживился интерес к эпике Гомера. Вышли в свет монографии Н.Л. Сахарного, А.Ф. Лосева, С.П. Маркиша, А.А. Егунова. В 1990-х гг. были переизданы его старые переводы на русский язык и появились новые (В.В. Вересаев, П.А. Шуйский и некоторые другие). К ним вскоре появились дополнительные комментарии Б.В. Казанского, В.Н. Ярхо, Я.А. Ленцмана, С.Я. Лурье, И.М. Тронского, С.И. Радцига, А.А. Тахо-Годи и др. Соответственно дополнялся и переоформлялся научный аппарат в помощь переводчикам с древнегреческого языка.

Однако по меркам бывшей классической филологии множество самых разнообразных проблем все же связывалось с идейно-художественной направленностью поэм «Илиада» и «Одиссея». Но современной наукой уже обстоятельно доказано, что анализ по образам действующих лиц является далеко не полным критическим разбором как со стороны лингвистической дисциплины, так и в теории литературоведения. Область мифопоэтического языка Гомера долгое время остается недостаточно разработанной. В работах названных ученых в крайне малой степени затрагиваются вопросы, связанные с интерпретацией языковых нюансов мифологических и образно-поэтических тропов в древнегреческих эпических сказаниях. А ведь надо объективно признать, что изучение стилевой манеры письма Гомера, равно как и последующего поколения греческих трагиков или комедиографов, является одной из важнейших филологических проблем. Не изучив всех тонкостей родного языка, фактически невозможно подойти к правильному и точному переводу. Совершенно очевидно, что некоторые ошибки (среди которых, вполне возможно, окажется искажение идейного содержания) будут допущены при переводе гомеровских произведений на русский язык. А это, в свою очередь, означает наличие еще большего количества неточностей и отступлений от оригинала в процессе перевода на азербайджанский язык.

В «Илиаде» и «Одиссее» мы обнаруживаем колоссальное количество собственно мифологических и образно-поэтических тропов. Между ними есть некоторая разница. В первом предоставляется возможность для современного читателя изучать объективную реальность какого-либо образа. Например, кони Ахилла говорят человеческим голосом или Афина превращается в ласточку и в облике птицы наблюдает за сражением Одиссея с соперниками в финальных песнях «Одиссеи». Во втором случае буквальная реализация описываемого образа в процессе правильно переданного перевода воспринимается уже в переносном смысле и служит непосредственно поэтическим целям. Мифологический троп, таким образом, начинает занимать промежуточное положение между прямым и переносным, или

опосредованным значением. Понятно, что мифологические обороты и всевозможные образные сравнения и сопоставления, как и любой миф вообще, предшествуют поэтическим тропам. Однако, изучая особенности мифологических произведений в комплексном виде, мы не станем их специально разделять и дифференцировать (это, скорее всего, задача локальной статьи, в которой в целях общего ознакомления надобно осветить лишь одну из составных частей стиля Гомера). В нашем случае разделение следует провести лишь по границе смены общественных формаций в античном мире. А именно: можно утверждать, что одной из бросающихся в глаза особенностей языка Гомера является отражение им мифологического мышления, соответствующего ранним ступеням общинно-родовой формации. Два вида указанных нами тропов ясно демонстрируют эти отношения, вполне понятные для человека на заре цивилизации; в это время мифологическое мышление в большинстве своем распространялось на природу и на весь материальный мир. Кроме того, в наиболее ярких изобразительных средствах языка присутствует некая двойственность художественного изображения избранного автором объекта. Чаще всего выделяют предметную сторону, требующую поэтического выражения, и образную, которая служит для объяснения данного предмета с его различных ракурсов. Одной из таких особенностей мифопоэтического мышления Гомера является факт их нераздельного эстетического восприятия, что, разумеется, должно быть тонко отражено и в процессе перевода. В форме такого синтетического представления мифологические и сугубо поэтические тропы и зафиксированы в эпосе Гомера.

В поэмах (особенно в «Илиаде») сильна и целенаправленная тенденция к откровенной демонстрации божественного вмешательства в человеческую жизнь, к почитанию (пусть порою только и внешнему) людьми богов. В то же время не демоны и не судьба, но человек во всей совокупности его деяний стоит на страже политических интересов и художественных пристрастий поэта. В умелом проблемном и стилевом сочетании этих новаторских сентенций предметная и образная стороны мифологических тропов оказываются спаянными. При внимательном изучении языковой стороны поэм гармонически уравновешенной предстают перед нами психологическая и биологическая жизнь человека, в известной степени слаженными оказываются и общественные взаимоотношения людей, связь с богами и природой. Последний факт четко свидетельствует о равновесии общественных и божественных сил. Они посредством многочисленных мифологических вкраплений оказываются следствием отчетливо выраженного гармонического мирозерцания первого официального поэта на земле, а в дальнейшем (и в этом несложно убедиться) становятся ведущей тенденцией в античном греческом искусстве, по следам Гомера также пропитанном мифологическими чертами.

По факту осмысления особенностей художественно-изобразительных средств языка становится ясным, что практически все они носят характер внеличный, или надличный. Что это означает? Гомер живописует человека в обязательных связях с семьей, родом и племенем, отмечает его генетически родственную близость к природе. Любые личные соображения так или иначе подчиняются некоему коллективному идеалу. На соответствующих примерах, которые будут приведены ниже, можно доподлинно и строго исторически судить о жизни греческого общества гомеровских времен, точнее, конца первого тысячелетия до нашей эры. Считаем, что надличный характер раскрывается в некоторых последующих принципах специфически знакового употребления. Важно подчеркнуть, что они не являются продуктом беглой или спонтанной поэтической выдумки, субъективно-фантастического вымысла, но прежде всего результатом последовательной творческой трансформации древних мифологических преданий.

К первому и, пожалуй, главенствующему принципу отнесем *смежность предмета и образа* в тропе. В его мифопоэтическом выражении ярче всего проявляется синтез идейных убеждений Гомера с их конкретным языковым оформлением. Даже на условно-формальном уровне понятна необходимость учета этого принципа для переводчиков с греческого на азербайджанский язык. А теперь о конкретике вводимого в научный оборот понятия.

Смежность предмета и образа в тропе основана на том уровне мышления, когда человеческая мысль не была в состоянии охватить целый ряд понятий или явлений действительности в качестве единого целого, включающего в себя различные области знаний или мотивы поведения в обществе. Так возникали вполне естественные для человека тех времен ассоциации по смежности, несколько примитивные, но вполне доступные для понимания. С помощью мифологических тропов, выражаясь современным языком, отчетливо проявлялся хронотоп несовместимости, когда осмысливаются события, одновременно происходящие в разном пространственно-временном континууме. В сознании человека, а, следовательно, и в восприятии читателя они и соединяются по смежности одного явления с другим. Вот образцы такого мифопоэтического стиля Гомера. Войско он называет народом или скопищем людей, божеский гнев – желчью, море – солью, хлеб – священным плодом, тело – кожей, корабль, ведомый Афиной Палладой, – кормой, город, охраняемый волею людей или по прихоти богов, – укреплениями из стен и т.д.

Как видим, происходит замена одного признака предмета на сам предмет, а если смотреть глубже, то на его символический контур, который заменяет собою живой образ. Символический подтекст показывает склонность Гомера к употреблению метонимий. Здесь же, т.е. в рамках реализации настоящего принципа по смежности предмета и образа в тропах, укажем на характерные особенности его мифопоэтического воззрения. Автор уходит от магически-демонического представления о вещах, однако, словно останавливаясь на полдороге, обращает главное внимание только на обобщенный

признак выражаемого предмета. В силу того обстоятельства, что образование тропов по данной схеме способствует их частой повторяемости в тексте обеих поэм, можно говорить о таком принципе письма, как схематизм и стандартизация.

К примеру, А.Ф. Лосев, отмечая в своих трудах модели такого повтора, говорит о некоем стандарте, основанном на идее вечного круговорота и многократного повторения непрерывно обновляемых событий в пределах устоявшегося и малоподвижного патриархального общества [2]. Мнение Лосева верно в том отношении, что в поэмах Гомера действительно ощущается нечто устойчивое, привычное и раз навсегда данное. Жизнь человека здесь нередко воспринимается сквозь призму известных к тому времени словесных формул, подтверждающих определенный стереотип поведения. Но, как нам кажется, авторитетный ученый все же не до конца прояснил высказанную мысль. Ведь одной из особенностей мировидения поэта является не только схематизация и стандартизация некоторых тропов, складывающихся по модели многократного повторения, но и оригинальность их употребления.

Несложно понять, что *оригинальность* прямо противоположна принципу стандартизации. Ведь схема уже сама по себе подразумевает изолированность рассмотрения того или иного понятия, факта или явления, по существу прогнозируя его конечность. Оригинальность, в свою очередь, предоставляет максимальный простор для воссоздания подлинного высокого поэтического образа. Следует только помнить, что во времена Гомера индивидуализация литературных героев генетически еще накрепко была связана с мифологией, если и выделялась из мира древних сонм и преданий, то исключительно благодаря гениальной интуиции греческого поэта. По данной причине мы и наблюдаем в «Илиаде» и «Одиссее» удивительно красочную борьбу жесткого стандарта и раскованного полета фантазии, с одной стороны, мифологических определений и художественных ассоциаций из сферы будничной человеческой жизни – с другой.

Так, словно исподволь, рождаются поэтические картины, не имеющие ничего общего с указанной сопоставительной параллелью *море – соль*. Благо, сцены военных баталий в «Илиаде» масштабны, эпический размах огромен, и временами уходит Гомер от блеклого стандарта. В отдельных частях поэмы волны, извергая пену, плюются (песнь четвертая, строка 426), волны кипят, как котел со свиной (XXI, 362), волны режут, как бык, и горбятся (XXI, 237), ворота мычат (XII, 460) и т.п. В то же время имеют место и сравнения мифологического характера: мысли ткуются подобно Гераклу, в одном из мифов вдыхающему дым от жертвоприношений с земли и питающемуся им (VII, 324); страх бледный перед немощью божественной (VII, 479); полет Геры, входящий в один из мифологических циклов о Прометее, сопоставляется с мыслью человека (XV, 80); погоня Ахилла за Гектором ассоциируется с фантастическим сном, в котором человек, по мифологическому преданию, никак не может настичь другого (XXII, 199–201).

В качестве образного сопоставления напомним комментарии А. Булгакова к вступительной главе к роману «Мастер и Маргарита». В ней указанный мифологический эпизод трансформирован в погоню за неуловимым Воландом.

Ясно, что приведенные тропы созданы из соединения совершенно разных предметов и образов. Здесь находим сочетания, заимствованные Гомером из естественной среды обитания. В них показано, как стихийная мощь первобытной природы подчиняет себе волю человека. Представлена и сфера умственная, демонстрирующая аффективную и эмоциональную деятельность героев тех времен. Вместе с тем образная сторона тропов, безусловно, почерпнута из хаотического космического мира; он сродни мифологическим атрибутам, все разрушающим и сметающим на своем пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдиев, В.А.* Предисловие / В.А. Авдиев // Греческая цивилизация : в 3 т. / А. Боннар. – М. : Искусство, 1992. – Т. 1. – С. 5.
2. *Лосев, А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М. : Красная Пресня, 1949. – С. 93–96.

The article deals with the distinctive features of artistic facilities of the mythological language, which do not have a personal nature. Taking into account the fact that original mythological texts have not been translated into Azerbaijani, the article gives a detailed analysis of scripts. It allows in future to take into account distinctive features of mythological texts with respect to revelation of specific shades of artistic facilities of a language.

Поступила в редакцию 10.03.11

М.Ю. Олешков

ПРАГМАТИКА ЭМОТИВНОСТИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Построение лингвистической теории эмотивности требует изучения не только языковых средств, но и механизмов их реализации при воздействии на языковую личность. Экспрессивно-эмотивные речевые акты, реализуемые говорящим в институциональном дискурсе, обладают прагматическим потенциалом и могут быть типологизированы интенционально.

Эмоции – особая, своеобразная форма познания и отражения действительности. Поскольку человек выступает одновременно и объектом, и субъектом познания, эмоции связаны с потребностями человека, лежащими

в основе мотивов его деятельности. Психологическая и психолингвистическая науки нацелены прежде всего на исследования функций эмоций в деятельности человека. Несмотря на четкость научных позиций, состояние изучения психологии эмоций остается неудовлетворительным. До сих пор не решена задача построения целостной, многоуровневой психологической теории эмоций, что создает определенные трудности для лингвистов, обращающихся к проблемам языковой репрезентации и экспликации эмоциональных состояний. Сам перечень основных эмоций не установлен окончательно ни в психологии, ни в физиологии (психологи насчитывают более пятисот различных эмоций).

Эмоции как фактор, выражающий состояние субъекта, модификации внутреннего состояния индивида и его отношение к окружающему миру, объединяют в себе два рода явлений: эмоциональные состояния (объект изучения психологов) и эмоциональные реакции, которые во многом обусловлены той информацией, которую человек получает из окружающего мира. Именно эмоциональные реакции являются предметом междисциплинарного «внимания», так как они «социально детерминированы» культурой, эпохой, образованием, полом, воспитанием и другими факторами существования индивида в социуме.

В частности, построение адекватной теории эмотивности на лингвистическом уровне требует изучения не только языковых средств, но и механизмов их реализации при воздействии на языковую личность.

Можно говорить о языке *описания* эмоций и языке *выражения* эмоций, а для исследования различной природы выражения эмоциональных смыслов необходимо разграничивать *эмоционально заряженную* (номинативная функция) и *контекстуально обусловленную* лексику (прагматическая функция).

На лексическом уровне средства выражения эмоций различными исследователями классифицируются неоднозначно. Выделяют такие категории, как предикаты эмоций с исходной категориально-эмотивной семантикой (*грустит*), метафорические предикаты эмоций с производной семантикой (*каменеть*), «эксплицитно» выраженные предикаты эмоций (*грустный*, *грустно*), «имплицитно» подразумевающиеся предикаты эмоций с дифференциально-эмотивной семантикой (*глупый*), собственно эмотивы-экспрессивы с исходной эмотивной семантикой (междометия *ах!* *увы!*), эмотивы-коннотативы типа *пужон* и др. Ю.Д. Апресян указывает, что «к базовой лексике этого рода относятся глагольные синонимические ряды *беспокоиться*, *бояться*, *сердиться*, *стыдиться*, *гордиться*, *удивляться*, *восхищаться*, *любить*, *надеяться*, *радоваться*, *грустить* и многие другие; ряды соответствующих существительных, прилагательных и наречий (*беспокойство*, *радость*, *рад*, *тревожно*, *с тревогой*, *в тревоге*, *боязно*, *со страхом*, *в страхе*) и т.д.» [1, с. 51].

В дискурсивном аспекте (в устном вербальном взаимодействии) говорящий в соответствии со своим коммуникативным намерением отбирает для передачи информации в эмотивном контексте языковые единицы, облада-

ющие необходимым значением, как предметно-логическим и коннотативным, так и «эмоциональным», и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи, в результате чего текст как продукт дискурсивного процесса приобретает определенный эмоционально-прагматический потенциал, который объективно существует в содержании и форме сообщения и на этапе реализации уже «не зависит» от создателя текста/дискурса.

Разговорная речь всегда в большей или меньшей степени эмоциональна. Естественно, что носители языка могут существенно отличаться друг от друга по степени эмоциональности или рассудочности своей натуры. Но даже самый логически мыслящий человек вынужден пользоваться общераспространенными средствами, чувствуя, что аффективная речь – это лучший способ внушить свою мысль собеседнику. Как указывает Ш. Балли, «каждый прекрасно понимает, что он пользуется речью не для того, чтобы говорить с самим собой и не только ради самого себя... Стоит лишь немного понаблюдать над фактами, чтобы убедиться в одном: говорящий почти всегда стремится донести до слушателя и навязать ему не столько логическое содержание, сколько ее субъективную сторону» [2, с. 330–331]. Происходит реализация апеллятивной функции речевых средств (по Н.С. Трубецкому), которая проявляется в возбуждении в собеседнике определенных чувств, причем сам говорящий эти чувства далеко не всегда переживает. Можно сказать, что эмотивность, наряду с аксиологичностью, является составляющей информационного пространства любого дискурса. Кроме того, степень эмоциональной насыщенности коммуникативного акта зависит от контекста, в котором он реализуется, или – шире – от речевой ситуации.

Учитывая все трудные и нерешенные вопросы психологической теории эмоций, лингвист в первую очередь должен исследовать собственно языковые механизмы проявления и выражения эмоций, которые наиболее рельефно проявляются в устном вербальном взаимодействии. Объектом нашего исследования в эмотивном аспекте является *институциональный (дидактический) дискурс* учителя как форма устного вербального воздействия на учащихся в речевом пространстве школьного урока.

В обобщенном понимании процесс такого воздействия может трактоваться как событие, состоящее в том, что субъект А вызывает или предотвращает некоторое изменение объекта В. В контексте дидактического взаимодействия естественно считать такое воздействие адресанта А (учителя), которое вызывает или предотвращает изменение определенных характеристик и проявлений адресата В (учащегося), в том числе относящихся к его деятельности (и поведению в целом), к его сознанию (и бессознательной сфере психики), к его личности.

Воздействия такого рода могут анализироваться во многих аспектах, в частности:

1) в интенциональном аспекте исследуется то, как на активацию или предотвращение каких изменений реципиента ориентировано воздействие;

2) операциональный (прагматический) аспект связан с тем, каким образом, посредством каких операций осуществляется воздействие;

3) результативный аспект определяется тем, какой результат достигается благодаря воздействию (при этом он не всегда совпадает с исходными интенциями);

4) статусно-ролевой аспект касается социального или социально-психологического статуса коммуникантов.

В данной статье мы рассматриваем особенности вербального воздействия учителя на учащихся в контексте эмотивной природы используемых в этом процессе речевых актов. Таким образом, статусно-ролевой и результативный аспекты при этом остаются «за кадром», и нас интересуют в первую очередь интенциональный и операциональный аспекты, проявляющиеся в виде высказываний (реплик) учителя на уроке.

Значение интенциональной составляющей при анализе эмотивного речевого акта отмечает О.Е. Филимонова: «Если исходить при определении эмотивности из понятия ситуации, представляющей эмоциональное состояние субъекта, то придется признать, что существуют разнообразные средства репрезентации эмоционального состояния и отношения в различных условиях общения и в зависимости от намерений говорящего» [3, с. 32].

Характеризуя операциональный аспект дидактического воздействия, следует учитывать, что анализируются примеры прямого воздействия, когда адресант и адресат (реципиент) находятся в непосредственном контакте.

Кроме того, при анализе мы рассматриваем только фрагменты дидактической ситуации, т.е. речевые акты, реализуемые в рамках монологической (а не диалогической) стратегии воздействия, хотя развитие интеракционного процесса на вербальном уровне во многих случаях легко прогнозируется: многие высказывания учителя имеют внутреннюю «диалогическую» основу (подразумевают адекватные/неадекватные вербальные реакции адресата).

В процессе дидактического взаимодействия на уроке эмотивные вербальные проявления участников коммуникации в прагматическом аспекте направлены на создание атмосферы, способствующей плодотворному обмену информацией. Такие речевые акты всегда интенционально обусловлены и, как правило, достаточно локальны, но при этом они выполняют важнейшую функцию создания особого микроклимата, при котором возникает более полное взаимопонимание, доброжелательность и положительный эмоциональный настрой обеих сторон – преподавателя и учащихся.

Выражение эмоций является неотъемлемой частью любого общения, но в педагогической практике оно несет в себе дополнительную нагрузку – привлечь внимание учеников к учебному материалу. В то же время в процессе обучения возникают различные ситуации, в которых происходит «выплеск» не только положительных эмоций, но и отрицательных, выражающих отношение к сложившейся ситуации.

Экспрессивно-эмотивные речевые акты, обладающие прагматическим потенциалом, содержащие определенные иллокутивные цели и реализующие соответствующие намерения говорящего, могут быть типологизированы

интенционально (пожелание, комплимент, требование, эмоциональная поддержка и др.). При этом мы согласны с мнением Е.Г. Бронниковой, которая отмечает, что «эмоциональность как характеристика высказывания не локализована в структуре одного вида речевых актов. Являясь универсальной категорией, она может входить в структуру всех видов речевых актов как дополнительная иллокутивная цель – выражение эмоций» [4, с. 6].

Так, речевые **акты-пожелания** определяют «позитивную» атмосферу занятия, создают положительный эмоциональный настрой, что во многом обуславливает эффективность взаимодействия субъектов участников общения, например: *Сегодня у нас Дима именинник! Давайте поздравим его и пожелаем успехов в учебе и всего самого наилучшего.*

Данные формы вербального выражения направлены на стимулирование и активизацию деятельности учащихся. Часто такие речевые акты используются в начале урока для создания «рабочей», деловой обстановки (*Здравствуйте, ребята! Я вижу, у вас хорошее настроение и желаю вам, чтобы оно оставалось таким же до конца дня. Пусть это настроение поможет вам узнать много нового и интересного*). Подобные пожелания уместны и в конце занятия. Например: *До свидания, всего доброго. Домашнее задание сегодня я вам задавать не буду. Я вас всех благодарю, и счастливых вам каникул!*

Прагматической целью речевых **актов-комплиментов** является эмоциональная поддержка собеседника посредством подчеркивания его положительных качеств. В структуре дидактического дискурса такие виды речевых актов также являются источником передачи положительных эмоций. Положительный заряд комплимента, в отличие от пожелания, направлен на отдельного ученика. В некоторых случаях комплимент используется для обозначения симпатии к группе людей. В педагогической практике такие речевые формулы часто используются коммуникабельными учителями, хорошо знающими своих учащихся, например: *Миша, ты выглядишь сегодня отлично! Сегодня Андрей меня по-настоящему порадовал! Андрей сегодня поражает своей работоспособностью и стремлением к знаниям.*

О.А. Алимуратов и М.А. Каратышова отмечают: «Реализация комплиментарного речевого акта обусловлена различными коммуникативными целями, в основе дифференциации которых лежит критерий эксплицитности/имплицитности» [5, с. 109]. Стремление выразить положительную оценку, как правило, эксплицируется говорящим. Это свойственно и дидактическому дискурсу. Но, по нашим наблюдениям, «эксплицитные» комплименты, используемые учителями, не всегда являются искренним выражением чувств и эмоций, а часто используются с манипулятивными целями или для привлечения к себе внимания и завоевания расположения ученика. В этом случае комплимент, как и пожелание, утрачивает свою экспрессивно-эмоциональную окраску. Но каким бы ни был речевой акт-комплимент, он практически всегда достигает прагматического эффекта.

Целью речевых **актов-требований** является побуждение к действию в решительной, категорической форме. Такие акты считаются важным методом воспитания и активизации ученика в учебном процессе. Акт-требование не всегда является эмотивным, но всегда выполняет свою прагматическую функцию. Уровень эмотивности зависит от интенсивности речевого воздействия говорящего, проявляющейся в «форме предъявления». Часто нелегко сразу оценить, каким является воздействие эмотивного акта-требования: положительным или отрицательным. Показателями являются манера и тон, в котором требование осуществляется. Повышение тона обычно не способствует возникновению ответных положительных эмоций, так же, как и «неуважительное» обращение. Можно привести следующие примеры: *Вставай, когда разговариваешь с учителем! Принеси и покажи мне все, что ты написал в тетради.*

Нередко речевой акт-требование принимает жесткие формы речевой агрессии. Это вызывает адекватную реакцию. Подчас подростки не выполняют требований учителя именно потому, что их оскорбляет неуважительный тон и грубость высказывания. Например: *Я сказала, подойди сюда, олух! Выйди вон, debil.* Такие речевые акты уязвляют адресата и не являются педагогически эффективными [6].

Более жесткой формой требования является угроза – побуждение к действию через обещание причинить неприятность, зло. Иллокутивная сила такого речевого акта не обеспечивает взаимопонимания, жестко регламентирует речевую ситуацию за счет создания негативного фона вербального взаимодействия. Например: *Либо ты сейчас прекратишь, либо завтра я буду беседовать с твоими родителями! Это, по-твоему, нормальная тетрадь? Забери ее, или я вышвырну ее в окно!*

Такие акты экспрессивны по своей природе и оказывают сильное воздействие на адресата-ученика.

Реализация учителем речевых актов **передача эмоционального состояния** влияет на создание единой атмосферы, соответствующей определенной речевой ситуации. Эмоциональные переживания, которые возникают в ходе коммуникации, часто создают общий эмоциональный фон взаимоотношений, регулирующий и, в итоге, определяющий весь процесс совместной деятельности. Использование таких актов в дидактическом процессе зависит от эмоционального состояния и переживаний говорящего или от психологической обстановки и настроений, которые присутствуют в данный момент в коллективе. Поэтому и экспрессивно-эмотивная природа этих речевых актов «обусловлена обстоятельствами». Иллокутивное действие подобных высказываний зачастую граничит с интенциями пожелания, снятия напряжения и даже требования, но их можно выделить в отдельную группу, так как они «полиинтенциональны», а также могут содержать скрытую оценку. Например: *Сегодня у меня очень хорошее настроение, и я хочу, чтобы оно таким же было у вас; Вот мы и подошли к итоговой контрольной работе в этой четверти. Судя по вашим предыдущим*

работам, вы хорошо усвоили материал, а значит, вам не составит никакого труда успешно выполнить задание и ответить на все вопросы. Я уверена, что вы меня сегодня порадуете.

Перед нами явное стремление говорящего сделать общение с аудиторией эмоционально привлекательным, личностно значимым и раскованным, хотя иногда даже у профессионала человеческие эмоции могут быть не только положительными, но и отрицательными (*Мне грустно, что вы опять не готовы к уроку*).

Так как использование речевых актов «передача эмоционального состояния» в коммуникативном пространстве урока во многом зависит от личностных настроений, то следует отметить, что некоторые из зафиксированных нами высказываний являются отражением каких-либо сиюминутных эмоций. Например, мелочная нетерпимость являющаяся выражением негативного отношения, «формирует» отрицательный фон ситуации общения с учащимися: *Что ты копаешься у доски? Не стой там, как истукан, и не верти мел в руках – раскрошишь весь; Как ты сидишь, Артамонова! Положи руки на парту.*

Прагматический эффект, являющийся следствием реализации подобных речевых действий, практически всегда приводит к негативному результату. У учащихся такие речевые акты вызывают протест, а в дальнейшем это приводит к ухудшению взаимоотношений.

Целью речевых **актов эмоциональной поддержки** является установка на повышение уверенности в своих силах, поддержка и исправление учащегося. Интенционально эти экспрессивно-эмотивные речевые акты имеют много общего с оценочными. Но, по словам В.И. Карасика, «различие заключается в том, что оценка направлена на установление объективного положения дел, а эмоциональная поддержка – на создание оптимальных условий для формирования положительного эмоционального настроения человека», что в полной мере соответствует целям данных коммуникативных актов [7, с. 315].

Эмоциональная поддержка выражается в виде положительного отношения к адресату как исходного постулата общения. В процессе дидактического взаимодействия установление личного контакта между преподавателем и каждым учеником является важным, а порой необходимым. Речевые акты эмоциональной поддержки в полной мере способствуют этому. Их особенностью является то, что они не порождают «нового» действия со стороны ученика, а направляют его в уже реализуемом виде деятельности. Часто ученики не могут выразить свои мысли в полной мере, порой не уверены в правильности хода своих действий, и именно эти «речевые формулы» учителя помогают им сориентироваться в обстановке. Например: *Так, Кристина, не торопись, договаривай... Ирина, не переживай, всем свойственно ошибаться. Просто успокойся и начни сначала.* Эмоциональная поддержка часто осуществляется без вербальной экспликации коммуникативного акта – с помощью мимики и жестов.

Нередко в образовательном процессе возникают такие ситуации, когда во время устного ответа ученик начинает путаться, теряет правильное направление в рассуждениях. Видя это, учитель использует речевой **акт-предостережение**, целью которого является направить мысли и действия в «нужном» направлении. Уровень эмоциональности при этом зависит от «личностных» качеств учителя, от ситуации, от его отношения к ученику. В педагогическом процессе предостережение очень часто содержит имплицитную эмоциональную поддержку, так как прагматический эффект, достигнутый с помощью такого речевого действия, способствует «улучшению» ситуации в пользу ученика. Фактически речь идет о ненавязчивой коррекции деятельности обучаемого. Например: *Постой... Ну-ка, ну-ка, говори-ка правильно; И, пожалуйста, осторожнее в построении фраз.*

Речевой акт-предостережение прагматически граничит с требованием, но не содержит в себе категоричности и эмоционально более «мягко».

Интенциональной основой речевого **акта-упрека** является выражение неудовольствия, неодобрения, обвинения на фоне негативной эмоции.

Используя во время педагогического процесса такие эмотивные акты, преподаватель зачастую хочет либо подчеркнуть свое отношение к действиям ученика в данной ситуации, либо указать на его бездействие, либо дать понять учащемуся, что он недоволен его проступком. «Иллокутивная сила» таких речевых действий в некоторых случаях исключительно велика, так как в высказывании часто имплицитно представлено отношение говорящего к адресату (как правило, негативное). Нередко акт-упрек задевает самолюбие учащегося и, как правило, побуждает его к изменению поведения.

Упрек – очень часто используемый в педагогическом процессе вербальный акт, в некоторых случаях содержащий требование. В этом смысле он также эмотивно «отрицательно» заряжен и может высказываться в категоричной форме. Например: *Даша, спишь сегодня на уроке, не работаешь; Тетрадь сдаешь? Наконец-то, через три недели.*

В упреке доминирует пессимизм, что лишний раз подчеркивает негативную экспрессию этого речевого акта. Подобные высказывания часто используются для того, чтобы показать, что выхода из определенной ситуации преподаватель не видит, и это еще больше увеличивает отрицательный «заряд» таких конструкций. В качестве примеров подобных речевых проявлений говорящего можно привести следующие: *Я абсолютно не представляю, что из тебя вырастет! Куда смотрят твои родители? Ничего-то вы не умеете. И что мне с вами делать, ума не приложу.*

Таким образом, если принять (по Дж.Р. Серлю), что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено (сообщение о положении вещей, манипуляция; обязательство совершить нечто; выражение чувств и отношений; внесение изменений в существующий мир) и в одном и том же высказывании мы совершаем сразу несколько действий, то можно сделать вывод о том, что общение в педагогическом

процессе нельзя ограничивать одной только функцией – информацией. Оно должно включать в себя целый комплекс различных вербальных действий, направленных на регулирование отношений между учителем и учениками. Реализация эмоционально окрашенных речевых актов интенционально должна быть обусловлена желанием говорящего (учителя) создать позитивный эмоциональный настрой (акты-комплименты и пожелания), снять напряжение или перевести «энергетический потенциал» в область операциональной напряженности (мобилизовать учащегося на оптимальное выполнение задачи), осуществить коррекцию деятельности учащегося (акты-предостережения), оценить успехи/неуспехи ученика, поощрить или поддержать его (оценочные и стимулирующие акты) и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // *Вопр. языкознания.* – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 394 с.
3. *Филимонова, О.Е.* Эмоциология текста: Анализ репрезентации эмоций в английском тексте : учеб. пособие / О.Е. Филимонова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.
4. *Бронникова, Е.Г.* Эмоциональность и структура речевого акта в тексте художественного произведения : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Г. Бронникова ; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Абакан, 2008. – 162 с.
5. *Алимурадов, О.А.* Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения / О.А. Алимурадов, М.А. Каратышова. – Пятигорск : СНЕГ, 2010. – 140 с.
6. *Олешков, М.Ю.* Вербальная агрессия учителя в процессе педагогического общения / М.Ю. Олешков // *Стандарты и мониторинг в образовании.* – 2005. – № 2. – С. 43–50.
7. *Карасик, В.И.* Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.

The elaboration of linguistic theory of emotiveness embraces not only the means of language but also the ways of their realization while having influence upon the linguistic personality. Expressive-emotive speech acts, realized in institutional discourse by a speaker, have a pragmatic potential and may be intentionally categorized.

Поступила в редакцию 10.03.11

Т.Ф. Плеханова

ОТ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА К ЛИНГВИСТИКЕ ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу подходов к языку и тексту, которые подготовили формирование лингвистики дискурса. Особое внимание уделяется концепциям текста, предложенным М.М. Бахтиным, М. Холлидеем, Т. ван Дейком, а также в рамках стилистики. В основе этих подходов лежит внимание к вопросам функционирования языка в обществе и культуре, в живом общении людей. При этом основной предпосылкой формирования лингвистики дискурса стал «фактор адресата», который определил смену ключевой плоскостной метафоры, представлявшей текст как иерархию семантических компонентов, объемной метафорой пространства (возможного мира). Таким образом, переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса – это переход от линейного моделирования текста как последовательности предложений, объединенных коммуникативным заданием и связанных между собой отношениями лингвистического порядка, к нелинейному его описанию как пространства коммуникации, в рамках которого формируется стратегия дискурса и его смысл.

Современный подход к тексту как дискурсу сформировался в последние десятилетия, и сегодня часто говорится о таком направлении лингвистических исследований, как лингвистика дискурса. Однако основные положения этого направления еще не сформулированы, как не сложилась еще и система его моделирующих категорий. Систематизации требует и выявленный набор основных отличий текста от дискурса и, соответственно, специфика методов анализа дискурса по сравнению с методами описания текста.

Решение этих задач зависит от нашего общего представления о ходе развития лингвистической мысли, в истории которой можно найти параллели с развитием современных идей. Так, идея о дискурсивном исследовании языка была высказана и обоснована еще в 20-е гг. XX в. Необходимость исследовать текст, «длинные жизненные высказывания, диалог, речь, трактат, роман и т.п.» подчеркивалась уже в известной работе М.М. Бахтина (В.Н. Волошинова) «Марксизм и философия языка», «ибо и эти высказывания могут и должны быть определены и изучены чисто лингвистически, как языковые явления... До сих пор лингвистика научно еще не продвинулась дальше сложного предложения; это самое длинное лингвистически научно обследованное явление языка: получается впечатление, точно лингвистический методически чистый язык здесь вдруг кончается и начинается сразу наука, поэзия и проч., а между тем чисто лингвистический анализ можно продолжать и дальше» [1, с. 45].

Почти в течение полувека это замечание М. Бахтина сохраняло свою актуальность, и только в 70-е гг. XX в., когда стала бурно развиваться лингвистика текста, уровень предложения (названный Х. Вайнрихом «геркулесовыми столбами лингвистики») был преодолен.

На необходимость выхода за пределы предложения обращали в свое время внимание А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Н.С. Поспелов. Возникновение лингвистики текста было подготовлено и

успехами стилистических исследований, традиционно сфокусированных на тексте, появлением теории речи в психологии и лингвистике, развитием функциональной грамматики, теории актуального членения, фонолистики.

Однако надежды, возлагавшиеся на лингвистику текста, не оправдались. По мнению М.В. Поповича, ожидания, что открытия в области лингвистики текста дадут правила соединений предложений в связанное целое, но сохраняют неизменным само деление языковой системы на уровни, классы, категории, оказались напрасными [2, с. 84]. Уже к концу 1970-х гг. были сделаны выводы, что исследование текста ведет к перестройке реконструируемой языковой системы, что проявляется 1) в выведении новых содержательных категорий; 2) в теоретической модификации традиционных содержательных категорий; 3) в появлении новых функциональных классов; 4) в переосмыслении и иной классификации единиц традиционной грамматики [3, с. 23]. Из этого следовало, что языковая компетенция не исчерпывается способностью строить и понимать осмысленные предложения, она предполагает также владение механизмами сверхфразового анализа и синтеза. Формирование корпуса текстов не из изолированных предложений, а из сложных и разнообразных по композиции и жанровой принадлежности текстовых единств позволяет создать иную реконструкцию языка, отличающуюся от традиционной [2, с. 84–86].

Вместе с тем лингвистическое исследование текста долгое время ограничивалось анализом отношений между элементами языковой системы внутри текста. В рамках системно-структурной парадигмы исследование велось по линии выявления, описания, моделирования внутритекстовых связей. В качестве компонентов текста выделялись разные единицы его членения: абзац, сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое и др. В результате такого имманентного анализа лингвистика текста стала теорией связности, описывающей разные модели когезии или когерентности текста: логические, грамматические, лексические, стилистические, образные и т.д. [4].

Количество категорий текста, выделенных таким образом, умножилось до нескольких десятков (когезия, когерентность, интеграция, континуум, цельность, тематичность, последовательность, целостность, завершенность, коммуникативность, информативность, текстовость, эмотивность и т.п.). Все они так или иначе объясняют отдельные части механизма связности текста, хотя природа связности остается при этом в тени. Еще в начале 70-х гг. XX в. А.А. Леонтьев и другие ученые доказали, что связность текста имеет нелингвистическую природу [5]. Признание этого факта значительно расширило круг выделяемых категорий текста. В одном ряду оказались такие разнородные свойства текста, как способность нести информацию (информативность) и, например, завершенность или способность создавать «образ автора», «образ читателя» (антропоцентричность). В результате «лингвистика текста в ее категориальной ипостаси превратилась, как в свое время

стилистика, а потом и прагматика, в некое подобие «свалки», в данном случае для текстовых штудий, куда, будучи предварительно идентифицированными как категории текста, в полном несоответствии с принципом, известным как «бритва Оккама»: «Сущности не следует умножать без необходимости», отправлялись все новые и новые особенности, которые рассматривались как присущие тексту» [6, с. 20].

Попытки систематизировать категории текста (выделить некоторые из них как ведущие, разграничить содержательные и формальные категории текста [7] ни к чему не привели, так как до сих пор критерии разграничения категориальных и некатегориальных признаков текста не выработаны. Сложность такой задачи заключается в том, что все категории в тексте взаимодействуют, что само по себе является признаком внутренней организации, или связности, текста.

Поиск новых подходов к определению признаков и критериев текстовости начался с изменением общелингвистической парадигмы. Как отмечает А. Вежбицкая со ссылкой на Ю. Вассмана, «открытие когнитивной антропологии привело к широкому распространению новой терминологии: «категория» и «семантический атрибут» вытеснены «прототипом» и «пропозицией»... Так что, хотя язык продолжает оставаться в центре внимания, к нему подходят иначе: ...он изучается в повседневном общении как «дискурс», из которого должны делаться выводы относительно подразумеваемого «сообщения» [8, с. 303].

Когнитивно-дискурсивная парадигма изменила общее направление исследований текста, а смена научной парадигмы, как заметила Н.Д. Арутюнова, всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию [9, с. 15]. Исследование текста как имманентной структуры сменилось динамичным подходом, изучением функционального и когнитивного аспектов текста и его семантики. Плоскостная метафора текста сменяется объемной – семантическая структура текста как иерархия его семантических компонентов предстает как семантическое пространство текста [10], проблема текстовой референции рассматривается как соотношение «мира внутри текста» и «мира вне текста» [11].

Семантическое пространство текста моделируется также с помощью объемных метафор: во-первых, существует модель, опирающаяся на вычленение ядерной и периферийных зон текстовой семантики и направленная на обнаружение сфер, где формируются семантические компоненты разного порядка [12]; во-вторых, широко используется при интерпретации текста модель «семантики возможных миров» [13], описывающая текстовую семантику как множество всех возможных положений дел, относительно которых истинна вся информация, ассоциируемая с данным текстом [14]. Категориальная модель текста разрабатывается исходя из представления о тексте как структурированном множестве семантических признаков, соотносимых по однородным параметрам на разных уровнях репрезентации модели [15].

Интересный вариант этой модели предложен О.П. Воробьевой, которая рассматривает семантическое пространство текста как полисистемное образование (как макрознак, как коммуникат и как дискурс), которое может быть описано в терминах фреймов (как макрознак), в терминах поля (как коммуникат) и в терминах семантических или когнитивных сетей (как дискурс) [6]. Именно такой полипарадигмальный подход к тексту больше всего соответствует его диалогическому пониманию и отвечает современным требованиям, предъявляемым к научному описанию всех сложных объектов. Текст с его укорененностью одновременно в процессе общения, познания и создания идентичности – несомненно, один из таких сложных объектов.

Подвижки в исследованиях текста начались после того, как «призрак адресата», будораживший, по выражению Ю. Кристевой, воображение литературоведов, превратился в лингвистически обозримый «фактор адресата» [9].

Фактор адресата явился основной предпосылкой формирования лингвистики дискурса. Проблема лингвистического описания коммуникации с точки зрения ее участников решается как в аспекте текстопорождения, так и в аспекте восприятия текста, так как «в порождении речи мощно проявляются силы, исходящие, по существу, не от говорящего, а от его оценки состояния, знаний, склада ума, принадлежности к тому или иному социальному слою и т.п. тех, на кого рассчитана речь» [16, с. 18]. Проблема человеческого фактора в языке решается в настоящее время в рамках коммуникативной, когнитивной и дискурсивной лингвистики, в традиционной лингвистике и литературоведении, в лингвистике дискурса, а также в филологической герменевтике, семиотике культуры, психолингвистике, социолингвистике и этнографии общения, лингвоантропологии и психопоэтике.

Присутствие человека в исследованиях языка и текста очевидно даже в формулировании традиционной проблематики. Показателен в этом отношении сборник статей Р.А. Будагова, вышедший в 2000 г. под заглавием «Язык и речь в кругозоре человека», в котором помещены статьи разных лет, посвященные классическим проблемам языкознания: соотношению формы и содержания в языке, типологии речи, значения и контекста и др. Но красной нитью через весь сборник проходит мысль о том, что необходимо «еще более приблизить язык к человеку, установить органическую связь между языком и всем сложным и многоаспектным “поведением” человека в обществе» [17, с. 111]. И такой подход становится ведущим в современных исследованиях языка как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. В отношении текста наиболее показательна модель, предложенная М. Холлидеем, в которой выделена межличностная функция текста.

В своих работах М. Холлидей излагает понимание текста как процесса семантического выбора: «Текст – это смысл, а смысл – это выбор, постоянный процесс выбора» [18, с. 195]. Идея выбора связана с представлением о нелинейности процесса создания текста, с идеей о множественности

вариантов – словом, она переводит проблему текста в иную плоскость, вернее, в пространство вероятностей, где действуют условия альтернатив и гетерогенности. Концепцию М. Холлидея можно рассматривать как подход к тексту с позиций теории поля. Учитывая сложную природу текста, проблему его единства, связности М. Холлидей решает исходя не из особенностей его частей, а принимая во внимание его холистическую сущность: как целое – текст обладает свойствами, не выводимыми из свойств его частей [19].

Семантическая система, согласно Холлидею, состоит из четырех компонентов: логического, опытного, межличностного и текстового. И «все, что реализует текст, структурируется как выражение всех четырех компонентов» [18, с. 176]. Текстовый компонент выделяется своей преимущественной функцией – «текст – это язык в действии и текстовый компонент воплощает семантические системы, посредством которых текст создается» [20, с. 178]. Другими словами, благодаря семантическим возможностям текстового компонента язык контекстуализируется в противоположность языку, который деконтекстуализирован, как в словарях или предложениях. Текст не конституируется предложениями, у него общая структура, и его смысл спроецирован на более высокий уровень. М. Холлидей ставит вопрос: «Что находится выше текста»? Если текст – семантический процесс, закодированный в лексико-грамматической системе, то что в нем закодировано? Ответ, согласно М. Холлидею, зависит от перспективы, т.е. научной парадигмы исследователя, его идеологии, задач исследования, так как существуют разные уровни семиотического представления смысла. Например, художественный текст можно интерпретировать в терминах лингвистической системы, литературного творчества, рецептивной семантики и т.д.

Модель текста М. Холлидея представляется своеобразным «мостом» между литературоведением и лингвистикой, а процесс построения смысла текста в этой модели – в виде трех принципов:

- организация компонентов текста *реализует*, т.е. одновременно представляет и отражает множественные функциональные значения;
- функциональные значения организованы иерархически. То, какие из функциональных значений *реализуются*, зависит от их значимости в одном из *типов ситуации*. В зависимости от ситуации какая-то определенная функция считается доминирующей;
- во всех типах ситуаций автор и читатель *сотрудничают* в процессе порождения и восприятия текстового смысла [21].

Ситуация, или контекст, характеризуется тремя аспектами: полем, или областью деятельности (field), тональностью, или характером ролевых отношений (tenor), и модусом (mode), под которым подразумевается «символический или риторический канал». Каждый аспект, или компонент, контекста имеет соответствующую языковую функцию. Полю соответствует *понятийная* (ideational) функция. Она представляет язык «как средство говорить о реальном мире», включая выражение логических отношений. Тональности соответствует *межличностная* (interpersonal) функция. Она

представляет язык как «средство, с помощью которого говорящий участвует в речевой ситуации», включая роли, отношения, суждения. *Текстуальная* (textual) функция «разграничивает операциональный текст и цитационное использование языка, она связана со структурированием речевых актов – выбором грамматически и ситуационно уместных предложений» [21].

Три составные части контекста – поле, тональность и модус – взаимодействуют с указанными тремя функциями языка, и в процессе этого взаимодействия при посредничестве лексико-грамматической системы рождается текст. Связь языковых функций с ситуативным контекстом делает возможным выявление ситуативных значений (смыслов). Выбор языковых форм ограничивается контекстом, теми условиями социальной среды, в которых те или иные способы выражения считаются уместными. В то же время процесс организации языковых средств сам по себе выстраивает контекст во всех трех аспектах (речевая деятельность, отношения между автором и читателем, канал коммуникации), в котором тексту предстоит функционировать.

Модель, предложенная М. Холлидеем, как очевидно, динамична, интеракциональна, отношения между компонентами текста и контекста демонстрируют одновременное построение как текста, так и контекста обоими участниками общения. Два момента в концепции М. Холлидея: ситуативность смысла текста и жанрово-культурные аспекты контекста – дают возможность использования этой концепции в анализе текстов различных жанров, в том числе литературных. Функциональную грамматику М. Холлидея не случайно считают основой для создания «контактной зоны» между литературоведением и языкознанием [21]. Поводом для такого суждения, по мнению Ф. Салливана, служит признание М. Холлидеем основного постулата постструктурализма и постмодернизма – неопределенности смысла, которая возникает в силу множественности значений, порождаемых текстом. Включение в процесс смыслопорождения не только ближайшего контекста, но и жанрового, а также культурного увеличивает возможности выявления смысла текста. Поскольку текст создается в процессе взаимодействия языковых функций и социальных контекстов, а социальные контексты включают не только аспекты (поле, тональность, модус), но и уровни (текстовой, жанровый и культурный), то организация всех компонентов текста происходит таким образом, чтобы одновременно реализовались идеационное, межличностное и текстовое значение на трех уровнях контекста. В результате можно выявить значение, как минимум, по девяти параметрам [21].

Модель оказывается довольно эффективной, так как при значительном числе параметров она тем не менее позволяет регулировать, вернее, отслеживать процесс смыслообразования в зонах взаимодействия, т.е. «на стыках и пересечениях» текста и контекста.

При всей значимости модели М. Холлидея интерсубъективный аспект «семантического выбора» в ней не вполне разработан. Межличностная функция, реализуемая через наклонение, модальность и отношение, призвана

лишь прояснить роли говорящего и слушающего и отношение говорящего. Вопрос о «разделенном смысле» не получает развития. Кроме этого, межличностная функция вообще плохо сочетается с понятием *выбор*, так как последнее предполагает только интенциональность, в то время как интерсубъективность требует учета как интенциональности, так и рецептивности.

Постановка вопроса о снятии неопределенности смысла текста привлекает внимание литературных критиков и стилистов ко всем теориям, которые предлагают методику такого снятия. Преимущество теории М. Бахтина заключается в том, что одновременно с проблемой смысла решается и проблема идентичности участников коммуникации. При всем многообразии ролей и масок, которые использует человек в процессе речевого общения, в каждом конкретном контексте идентичность становится определенной и конкретизируется одновременно с совместным конституированием смысла. Другими словами, ситуативно обусловленный процесс порождения и восприятия текста становится в ходе развития взаимодействия участников одновременно и процессом создания общего смысла и своей идентичности. Происходит открытие Я, «откровение личности», выражаясь словами М. Бахтина. Этот момент также отсутствует в концепции Холлидея, хотя в целом она весьма солидно разработана, привлекает уровнем формализации и, следовательно, удобством применения в анализе текста.

Модель Холлидея успешно применяется для анализа и описания текстов различных жанров, для анализа контекста и отдельных функций, число которых и соотношение в текстах – предмет споров и дискуссий [22]. Концепция Холлидея интересна и тем, что семиотический процесс смыслопорождения как совместная деятельность участников коммуникации представлен в ней в качестве «прототипического статуса языка» в познании: «когда дети обучаются языку, они не просто вовлечены в один из многих видов обучения; они, скорее, обучаются основам самого обучения» [23, с. 93]. Гипотеза Холлидея о прототипичности языка как семиотического процесса в познании, несомненно, заслуживает серьезного внимания при рассмотрении прототипичности диалога в процессе порождения текста.

Выделение же Холлидеем текстуальной метафункции, которая «создает дискурс», знаменует собой переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса. Другими словами, модель текста как семантического выбора можно рассматривать как переходный этап от первого полюса текста ко второму – в аспекте интерсубъективности. Рассмотрение текста как семантического выбора в условиях определенного жанра, тематического поля и в аспекте интерсубъективности действительно позволяет перекинуть мост между языком и культурой, так как разделенные смыслы, порождаемые текстом – это концептуальные структуры, закодированные в языке и важные, показательные моменты в представлении отдельно взятой культуры. В тексте эти смыслы связаны с ключевыми словами, которые, по мнению А. Вежбицкой, как конец клубка, потянув за который, можно распутать весь «клубок» установок, ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в

словах, но и в словосочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, пословицах и т.д. [8, с. 284].

Другими словами, ключевые слова имеют культурный фон и одной из перспектив исследования текста как дискурса является интерпретация культур через ключевые слова, так как они представляют то общее, что является результатом взаимодействия субъективных точек зрения, мнений, голосов, мыслей, выраженных в тексте.

В целом, развитие лингвистики текста и формирование лингвистики дискурса можно представить как переход от линейного моделирования текста как последовательности предложений, объединенных коммуникативным заданием и связанных между собой отношениями лингвистического порядка [24], т.е. от описания в терминах теории связности, к нелинейному его описанию как «пространства высказывания, поля выражения мысли. В пределах этого пространства складывается, формируется стратегия речи» [25, с. 161], а речь всегда адресована, обращена, строится с установкой на собеседника и с учетом контекста и, следовательно, может быть проанализирована в терминах теории диалога и дискурса.

Лингвистика дискурса начинается с работ Т. ван Дейка, разработавшего социально-когнитивную модель текста, которая предполагает анализ текста как структуры коммуникативного события с точки зрения его порождения и восприятия, тематического представления, микро- и макроструктуры, его стиля и риторических свойств. Опыт событийного анализа текста обобщен Т. ван Дейком в одной из его последних работ [26].

Современный этап развития гуманитарных наук в целом отличается дискурсивизацией исследований, а именно: опорой на дискурсивную практику человека; исходной посылкой об укорененности всех ментальных процессов в этой практике; учетом ее конститутивной роли в обществе и культуре; пониманием идеологической направленности дискурса, его историчности; рассмотрением дискурса как формы социального действия; анализом дискурса как структуры и процесса одновременно; интеракционным подходом к анализу дискурса, рассмотрением его как социального взаимодействия, или интеракции. В нашем понимании интеракция, речевое взаимодействие – это диалог. Интеракционный, диалогический аспект является доминантной характеристикой дискурса, вбирающей два измерения последнего: индивидуально-личностное и социальное. С одной стороны, важно рассмотреть, как создается и понимается дискурс отдельными участниками речевого взаимодействия, а с другой – как он функционирует в социальном контексте. В обоих случаях, и в анализе ментальных процессов, протекающих при создании и понимании дискурса, и в анализе социального функционирования дискурса, на первый план выходит проблематика диалога – взаимодействия дискурса с контекстом. Другими словами, дискурс – это реализация социального взаимодействия в языковой форме, это структура и процесс языкового творчества и познания мира человеком.

Диалог и дискурс, таким образом, предстают в онтологическом отношении как «близнецы-братья»: диалог – это дискурсивная форма речевого взаимодействия, а дискурс – это речь, или текст, помещенный в ситуацию диалога, как бы возвращенный к жизни, т.е. обретающий реального автора и реального читателя в конкретной ситуации их диалогической встречи как субъектов. Такое понимание дискурса получило широкое распространение далеко за рамками лингвистики. Подчеркивая близость терминов *диалог* и *дискурс*, следует все-таки отметить различие в их употреблении. По сложившейся традиции, исследование диалога в большей степени связывается с интерактивным характером использования языка, тогда как при анализе дискурса акцент делается на включенности коммуникации в социальный контекст [27].

Таким образом, переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса подготовлен всем ходом развития лингвистики в целом, включившей фактор адресата в сферу своих интересов и тем самым расширив как теоретическое поле исследований, так и пространство аналитической практики. В орбиту лингвистики сейчас вовлечено практически все жанровое разнообразие употребления языка, особенности его функционирования в разных областях социокультурной коммуникации – словом, многообразие сфер дискурсивной практики человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М.М. (Волошинов, В.Н.). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / М.М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 1993. – 192 с.*
2. *Попович, М.В. Структура и смысл / М.В. Попович [и др.]. – Киев : Наук. думка, 1989. – 238 с.*
3. *Николаева, Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – Вып. 8. – С. 5–39.*
4. *Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с. ; Halliday, M.A.K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – London : Longman. 1976. – 374 p.*
5. *Леонтьев, А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А.А. Леонтьев // Синтаксис текста : сб. ст. / отв. ред. Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1979. – С. 18–36.*
6. *Воробьева, О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. – Киев : Выща шк., 1993. – 200 с.*
7. *Малинович, М.В. К понятию лингвистических категорий текста / М.В. Малинович // Проблемы лингвистического анализа текста : сб. ст. / Иркут. ГПИ им. Хо Ши Мина. – Иркутск, 1980. – С. 14–22.*

8. *Вежбицкая, А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 776 с.
9. *Арутюнова, Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
10. *Топоров, В.Н.* Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
11. *Beaugrande, R. de.* Closing the Gap between Linguistics and Literary Study: Discourse Analysis and Literary Theory / R. de Beaugrande // JAC. 1993. – 13(2). – P. 423–477.
12. *Scholes, R.* Semiotics and Interpretation / R. Scholes. – New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1982. – 161 p.
13. *Хинтиikka, Я.* Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. – М. : Наука, 1980. – 447 с. ; *Руднев, В.П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В.П. Руднев. – М. : Аграф, 2000. – 432 с.
14. *Кузнецов, В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание / В.Г. Кузнецов. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – 191 с.
15. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк ; пер. с англ. ; сост. В.В. Петров ; под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 165–166 ; *Лотман, Ю.М.* Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – С. 266 с.
16. *Кубрякова, Е.С.* Введение / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1991. – С. 4–20.
17. *Будагов, Р.А.* Язык и речь в кругозоре человека / Р.А. Будагов. – М. : Добросвет, 2000. – 303 с.
18. *Halliday, M.A.K.* Text as Semantic Choice in Social Contexts / M.A.K. Halliday // Grammars and Descriptions: Studies in Text Theory and Text Analysis / eds. T.A. van Dijk, J.S. Petofi. – N.Y. : Walter de Gruyter, 1977. – P. 176–225.
19. *Лотман, Ю.М.* Двойственная природа текста (связный текст как семиотическое и коммуникативное образование) / Ю.М. Лотман // Текст и культура: Общие и частные проблемы: сб. ст. / ИЯ АН СССР. – М. : Наука, 1985. – С. 3–20.
20. *Donaldson, T.* Addressing User Misconceptions within a Goal-oriented, Turn-taking Framework in Dialogue / T. Donaldson, R. Cohen // AAAI – 1996. – Workshop: Detecting, Repairing and Preventing Human-Machine Miscommunication. – Portland, 1996. – P. 98–101.
21. *Sullivan, F.J.* Critical Theory and Systemic Linguistics: Textualizing the Contact Zone / F.J. Sullivan // JAC. – 1995. – № 15(3). – P. 411–434.
22. *Gregory, M.* Meta-functions: Aspects of Their Development, Status and Use in Systemic Linguistics / M. Gregory // New Developments in Systemic Linguistics: Theory and Descention / ed. Halliday and Fawcett. – 1994. – P. 94–106.

23. *Halliday, M.A.K.* Towards a Language-based Theory of Learning / M.A.K. Halliday // *Linguistics and Education*. – 1993. – № 5. – P. 93–116.
24. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с. ; *Doležel, L.* O stylu moderní česke prozy / L. Doležel. – Praha, 1960. – 128 p.
25. *Львов, М.Р.* Основы теории речи: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / М.Р. Львов. – М. : Academia, 2000. – 248 с.
26. *Dijk, T.A. van.* Discourse as Structure and Process. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* / T.A. van Dijk. – London ; Thousand Oaks ; New Delhi : SAGE Publ., 1997. – Vol. 1. – P. 63–111.
27. *Кибрик, А.И.* Диалог. Дискурс / А.И. Кибрик // *Кругосвет: энциклопедия [Электронный ресурс]*. – Режим доступа : <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008265/print...> – Дата доступа : 26.11.2003.

The article deals with the approaches to text analysis which have led to treating text as discourse. Special attention is paid to text conceptions elaborated by M. Bakhtin, M. Halliday and T. van Dijk as well as to those characteristic of stylistic treatment of the text.

Поступила в редакцию 11.02.11

Е.С. Пристром

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме интерпретации художественного текста на основе его пространственно-временной структуры, или хронотопа. Используя трактовку этого понятия, предложенную П.Х. Торопом, автор предпринимает попытку раскрыть механизм взаимодействия разных типов хронотопа (топографического, социального, психологического и метафизического) в художественном тексте. В результате взаимодействия последних выявляется смысл всего произведения, авторский замысел, художественная идея, которая соотносится с метафизическим хронотопом. Лингвостилистический анализ проводится на основе рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро».

Художественный текст есть площадка для встречи автора и читателя, их сознаний, ценностных установок. Автор старается «донести» свой смысл, а читатель силится его «услышать». Успех интерпретации любого интертекстового пространства напрямую зависит от наличия и обнаружения в тексте неких слоев, обращенных к сознанию человека, через и посредством диалога с которыми и происходит претворение смыслов текста [1]. Одним из таких смыслогенерирующих слоев являются категории пространства и времени, или, точнее, их существенная взаимосвязь, а именно хронотоп

(М.М. Бахтин). Наше сознание не может структурировать окружающий мир, в его физическом и духовном проявлениях, не опираясь на понятия пространства и время. Поэтому, вслед за многими исследователями, мы подчеркиваем невозможность существования художественного текста без хронологической структуры. Причем именно структуры, так как пространственно-временная структура текста – это слитые воедино, сосуществующие, переплетающиеся, сменяющиеся, противопоставляющие хронотопы, находящиеся в отношениях постоянного диалога [2, с. 401].

Идея М.М. Бахтина об использовании понятия *хронотон* при анализе текстов оказалась весьма плодотворной. Данное исследование прежде всего исходит из типологии хронотона, предложенной П.Х. Торопом [3], которая является подтверждением тезиса о том, что хронологическая структура – это глобальная смыслообразующая структура, присущая любому художественному тексту. Согласно П.Х. Торопу, в тексте можно выделить три взаимосвязанных уровня хронотопов, доминирующим из которых является *метафизический хронотон*, соотносимый с художественной идеей произведения, его метасмыслом. Другие два уровня, уровни *топографического* и *психологического хронотопов*, являются базисными структурами, над которыми и надстраивается метафизический. Кроме того, мы выделяем еще один уровень – это уровень *социального хронотона*, который также имеет большое значение в общей структуре.

Итак, в данной статье мы попытаемся раскрыть механизм взаимодействия разных типов хронотопов (топографического, психологического, социального и метафизического) и показать их роль в выявлении смысла всего произведения, который соотносится с уровнем метафизического хронотона, являющегося «...уровнем описания и создания метаязыка... связывающего уровни сюжета и самосознания, <и приобретающего> в целом произведении метаязыковое значение, так как связан с идейным осмыслением всего текста...» [3].

Пространственная и временная составляющие метафизического хронотона могут быть эксплицитно представлены в тексте (что вовсе не означает, что в данном произведении смысл будет равен содержанию), но могут быть и имплицитированы.

Проанализируем рассказ Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро», где пространственно-временные координаты *м е т а ф и з и ч е с к о г о х р о н о т о п а* представлены читателю явно. Главный герой рассказа, Гарри, находится в Африке на охоте. Он умирает от гангрены и перед смертью подводит итог своей жизни. Как писатель, он понимает, что самого важного он так и не написал, что его жизнь прожита бесполезно, что он торговал своим талантом и поэтому разрушил его (... *each day of not writing, of comfort, of being that which he despised, dulled his ability and softened his will to work so that, finally, he did not work at all. He had destroyed his talent himself.*). В предсмертном видении Гарри кажется, что его друг прилетел спасти его на самолете. Но вдруг главный герой осознает, что вместо того, чтобы лететь за

помощью, они поворачивают к покрытой снегами вершине Килиманджаро, которая символизирует высоты искусства, к которым стремится каждый талантливый писатель.

Метафизический хронотоп в данном произведении формируется одновременно с топографическим. На первый взгляд, автор в предисловии (*Kilimanjaro is a snow covered mountain 19,710 feet high, and is said to be the highest mountain in Africa. Its western summit is called the Masai 'Ngàje Ngài', the House of God. Close to the western summit there is the dried and frozen carcass of a leopard. No one has explained what the leopard was seeking at that altitude.*) лишь помогает читателю получить информацию о географическом названии, которое он поместил в заглавие (*The Snows of Kilimanjaro*). Как в заглавии, так и предисловии, Э. Хемингуэй повторяет имена существительные *снег* и *Килиманджаро*, что обеспечивает тесную связь этих структурных частей. В дальнейшем же изложении автор как будто забывает про гору Килиманджаро, а вот слово *снег* выдвигается на первый план. Это имя существительное упоминается 14 раз в тексте. И лишь в момент кажущегося спасения героя, в самом конце рассказа, автор опять обращается к образу заснеженной Килиманджаро, тем самым формируя дистантный повтор, в рамках которого и рождается художественная идея этого произведения. Но резкий переход (хотя и обозначенный графически) от психологического хронотопа (который «маскируется» под топографический: *morning for some time – plane – around tents – down along the rock – onto the plane – over the first hills – over mountains – forest – turned left suddenly – to the East (storm, rain) – the square top of Kilimanjaro*) к топографическому помогает читателю понять, что спасение героя – не физическое, а духовное: душа героя улетает в мир горный, в Дом Бога (*all he could see, as wide as all the world, great, high, and unbelievably white in the sun, was the square top of Kilimanjaro. And then he knew that there was where he was going.*). Таким образом автор подчеркивает идею о том, что Дом Бога, т.е. творца, находится не в мире людей (мир дольний), а в мире горнем, высоком, поднимающимся над дольным и символизирующим высшие устремления человека, его высокое предназначение (творчество как приближение к Богу-творцу, который создал человека по своему образу и подобию).

Рассмотрим подробнее, как раскрывается смысл этого произведения. В рассказе присутствуют две перспективы. Проспективно Э. Хемингуэй ведет рассказ о приближении физической смерти Гарри. Ретроспективно автор воссоздает прошлую жизнь главного героя, рассказывает о его духовной смерти, наступившей задолго до приближающейся физической.

Т о п о г р а ф и ч е с к и й х р о н о т о п крайне ограничен – все действия происходят лишь вокруг того места, где остановились герои и их помощники, и в течение одних суток. В начале рассказа автор точно указывает пространственную координату: герой лежит на койке в тени мимозы в некой долине, залитой слепящим солнцем: *cot in the shade of a mimosa tree ... the glare of the plain*. Из этого описания понятно, что время действий – либо

утро, либо день (позже читатель получает подтверждение того, что действия начались днем *he had been cruel and unjust in the afternoon*). Далее читатель узнает, что герои находятся в этом месте в течение двух недель (*That bastard crosses there... every night for two weeks ... since the day the truck broke*).

В целом, все события читатель видит глазами главного героя, Гарри. Мужчина болен и постоянно лежит, а вокруг него кипит жизнь. Во многом, движение во времени и пространстве подано через описание поведения птиц и животных: *“Now is it sight or is it scent that brings them like that?” ... there were three of the big birds squatted obscenely... To-day’s the first time any have lit on the ground... the huge, filthy birds sat... far off, ... a herd of zebra... This was a pleasant camp under big trees against a hill...* Присутствие птиц-стервятников и гиены не является чем-либо необычным для Гарри – они чувствуют запах гниющей ноги, и поэтому, подчиняясь природному инстинкту, ожидают своего времени. Скука, усталость, сожаление о несделанном и ненаписанном – вот то, чем заняты мысли Гарри. Но для читателя появление в лагере этих предвестников смерти, несомненно, является сигналом тревоги – рассказ и заканчивается воем гиены.

Только через несколько страниц Э. Хемингуэй точно указывает, что герои находятся в Африке: *the woman who was sitting by him in a canvas chair, now, in Africa*.

Затем наступает вечер, и Гарри по-прежнему подробно описывает окружающую природу: *It was evening now... The sun was gone behind the hill and ... the small animals were feeding close to camp...*

Спутница Гарри, Хелен, вернулась с охоты: *Now she came in sight, walking across the open towards the camp... Here she came now*. Темнеет, появляется гиена и ощущение приближающейся смерти: *While it grew dark ... a hyena crossed the open on his way around the hill... And just then it occurred to him that he was going to die*. Спустя некоторое время смерть как будто отступила: *He lay still and death was not there*. Далее Хелен приняла ванну и вышла к Гарри из палатки: *He looked at her face between him and the fire. He heard the hyena make a noise just outside the range of the fire... just then, death had come*.

С этого момента фокус зрения Гарри, а вместе с ним и топографический хронотоп, сужаются максимально – читатель наблюдает за телом Гарри, а точнее, за тем, как смерть поднимается по его телу вверх: *and rested its head on the foot of the cot and he could smell its breath. It had moved up on him now, moved a little closer. It moved up closer to him still... and now ... when it saw he could not speak it came a little closer, ... it moved in on him so its weight was all upon his chest, and while it crouched there*. Герой пытается сообщить, что он умирает, но окружающим кажется, что он всего лишь заснул. Ночью крик гиены разбудил Хелен, и та увидела, что Гарри умер.

Несколько раз топографический хронотоп все же меняет координаты. Читатель попадает в Париж, отели «Крийон» и «Павильон Генриха Четвертого», где жили главные герои, а также на две недели назад, когда Гарри

поцарапал ногу. О будущем говорит только женщина – завтра Гарри отвезут в город и вылечат, по ее словам: *The plane will be here to-morrow... Then, in town, they will fix up your leg...*

Таким образом, в рамках топографического хронотопа выстраивается смысловая линия «физическая смерть» через ассоциативную цепочку, связанную с этим словом. Языковое воплощение образа смерти происходит не только в повторе существительного *death* (встречается в тексте 5 раз) и его синонимов, но и в семантически связанных с ними словах *birds, hyena, weight, bastard*. Развитие темы можно проследить по следующей тематической цепочке: *death – birds – huge filthy animals – hyena – evil-smelling emptiness – a scythe and a scull – two bicycle policemen – stinking bastard – a hell of a breath – shadow of death – weight*.

Но повествование перемежается с воспоминаниями и размышлениями Гарри, т.е. читатель попадает во власть психологического хронотопа героев, через которые раскрывается вторая смысловая линия рассказа. Психологический хронотоп обусловлен тем, что Гарри находится при смерти. Он пересматривает свою жизнь и понимает, что его жизнь, полная богатства и роскоши, погубила его талант. Прощаясь с земной жизнью, герой мысленно возвращается в те периоды времени и места, где его жизнь имела смысл – там и тогда он писал (*And in that poverty, and in that quarter across the street from a Boucherie Chevaline and a wine-co-operative he had written the start of all he was to do. There never was another part of Paris that he loved like that... Africa was where he had been happiest in the good time of his life*). Герой признался себе в этом только сейчас, когда его физическое тело умирает.

Психологический хронотоп рассказа очень объемный: в тексте большое количество топонимов – человек много путешествовал; но время событий, преимущественно, – зима. Практически все воспоминания связаны с какими-либо несчастьями, чьей-либо гибелью. На первый взгляд, они разрознены, но в каждом из них упоминается слово *snow* или же слова, ассоциирующиеся с этим именем существительным: *snow → cold; snow → winter; snow → white; snow → dead; snow → opium*. Весь рассказ как бы нанизан на эту нить ассоциаций, которые можно найти в каждом воспоминании-рассказе Гарри.

Психологический хронотоп героя можно условно, как и весь рассказ, разделить на проспективное осознание и ретроспективное воспоминание. Они даже выделены графически. В первом случае, психологические хронотопы написаны тем же шрифтом, что и топографический, и они как бы отталкиваются от времени и места происходящих событий в рассказе. Во втором, переходы в сознании героя, выделенные курсивом, охватывают практически всю жизнь Гарри.

В «проспективном» психологическом хронотопе присутствуют три основные темы. Во-первых, Гарри думает о том, что его жизнь окончена (*now it was all over / Since the gangrene started ... he felt now was a great tiredness and anger ... that this was the end of it*). Вторая тема связана с его спутницей. Гарри то обличает ее, то жалеет, рассказывая ее историю жизни, то раздражается по

поводу ее поведения. Наконец, третья тема, пересекающаяся с первыми двумя и являющаяся связующим звеном с «ретроспективным» психологическим хронотопом, – тема осознания предательства по отношению к своему таланту и призванию: *Now he would never write the things that he had saved to write until he knew enough to write them well.*

Показательно, что наречие *never* встречается в тексте 38 раз. Слово *enough* вступает в противоречие с количеством и качеством воспоминаний, представленных ретроспективно, – оно лишь самоуспокоение, самооправдание – в реальности были *sloth* ‘праздность’ и *laziness* ‘лень’. Кроме того, герой в какой-то момент признается, что он сам виновен в том, что с ним произошло: *every day of not writing... dulled his ability.*

«Ретроспективные» психологические хронотопы переносят читателя во множество различных мест и периодов времени полных различных событий: то в Карагач, то во Фракию, в горы Болгарии, где зимой в снежных заносах погибло множество людей: *Now in his mind he saw a railway station at Karagatch... he was leaving Thrace ... looking out the window and seeing snow on the mountains in Bulgaria – it was snow they tramped along in until they died that winter.*

Далее Гарри описывает еще несколько историй, укажем лишь их пространственно-временные координаты и ассоциативные связи:

- *bloody in the snow: in the Gauertal... All Christmas week that year*

- *powder-snow on crust to the icy road: in the Voralberg... four winters*

- *opium: for Anatolia ... through fields of the poppies... all day*

- *dead men wearing white ballet skirts: where they had made the attack... the day he'd first seen dead men*

Но герой вспоминает и другие не менее важные вещи: то время в Константинополе, когда он пытался и не смог справиться с чувством одиночества (*in Constantinople that time ... he had failed to kill his loneliness*); тот период, когда он вернулся в Париж, пережив все ужасы войны (*Later he had seen the things that he could never think of and later still he had seen, much worse*), и был короткое время счастлив со своей женой (*Back at the apartment with his wife that now he loved again, ... letter ... that was the end of the beginning*).

С помощью психологических хронотопов описаны два мира: мир Гарри, в котором он был творцом, и мир Хелен, в котором он предал свой талант.

Мир Хелен – это *Old Westbury, Saratoga, Palm Beach, Long Island* в США и *the Crillion and the Pavillion Henri-Quarta* во Франции, мир комфорта и безопасности (*traded [his talent] for security, for comfort*), роскоши и фешенебельных курортов, где царят скука, однообразие, пьянство, азартные игры (*dull, drunk, played too much, repetitious*) и прочие грехи (*laziness, sloth, snobbery, pride, prejudice*).

Когда Гарри жил в Америке, его миром было ранчо с бревенчатым домом на горе у озера (*a log house, chinked white with mortar on a hill above the lake*).

Миры Гарри и Хелен пересекаются в Париже. Но его Париж – это Париж бедняков: *the Place Contrescarpe, the Café des Amateurs, the Bal Mussete*. С одной стороны, в этом мире господствуют *poverty, drunkenness, dirt, sweat, cold*. Там он жил в дешевой гостинице, где умер Поль Верлен. Но это – то самое место, где он стал писателем (*he had written the start of all*). В этой гостинице герой, буквально, существовал в двух ипостасях: как обычный человек – в дольном мире и как творец – в мире горнем: *There were only two rooms in the apartments where they lived and he had a room on the top floor of that hotel ...where he did his writing, and from it he could see the roofs and chimney pots and all the hills of Paris*.

Тут необходимо отметить, что в ассоциативную игру вступают еще два имени существительных из предисловия – *summit* и *altitude*. Они, несомненно, связаны со словами *hill, mountain, summit/peak/top floor*, которые встречаются в тексте 16, 8 и 7 раз, соответственно: *Kilimanjaro – the House of God – altitude – top floor – writing*.

В конце герой говорит: *“I’ve been writing,” he said. “But I got tired.”* И в самом деле, у читателя складывается впечатление, что эти воспоминания – мини-новеллы, которые Гарри никогда не опубликует. Но они настолько детальные и глубокие, что, может, именно они и его раскаяние возносят героя на вершину Килиманджаро, в Дом Бога (*the House of God*). Именно здесь Килиманджаро «открывает» истинный смысл рассказа, и становится понятно, что предисловие и заглавие были сигналами художественной идеи данного произведения.

Если обобщить все описанные смысловые линии, созданные психологическим хронотопом Гарри, то получается следующая цепочка: **Garry’s Paris** (*poverty, drunkenness*): started **writing**, like drunkards and sportifs who had to work to kill their poverty – **war** (*hardship, death, loneliness*) – **after war**: lost love, love for money – **Helen’s Paris/hotels** (*dullness, drunkenness, repetitiousness*) – **traded talent** for security, comfort – had to lie – not working – **died** – **Kilimanjaro**.

Наконец, с о ц и а л ь н ы й х р о н о т о п рассказа, который играет не менее значимую роль, чем вышеуказанные. Социальное время описано очень четко – эпоха «потерянного поколения», связанная с отрицание войны как возможности решения вопросов (*The house was rebuilt in the same place ... painted white... but there were never any more guns*), постоянными метаниями из одного места в другое, от одной привязанности к другой.

При анализе пространственной составляющей социального хронотопа прежде всего на себя обращает внимание социальное пространство Гарри и Хелен. С одной стороны, они – любовники (а может, муж и жена), т.е. социальная дистанция в этом смысле между ними должна быть предельно маленькая, но на самом деле между ними пропасть. Однако причиной этой пропасти являются не столько социальные различия, сколько отсутствие чувств со стороны Гарри: он – это *her new life*, она – *the end of his old life*. Данная женщина является для героя пропуском в мир денег и

комфорта (*He slipped into the familiar lie he made his bread and butter by... he did not love her at all*). Это отчуждение подчеркивается тем, что имя женщины мы узнаем лишь в самом конце, когда герой умирает – в предсмертном видении рассказчик называет ее по имени.

Приведем лишь несколько примеров, указывающих на разницу в восприятии социального пространства обоими героями в системе отношений «муж – жена»:

Гарри чувствует максимальную отстраненность от Хелен, поэтому читатель слышит следующее: *Your bloody money, If you hadn't left your own ... goddamned ... people... If it had not been she it would have been another...*

Она же привязана к нему, делает все, чтобы ему было хорошо: *You liked to do many things and everything you wanted to do I did... knowing how he liked to watch the game, she had gone well away so she would not disturb ... loved him dearly as a writer, as a man, as a companion and as a proud possession...*

Но социальный хронотоп не ограничивается лишь отношениями «муж – жена», здесь и хронотопы «хозяин – слуга», «Гарри и его друзья», «Гарри и приятели», «дедушка – внук», «наблюдатель – армии, непосредственно задействованные в войне», «Гарри – соседи».

С изменением социального хронотопа самого героя меняются смыслы и ценности в его жизни. Когда он был беден, то знал всех соседей и получал удовольствие, наблюдая за тем, что происходило на улице, но главное было то, что он писал, следовал своему таланту. Затем герой попадает в экстремальную ситуацию, на войну, – исчезает мотив «бедность», на первый план выходит смысл «жизнь и смерть». В конечном итоге Гарри оказывается в мире богатых, прежние смыслы утрачены. Он ощущает огромную социальную и духовную дистанцию с богатыми людьми, но, в конце концов, становится одним из них. Устремления к творчеству более нет, поэтому талант постепенно, под напором грехов, исчезает.

Психологический и социальный хронотопы дополняют друг друга, рождая основной смысл – измена своему предназначению и лень приводят к духовной смерти: *working, writing – talent* и *not writing, no feelings – death*.

Итак, топографический, психологический и социальный хронотопы данного рассказа раскрывают истинную функцию пространственной координаты, вынесенной Э. Хемингуэем в предисловие и заглавие. Становится понятно, что она является условием развертывания метафизического хронотопа (схематически который можно представить в виде цепочки слов: *Kilimanjaro – mountain – summit – the House of God – altitude*), главная цель которого – раскрыть художественную идею, заложенную в данном рассказе.

Лишь благодаря предисловию читатель понимает позицию автора – осознает причину того, почему душа героя так стремится туда, на спящую глаза белоснежную вершину Килиманджаро. Душа Гарри, полная таланта, уходит вверх, а разрушенное тело остается здесь, на земле. Таким образом «гниение, разложение» души визуализируется через гангрену ноги героя. Герой не достиг вершины писательского мастерства, так как не писал, не совершенствовал свой талант, полученный от Бога, – словом, не выполнил

своего предназначения. Человеку предназначено жить в двух мирах: мире физическом, житейском, дольном и мире духовном, бытийном, горнем. Именно последний составляет подлинную жизнь человека и является ее целью, смыслом. Эта жизнь наполнена творчеством, которое приближает человека к духовным вершинам.

Таким образом, анализ метафизического хронотопа рассказа «Снега Килиманджаро», хронотопа вечности, тесно взаимодействующего с другими хронотопами (топографическим, психологическим и социальным) и основываясь на них, подтверждает идею П.Х. Торопа о том, что полифония смыслов, рождаемая первыми тремя хронотопами, – это лишь сосуществование разных трансформаций главной идеи текста. Кроме того, подобный подход к анализу текста с опорой на хронотопическую структуру, несомненно, является удачным механизмом для раскрытия метасмысла, художественной идеи произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осанов, А.А.* Творчество как искусство претворять смыслы : О прозрении гармонии в обличье хаоса / А.А. Осанов // Электронный журнал современной философии [Электронный ресурс]. – Саратов, 2001. – № 4. – Режим доступа : <http://ivanem.chat.ru/osanov.htm>. – Дата доступа : 15.07.2009.
2. *Бахтин, М.М.* Формы времени и пространства в романе: Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // *Вопр. литературы и эстетики.* – М. : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
3. *Тороп, П.Х.* Хронотоп / П.Х. Тороп // *Словарь терминологии тартуско-московской семиотической школы* [Электронный ресурс]. – М., 1984. – Режим доступа : <http://slovar.lib.ru/dictionary/hronotop>. – Дата доступа : 13.11.2005.

This paper is intended to contribute to the practical studies of a metaphysical chronotope. Being the 'word connecting the levels of the plot and characters' self-consciousness', a metaphysical chronotope is considered to be a framework for revealing the deepest layers of the meaning in a literary text.

Поступила в редакцию 15.03.11

М.Н. Романкевич

ОТ ЗООНИМИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА К БЕСКОНЕЧНОМУ СИМВОЛУ

В результате действия экстралингвистических факторов образ конкретного объекта может стать символом, определяющим поведение человека и восприятие окружающей действительности. Статья посвящена возникновению зоонимических символов на базе зоонимического прототипа. Зоонимический символ указывает на обобщенные абстракт-

ные идеи/смыслы и обладает рядом характеристик, таких как «быть всем известным», «обладать релевантным значением», «обладать социальной функцией». Невозможность приобретения полного набора характеристик приводит к тому, что не каждый зоонимический прототип становится символом. Религиозные зоонимические символы, появившиеся одними из первых, переходят в процессе своего функционирования в бытовую сферу. Басенные зоонимические символы также актуализируют смыслы, подсказанные их обыденным пониманием.

Потребность в культовом восприятии действия или объекта заложена еще первобытным строем. Жизнь человека жестко регулировалась определенным набором ритуалов, религиозных обрядов, в которых обыденные предметы и повседневные действия наделялись символическим значением: «Вся жизнь древнего человека пронизана символикой, он живет, мыслит символами, воспринимает окружающий мир как совокупность символов» [1, с. 48].

Рождение символа есть результат действия экстралингвистических факторов: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [2, с. 338]. Символы, по мнению Э. Сепира, – «предметы и средства, значение которых обычно заключено не в них самих, но в их указании на идеи и действия, которые существенно воздействуют на жизнь общества» [3]. В связи с этим одни символы могут иметь хронологические рамки, другие, не исчезая из обихода данной культуры, могут модифицироваться [4, с. 3–5].

В основе формирования лингвистического символа лежит образ. «Указание на воздействующие идеи и действия» предопределяет «выход образа за собственные пределы» и «присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного» [5, с. 378]. Возникая на базе конкретного и наглядно воспринимаемого объекта, символ становится обозначением отвлеченного понятия: стремится обозначить вечное и ускользающее [6, с. 25]. Преодолевая языковые границы, символ определяет взаимодействие и деятельность конкретного социума, реализуя тем самым социальную функцию [6, с. 26].

Символы «принадлежат коллективному сознанию (определенной культуры, социума); они всем известны, в символах есть “объективное” (релевантное для всех) значение» [7, с. 188]. Следует отметить, что параметры «быть всем известным», «релевантное для всех значение» свидетельствуют о том, что не каждый образ способен стать символом.

Одной из приоритетных сфер функционирования символа является религия. Д. Лихачев считает, что в первоочередном порядке выделяются символы, вызванные к жизни «по преимуществу абстрагирующей, идеалистической богословской мыслью» [8, с. 149].

Отдельные эпизоды Библии и других священных писаний переосмысливались и получали символическое значение. Часто фигурирующие в рели-

гиозном тексте животные наделяются признаками, качествами, свойственными зоонимическим образам, и получают соответствующую религиозную трактовку.

Например, Зоонимический прототип¹ *l'agneau* (как и *la brebis*) 'ягненок (овечка)' трактуется в Библии как послушное, смиренное животное: *Il (il – Christ) a été maltraité et opprimé, Et il n'a point ouvert la bouche, Semblable à un agneau qu'on mène à la boucherie, A une brebis muette devant ceux qui la tondent* (Es 53 : 7). Качества ягненка ('смирненно идущего на «бойню»'), овцы ('молчаливой', 'покорной перед теми, кто ее стрижет') дают основание для характеристики Христа как "подверженного грубому обращению" (*maltraité*) и "угнетенного" (*opprimé*), "покорного" (*il n'a point ouvert la bouche*).

В Библии *ягненок/агнец* становится символом принесения в жертву: *Le lendemain, il (il – Jean) vit Jésus venant à lui, et lui dit: Voici l'Agneau de Dieu, qui ôte le péché du monde* (Jn 1 : 29). Кроме идеи жертвенности Богу, *овца* реализует также идею веры: *Comme un berger, il (il – l'Éternel) paîtra son troupeau, Il prendra les agneaux dans ses bras, Et les portera dans son sein; Il conduira les brebis qui allaitent* (Es 40 : 11). Кротость, смирение *овцы* (*l'agneau, la brebis, le mouton*) закрепились как религиозные качества в устойчивых словосочетаниях *un mouton de sacrifice* 'жертвенный агнец', *la brebis du bon Dieu* 'безобидный, кроткий человек'.

Иными словами, *l'agneau* и *l'agneau de Dieu* символизируют жертвенность Богу; а *les agneaux* обобщает верующих. Компонент 'жертвенность' («sens de la victime toute désignée» [11, с. 13; 12, с. 364]) устойчив во всех символах.

Наличие у зоонимического прототипа *l'aigle* 'орел' таких отличительных характеристик, как способность видеть далеко, и, соответственно, пронизательность (*l'aigle ... place son nid sur les hauteurs ?.. Il plonge au loin ses regards* (Job 39 : 30, 31, 32), скорость (*Ils étaient plus légers que les aigles* (2S 1 : 23), способность летать в небесах (*Et comme l'aigle, elle prend son vol vers les cieux* (Pr 23 : 5) послужили тому, что прототип *l'aigle* 'орел' начал функционировать как символ. *L'aigle* символизирует величие Бога, его

¹ Термин *прототип* понимается в лингвистике и других научных областях как первообраз, начальный основной образец [9, с. 521], а также как языковое явление, т.е. языковое воплощение типового образа животного, обладающего ассоциативными – реальными или приписываемыми – признаками, которые впоследствии могут переноситься на человека. Ассоциативное сравнение психологических образов состоит в переносе признаков с одного живого существа на другое живое существо: человек → (как) животное и животное → (как) человек.

Механизм ассоциативного сравнения можно передать общей языковой формулой "personne (человек, сравниваемый) – qui est – gouge, туоре (свойство, качество, которое сравнивается) – comme animal, oiseau (животное, рыба, млекопитающее – образец сравнения)": *personne qui est (человек, который ...) muette comme une carpe* (нем. как *рыба, карп*) или туоре *comme une taupe* (слеп, как *крот*). Зооним, определяемый как номинация отдельного объекта животного мира [10, с. 13], занимая в формуле сравнения позицию компонента, с которым сравнивается свойство (*comme un perroquet, comme un lion, comme une écrevisse ...*), выполняет роль образца. Итак, примерами зоонимического прототипа являются: *как заяц* 'трусливый человек' или же *как птица* 'свободный человек' (ср. *как птица в полете*).

могущество: *Tu diras: Ainsi parle le Seigneur, l'Eternel: Un grand aigle, aux longues ailes, aux ailes déployées ...* (Ez 17 : 3). Его крылья символизируют защиту церкви, полет к небесам – быстрый прогресс в вере.

Зоонимический прототип **le lion** ‘лев’ в Библии описывается в основном положительно. Он превосходит многих в силе (*Le lion, le héros des animaux, Ne reculant devant qui que ce soit ...* (Pr 30 : 30), активный (*Dan est un jeune lion, Qui s'élançe de Basan* (De 33 : 22), смелый, не боящийся ничего. Однако другой стороной его характера является жестокость (*Et si j'ose la lever, tu me poursuis comme un lion, Tu me frappes encore par des prodiges* (Job 10 : 16), прожорливость (*On dirait un lion avide de déchirer ...* (Ps 17 : 12). Многоликость прототипа *le lion* отражается в приобретении им разных символических значений: это – символ смелости верующих; но и символ могущества и силы врагов (*Son rugissement est comme celui d'une lionne; Il (il – l'Eternel) rugit comme des lionceaux, il gronde, et il saisit sa proie, Il l'emporte* (Es 5 : 29), олицетворение дьявола (*Soyez sobre, veillez. Votre adversaire, le diable, rôde comme un lion rugissant, cherchant qui il dévorera* (1Pi 5 : 8).

Библия описывает **le chien** ‘собаку’ как нечистого (*Le chien est retourné à ce qu'il avait vomi ...* (2Pi 2 : 22), хищного (*Celui de la maison de Jéroboam qui mourra dans la ville sera mangé par des chiens* (1R 14 : 11), опасного (*Car des chiens m'entourent, Une bande de scélérats rôdent autour de moi, Ils ont percé mes mains et mes pieds* (Ps 22 : 17). Эти отрицательные характеристики стали основой наделения символа *le chien* следующими значениями: *собака* – символ язычества (нечестивцев), алчности священнослужителей, ложного пророчества. В христианстве появляется символ **псы**, именно так переводится с латинского монашеский орден доминиканцев *Domini canes* («псы Господни»), созданный для охраны христианских догм.

Библейский прототип **le serpent** ‘змея’ наделяется хитростью и коварством (*Le serpent était le plus rusé de tous les animaux des champs ...* (Ge 3 : 1), к тому же он осторожен (*Soyez donc prudents comme les serpents* (Mt 10 : 16). Он символизирует людскую хитрость (*Ils aiguissent leur langue comme un serpent, Ils ont sous leurs lèvres un venin d'aspic* (Ps 140 : 4) и неприятие слова божьего: *Les méchants sont pervertis dès le sein maternel, Les menteurs s'égarent au sortir du ventre de leur mère. Ils ont un venin pareil au venin d'un serpent, D'un aspic sourd qui ferme son oreille* (Ps 58 : 4, 5). Причем использование зоонимического прототипа *l'aspic* ‘аспидовая гадюка’ (*un venin d'aspic* и *D'un aspic sourd*), укус которой смертелен, указывает на опасность неприятия слова божьего. Наиболее ярким воплощением этого зоонимического прототипа в библейском тексте является **Léviathan**. Он символизирует одновременно могущество и строгость Бога: *En ce jour, l'Eternel frappera de sa dure, grande et forte épée Le Léviathan, serpent fuyard, Le Léviathan, serpent tortueux; Et il tuera le monstre qui est dans la mer* (Es 27 : 1). Описание змея как опасного, ядовитого, коварного способствует тому, что он олицетворяет дьявола: имена дьявола – *serpent, serpent ancien, serpent fuyard, serpent tortueux*; причем это и олицетворение безбожников – *races de vipères, serpents*.

Следует отметить, что большинство религиозных символов обладают негативной окраской. Положительная оценка оговаривается особо: она относится к Богу или его верным служителям.

Общей тенденцией религиозной символики является ее переход в бытовую, повседневную сферу, расширение или сужение своего назначения. Например, *la fourmi* ‘муравей’ в религиозной символике указывает на идею трудолюбия (христианство) или же суетливости (в индуистской и буддистской традициях); на современном этапе в европейских и славянских странах *la fourmi* – символ трудолюбия, труда на благо общества, оттененный прилежанием, скромностью и бережливостью. В Китае *la fourmi* – символ неустанной службы и порядка [13, с. 410].

Вхождение религиозного символа в новую функциональную сферу предопределяет его дальнейшее развитие. В христианстве *le chameau* ‘верблюд’ является символом смирения и покорности (способен нести тяжелую поклажу и проходить большие расстояния без воды); в настоящее время в обыденном сознании *верблюд* ассоциируется с выносливостью, неприхотливостью, настойчивостью, он может быть даже символом воздержания и способности найти выход из тяжелого положения.

Вторым источником возникновения зоонимической символики является басня: басенные символы актуализируют смыслы, подсказанные их бытовым, повседневным пониманием. В басне функционирование зоонимических прототипов приобретает своеобразную специфику. Выбор животных в качестве персонажей объясняется тем, что они обладают наибольшей определенностью и постоянством характера и позволяют «изолировать и сконцентрировать один какой-нибудь аффективный момент в таком условном герое» [14, с. 122]. Преобладание зоонимических номинаций персонажей обусловлено еще и тем, что они служат средством усиления эмоциональной окрашенности описываемого и выражения оценочного отношения к содержанию: «Фигуры животных помогают типизации необходимых черт и освобождают от реальных несущественных деталей» [15, с. 12].

Проанализированные выше в религиозном тексте зоонимические прототипы в баснях Лафонтена функционируют по-другому.

Зоонимический прототип *l'aigle* ‘орел’ – это свободная, гордая птица (*L'Aigle, reine des airs* (*L'Aigle et la Pie*), он же и хищник, охотится на других птиц: *L'Aigle donnait la chasse à maître Jean Lapin, Qui droit à son terrier s'enfuyait au plus vite* (*L'Aigle et l'Escarbot*).

Может подчеркиваться смелость *орла*: *l'aigle plein de courage* (*Le Paon se plaignant à Junon*). В басне этот зоонимический прототип не смог развиваться в зоонимический символ.

Прототип *le chien* ‘собака’ в басне представлен прежде всего естественными природными качествами – острым нюхом (*meilleur nez: Même les chiens de leur séjour Ont meilleur nez que n'ont les nôtres...* (*Le Renard anglais*), способностью идти по следу «жертвы» (*Quand un chien, maudit instrument Du plaisir barbar des hommes, Vint sur l'herbe éventer la trace de ses pas*

(Le Corbeau, la Gazelle, la Tortue et le Rat) и способностью охранять дом человека (*Tant les chiens faisaient bonne garde* (Le Loup et le Chien). Будучи преданным спутником человека, *le chien* символизирует преданность: *Parmi les animaux le Chien se pique d'être Soigneux et fidèle à son maître...* (L'éducation).

Le lion 'лев' – сложный и противоречивый зоонимический прототип: наряду со смелостью, он ассоциируется с агрессивностью и с защитой [12, с. 29]: его агрессивность приводит к тому, что он наводит на окружающих страх: *Le Lion, terreur des forêts...* (Le Lion devenu vieux). В баснях отмечен его царственный статус – *Le roi des animaux* (Le Lion et le Rat), *seigneur du voisinage* (La Génisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion). Не зря скульптуры львов используются как эмблема власти у монархов и императоров: по ассоциации с фактом, что лев – царь зверей [12, с. 94]. Соответственно лев становится символом могущества, силы, смелости, власти: *Apaisez le Lion: seul il passe en puissance... Son courage, sa force, avec sa vigilance* (Le Lion); *Les Lions ... Ayant courage, intelligence, Et belle hure outre cela* (Le Lion amoureux), а также гордости: *Avec un fier Lion, seigneur du voisinage...* (La Génisse, la Chèvre et la Brebis en société avec le Lion).

Le serpent 'змея' в басне является символом неблагодарности человека (*Symbole des ingrats* (L'Homme et la Couleuvre), готового предать благодетеля: *Puis fait un long repli, puis tâche à faire un saut Contre son bienfaiteur... Ingrat...* (Le Villageois et le Serpent).

Звери в басне не только олицетворяют людей, но в некоторых случаях являются носителями качеств определенных социальных групп. В баснях Лафонтена *les ours* 'медведи', *les renards* 'лисы', *les lions* 'львы', *les loups* 'волки' наделены чертами господствующих классов, а *les chevaux* 'кони', *les brebis* 'овцы' являются представителями простого народа.

Кроме определенности характера и указания на социальную группу, каждое животное символизирует заранее известный способ действия, поступка. Выбор того или иного животного для басни определяется не только «эмоциональной окраской, которой обладает каждое из них», но и тем, что «в силу общих свойств своей жизни» они являются носителями «заранее известного способа действия» [14, с. 100]. Например, волк известен тем, что жадно и много ест; мартышка так двигается, что кажется, что она кривляется.

Иными словами, как в религиозном, так и в басенном текстах сначала фигурируют прототипы животных, отражающие перенос образа жизни/качеств/поведения человека в сферу животного мира (и наоборот, перенос образа жизни/качеств/повадок животных на человека). В результате обобщения и приобретения социальной функции зоонимические прототипы/образы указывают уже не на человека, а на обобщенные свойство, качество, которые присущи многим индивидуумам.

Следует отметить, что «у символа всегда имеется целое семейство значений» [16, с. 767]. Ср. также: «Символ – обобщенность единичностей,

предполагает бесконечный ряд их вариантов» [17, с. 24]. Иными словами, символ обладает смысловой перспективой: нельзя сказать, что *змея* как символ значит только 'мудрость'. В зависимости от функциональной сферы сознания один и тот же символ осознается по-разному. Так, *змея* имеет отношение одновременно к земле, полу и смерти, зрению и познанию, соблазну и освящению, а *лев* – не только символ храбрости, но и силы, красоты, благородства.

Итак, лингвистический символ совмещает несколько смыслов, причем все они равноправны: зоонимический прототип + смысл (религиозный или басенный (бытовой) = символ (таблица).

Символизация зоонимического прототипа

Зоонимический прототип	Зоонимический символ	
	Религиозный символ	Басенный символ
<i>le lion</i> прототип человека прожорливого, хищного смелого, энергичного, сильного, активного	<i>le lion</i> 1) сила врагов 2) могущество врагов 3) смелость верующих 4) Бог	<i>le lion</i> 1) сила 2) власть 3) смелость 4) агрессивность 5) гордость
<i>le chien</i> прототип человека опасного, быстрого, хищного; язычника	<i>le chien</i> 1) язычество 2) ложное пророчество 3) алчность священно- служителей	<i>le chien</i> 1) верность 2) преданность
<i>le serpent</i> прототип человека коварного, злого, злословящего	<i>le serpent</i> 1) хитрость 2) неприятие слова божьего	<i>le serpent</i> 1) предательство 2) неблагодарность

«Бесконечность» символа связана с его способностью означать обобщенное качество в любой сфере жизнедеятельности, что указывает на возможное развитие – символизацию – черты/характеристики зоонимического прототипа. Например: *бегемот/гиннопотам* как прототип мощи, грубой силы, разрушительности может стать символом прожорливости, непоколебимости и флегматичности или символом равнодушия: толстокожий *бегемот* – это бессердечность людей, до сердца которых не достучаться [13, с. 440].

Существование в сознании людей развернутой системы ассоциативных образов, с одной стороны, отражает систему национальных ориентиров, а с другой – предопределяет существование и развитие стереотипов национального мышления: «они ими руководят, удерживают их в известных пределах, и именно они первостепенным образом формируют или определяют национальный характер» [18, с. 363].

В функциональном плане важность и необходимость символов невозможно опровергнуть: они придают смысловую глубину, перенося зооними-

ческий образ из сферы сравнения в область предельного обобщения. Одним из основополагающих принципов языка является продвижение от «конкретного» к «абстрактному» – определяющее направление языкового развития вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковский, М.М.* Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1996. – 328 с.
2. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
3. *Сепир, Э.* Символизм / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Прогресс, 2001. – С. 204–209.
4. *Никитина, А.В.* Кукушка в славянском фольклоре / А.В. Никитина. – СПб. : СПбГУ, 2002. – 174 (2) с.
5. *Аверинцев, С.С.* Символ / С.С. Аверинцев // Литературный энциклопедический словарь / под. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Наколаева. – М. : Сов. энцикл., 1987. – С. 378–379.
6. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора и дискурс: вступ. ст. / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. ст. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
7. *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций : учеб. пособие. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 432 с.
8. *Лихачев, Д.С.* Поэтика литературных средств / Д.С. Лихачев // Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и др. работы. – СПб. : Алетейя, 1997. – С. 146–286.
9. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – М. : Русский язык Медиа, 2005. – Т. 2. – 779 с.
10. *Корман, Е.А.* Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в испанском языке (функционально-прагматический и когнитивный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.А. Корман. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – 20 с.
11. *Menning, M.* Dictionnaire des symboles / M. Menning. – Paris : Eyrolles, 2005. – 224 p.
12. *Tresidder, J.* 1001 symboles / J. Tresidder. – Paris : Guy Tredaniel, 2005. – 373 p.
13. Символика царства животных // Полная энциклопедия символов / сост. В.М. Рошаль. – М. ; СПб. ; Тверь : АСТСова, 2007. – 515 с.
14. *Выготский, Л.С.* Психология искусства / Л.С. Выготский. – М. : Искусство, 1968. – 349 с.
15. *Орехова, Ю.С.* Анималистическая литература Франции: традиции и их трансформация в творчестве С.-Г. Колетт : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.01.03 / Ю.С. Орехова ; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2008. – 22 с.

16. *Ивин, А.А.* Символ // *Философия: энцикл. словарь / под ред. А.А. Ивина.* – М. : Гардарики, 2004. – С. 766–768.
17. *Мячикова, И.И.* Две концепции символа / *И.И. Мячикова // Символы в контексте культуры. Знаки и символы белорусской символики / сб. науч. ст.* – Минск : БГЭУ, 2001. – Вып. 1. – С. 19–25.
18. *Гумбольдт, В.* Язык и философия культуры / *В. Гумбольдт.* – М. : Прогресс, 1985. – 450 с.

As a result of extra linguistic factors the image of a concrete animal is able to become a symbol which has an ability to influence a man's behavior and his perception of the environment. The symbol expresses ideas/senses and possesses a chain of characteristics such as "being well-known", "having the relevant notion", "being social". Religious symbols which were the first to originate gradually transferred into everyday spheres.

Поступила в редакцию 21.03.11

А.У. Таболіч

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫ КАМПАНЕНТ У ПАЭЗІІ (на матэрыяле англійскай і беларускай моў)

Нацыянальна-культурны кампанент (НКК) прысутнічае ва ўсіх відах дыскурсу. Паэзія – не выключэнне. Гэты артыкул прысвечаны апісанню розных відаў лексікі з НКК у англамоўнай і беларускай паэзіі і праблемам перакладу гэтых адзінак з адной мовы на другую.

У выніку даследавання выяўлены агульныя і адметныя рысы ў кожнай з моў. Асаблівая ўвага звярталася на такія аспекты лексікі як словы-сімвалы, словы-рэаліі, назвы прыродных з'яў, метафары, эпітэты, параўнанні. Даследаванне праводзілася на матэрыяле вершаваных твораў 20 англамоўных і 18 беларускіх паэтаў і паэтэс і іх перакладаў.

Пераклад лексікі з НКК выклікае значныя цяжкасці наогул, а пры перастварэнні паэзіі гэтая праца ўскладняецца па многіх прычынах – форма паэтычных твораў, яркая вобразнасць, індывідуальны характар паэтычнага радка і г.д.

Паэтычны тэкст – асаблівы дыкурс, які мае свае правілы пабудовы, свае спосабы ўздзеяння на чытача і слухача. Галоўным чынам, гэта вобразныя сродкі і паэтычная форма, якія робяць твор вершам.

Сучасная паэзія, англамоўная – амаль цалкам, беларуская – у малодшага пакалення паэтаў, абыходзіцца без рыфмы, але яна мае свае сродкі выражэння думкі і эстэтычнага ўздзеяння: шматзначнасць, гульню слоў, новыя формы пабудовы, графічныя вобразы, асаблівы рытм і г.д.

У чым жа праяўляецца нацыянальна-культурная спецыфіка паэзіі? Перш-наперш, паэзію саму па сабе можна лічыць нацыянальна-культурным кампанентам (НКК) мовы. Мэтаю нашага даследавання было разгледзець менавіта гэты бок паэзіі англамоўных і беларускіх аўтараў, а таксама выявіць

тыя асаблівасці, якія існуюць у перадачы лексікі з НКК у вершаваных творах пры перакладзе.

Форма, матывы, сімволіка, алюзіі – усё гэта можа быць розным у мовах або больш-менш частотным. Напрыклад, у англамоўнай паэзіі амаль няма вершаў пра тое, як захаваць мову, або вершаў пра наступствы Чарнобыля. У іх няма прычын хвалявацца за сваю мову – яна і так дамінуе ва ўсім свеце. Наступствам чарнобыльскай катастрофы прысвяцілі вершы многія беларускія паэты, а Рыгор Барадулін мае цэлы зборнік вершаў пад назвай “Быць=То Ве”. Прыкладзём некалькі радкоў: *Пасля чарнобыльскае навалы / На Беларусь прыпала 210 з 300/ Хірасім./ Ханіла ўсім* [Р.Б.1, с. 22]. *І страху была,/ Чарано было,/ І было святла/ Да Чарнобыля* [Р.Б.1, с. 26].

Словазлучэнне *роднае слова* не фігуруе ані ў англамоўнай прозе, ані ў паэзіі. Ёсць словазлучэнне *родная мова* – *native language, mother-tongue*. У беларусаў *роднае слова* набыло вялікі сэнс, гэта – вобраз: *Бясмертнае слова, ты роднае слова!/ Ты крыўды, няпраўды змагло/ Хоць гналі цябе, накладалі аковы,/ Дый дарма: жывеш як жыло!* [Н.Г., с. 269]. *Ведай: роднае слова грэмела/ У крывавым агні барыкад,/ За свабоду адважна і смела/ Заклікала ў паход, як набат* [Н.Г., с. 404].

Словазлучэнне *мой родны кут* не мае дакладнага адпаведніка ні ў рускай, ні ў англійскай мовах. Па-руску яно гучыць *мой край родной*, па-англійску – *my native land*, хаця, на нашу думку, бліжэйшым у плане фразеалагічнай адпаведнасці было б словазлучэнне *my native heath* (дакладна *мой родны верас*) [1, с. 67]. Праўда, Вера Рыч перакладае выраз *мой родны кут* (паэма Якуба Коласа “Новая зямля”) як *my native nook*, што, мы лічым, не зусім дакладна, бо слова *nook* азначае ‘невялікае ціхае месца, схаванае ад людзей’, як напрыклад, *a little nook by the fire* ‘невялікі куточак ля каміна’, *a shady nook in the garden* ‘куточак у цяньку сада’ [L. W.].

Яшчэ адна асаблівасць паэзіі – сімволіка, якая можа супадаць, як напрыклад, *белы колер*, што азначае чысціню, нявіннасць, або *чорны колер* – сімвал смерці і змроку. Але ёсць і адрозненні. У сімволіцы Кітая *белы колер* – сімвал старасці, восені, захаду і няшчасця, адначасна чысціні і цнатлівасці. А *чорны колер* у старажытным Кітаі асацыіраваўся з вадой і поўначчу [2, с. 951–952]. Каляровая сімволіка ў англамоўнай і беларускай паэзіі адлюстроўвае слоўнікавыя асаблівасці – *белы і блакітны колер* (*белы сон, блакітная мара*) дамінуюць у беларускай паэзіі, *зялёны і шэры* – у брытанскай (*green years* ‘маладыя гады’, *grey days* ‘шэрыя дні’). Асабліва ўжывальныя ў паэтычных творах складаныя прыметнікі-эпітэты: *беласнежная зіма, блакітнавата-сіняе неба; white-foamed trees, grey-haired clouds*. Пры перакладзе такія эпітэты не выклікаюць цяжкасцей. Звычайна ўжываецца калькаванне: *белаяпенныя дрэвы, шэравалосыя аблогі*. Вось толькі блакітны і сіні колеры маюць адзін адпаведнік у англійскай мове (*blue*). Таму эпітэт *блакітнавата-сіні* давядзецца перадаць іншым спосабам (*light-blue, bluish*). Некалькі прыкладаў з паэзіі: *Завушніцу беллага рэха / Прымярае зіма-шчыруха* [Р.Б.2, с. 472]. *Ані Нёмна сініх водаў між лясоў, / хваляў берага*

крутога ў верасох [А. Т.1, с. 60]. *Калі вільготны ранак зялёным сонечным святлом лімона /Заслону скінуць мне памог з вачэй стамлёных* [С.Д., с. 49]. *Шэрае мора і доўгі марскі бераг; / І жоўты маладзкі, вялікі, / Нізка нада мною* [А.Н., с. 15].

Параўнаўшы паэзію Яўгеніі Янішчыц і Сільвіі Плат (Sylvia Plath), мы прыйшлі да высновы, што раслінны свет (кветкі, дрэвы і да т.п.) у іх вершах прадстаўлены аднолькава шырока. Розніца ў тым, што ў Янішчыц сімвалам чысціні і шчырасці з’яўляюцца *рамонак і ландыш*: *Дай мне ласкі на дарогу, дзікі ландыш!* [Я.Я., с. 302], а ў Плат – *стракотка, ружа* азначаюць каханне і прыхільнасць, *мак* – боль і смерць: *Маленькі мак / маленькі чортавы агенчык, / ці не нясеш ты бяды?* [S.P., с. 11, 29].

Кветкі бэзу, любімыя для Ірыны Багдановіч і амерыканскай паэткі Эймі Лоўэл (Amy Lowell), выклікаюць у іх розныя пачуцці. Для Лоўэл – гэта яе малая радзіма, Новая Англія, кветка, якая суправаджае яе цэлае жыццё: *Твае пахкія гронкі / Па ўсёй Новай Англіі. / Сярод тваіх лісцяў, падобных на сэрца, / Спявае пясчотныя песні / Яркі-жоўты гівал* [А.Т.1, с. 22]. Для Багдановіч бэз – крыніца розных пачуццяў: *Бэз безупынны, бязлітасны, бэз летуценны, / Бэз як бязмежжа памкненняў, пачуццяў іграння. / Бэз каралеўскі, сармацкі, бухмата-праменны, / Бэз як прэлюдыя лета, фарцісіма траўня* [І.Б., с. 60].

Насычанаць паэтычнага твора лексікай з НКК абумоўлена тэмай твора, паходжаннем аўтара і яго бачаннем навакольнага асяроддзя. У вершах Нобелеўскага лаўрэата ірландскага паэта Шэймуса Хіні (Seamus Heaney) прысутнічаюць пераважна рэаліі яго краіны (глог, балота, азёры, мора): *Агенчык глогу, хоць і прыпазніўся, / гарыць зімою ў кустах калючых* [А.Т.1, с. 57]. *У прэрыях / вечаровае сонца / згарае за небасхілам, / а ў нас цьмяныя зоркі / тонуць у зрэнках азёраў* [А.Т.1, с. 56]. У Рыгора Барадуліна часта сустракаюцца *вішня, васілёк, крыжы ля дарог*: *З аблачыны жыта нябёсам / Усміхаецца горка / Васілёк – залётная зорка. Маўчаць крыжы, / Ці стомленыя цені крылатых душ, / Што змрок перамаглі* [Р.Б.2, с. 466, 722].

Пры перакладзе твора “Тарас на Парнасе” англійскаму перакладчыку, мабыць, доўга давялося ўдакладняць, што такое, напрыклад, *кулеш, жур, крупеня*, бо такіх страў англічане ніколі не гатавалі і не смакавалі [Т.П.]. Таму Вера Рыч і ўжывае аналагі *porridge* ‘каша’, *frozen jelly* ‘густое жэле’, *soup* ‘суп’, а *гусяціну* перакладае больш звычайнай для англічан стравой *duckling* ‘качка’.

Даволі цяжкімі для перакладу падаюцца беларускія звароткі, якія хоць і не вельмі часта, але сустракаюцца ў паэзіі. Тады перакладчыкі падбіраюць аналагі, хаця яны не заўжды супадаюць паводле эмацыянальнай нагрузкі. Напрыклад, *паночак – sir, стары хрэн – old crow, my lad*.

Геаграфічныя назвы таксама прысутнічаюць у паэзіі. Звычайна гэта месцы, звязаныя з малой радзімай або тых мясцінаў, якія ўразілі паэта падчас падарожжаў і вандровак. Пры іх перадачы выкарыстоўваецца перакладчыцкая транскрыпцыя (з англійскай на беларускую) і транслітарацыя (з беларускай на англійскую). Зрэдку перакладчыкі карыстаюцца прыёмам і генералізацыі або канкрэтызацыі, дзе слова замяняецца больш шырокім

паняццем або ўдакладняецца назва, як напрыклад: *The river glideth at his own sweet will:/Dear God! The very houses seem asleep... – А Тэмза ціхенька цячэ сабе, як хоча./ О мілы Божа! Гмахі ўсе – нібы пазасыналі...* [С.Д., с. 98–99]. *Мой Нёман родны, дзе сягоння твая воды,/ Якія чэрпаў я ў дзіцячыя далоні? – My dear river! Where are your waters /That in my childhood I ladled with my palms?* [Г.Б.1, с. 211–212].

Часта патрабуецца каментар, таму што чытачу пераклада мясціны і іх назвы могуць быць незнаёмымі. Напрыклад, з мясцінаў, якія апісвае ў адным вершы амерыканская паэтка Дэніз Левертаў (Denis Levertov), беларускі чытач ведае толькі горад Віцебск, адкуль родам продкі паэтэсы: *Нешта забылася за чвэрць стагоддзя:/ продкі мае з Карнавана, з Кардовы, з Віцебска, / хаця я грамадзянка ЗША* [А.Т.1, с. 20].

Мала што гавораць англамоўнаму чытачу назвы з верша Уладзіміра Караткевіча “Беларуская песня” (*Белавежа, Наваградак, Сафія, Прыпяць*) [К.С., с. 405]. Часам перакладчыку даводзіцца ствараць абагульнены вобраз. У знаёмым вершы “My Heart’s in the Highlands” Роберта Бёрнса (Robert Burns) назву *Highlands* перакладаюць звычайна як проста *горы*, хаця гэтая геаграфічная назва мае свой адпаведнік у слоўніках (*Хайлэндз*) [Т.А.Т.2, с. 14].

Беларуская рэлігійнасць выражаецца ў захапленні святынямі Жыровіч або Будслава: *Божая маці ў кароне спакою/ хлопчыка туліць да сэрца рукою. / Ён ёй трымае палец правіцы / Будслаў вышэй палітычнай сталіцы* [Д.Б., с. 11]. Барадулін прысвячае верш Чырвонаму касцёлу: *З Чырвоным касцёлам на “ты”/ Вятры / Што лятуць з Бэтлеему* [Р.Б.2, с. 30]. Англіскі паэт Філіп Ларкін (Philip Larkin) апісвае ў сваім вершы звычайную сельскую царкву: *І толькі ў ёй схаваныя нараджэнне, шлюб, смерць / – усё, што можаш ты сустрэць за яе сцяной, але не разам* [Г.Б.2, с. 494]. Беларускія рэлігійныя і народныя святы перадаюцца спосабам транслітарацыі з каментарам (*на самага Кузьму-Дзям’яна – on the very day of Kuzma-Dziatyan*) або падбіраецца аналаг (*Радаўніца – Remembrance Sunday*), хаця ў брытанскай традыцыі такі дзень прысвечаны ўсім, хто загінуў у войнах. Мы лічым, што бліжэйшым па значэнні будзе свята *All Souls’ Day*, калі каталікі моляцца за душы памерлых, але яно прыходзіцца на 2-е лістапада. Англіскае свята *Christmas* можна перадаць як *Каляды*, хаця традыцыі іх святкавання не супадаюць. Вось як апісвае Вальтэр Скот (Walter Scott) свята *All Saints Day/All Hallows*, якое адзначаецца ў англамоўных краінах 1-га лістапада: *У Дзень Усіх Святых, як ідзеш спаць,/ Дабраславі сваю пасцель крыжом / І Боску Матку ты пакліч* [4, с. 443].

У паэзіі прысутнічае многа міфалагічных вобразаў. Але калі ў беларускай паэзіі пераважаюць паганскія багі (*Пярун, Ярыла, Сварог, Вялес*) або стварэнні (*лясун, хатнік, вупыр*): *Страцім-Лебедзь ляціць у евангельскім небе Радзімы...* [К.С., с. 747]; *Пярун – вясун вясны – / Аб валуны / Вайстрыў маланак вывістыя стрэлы* [Р.Б.2, с. 324], – у англамоўнай паэзіі часцей робяцца алузіі на міфалагічных герояў сваёй краіны (*fairies фэйры, elves – эльфы,*

hobbits – хобіты, *goblins* – гобліны, *ellyllons* – элілы) [3; 4]. Як бачым, адны перадаюцца спосабам транскрыпцыі і ўжо ўключаны ў перакладныя слоўнікі, для іншых даводзіцца падбіраць аналагі (*wood-sprite, hut-goblin, vampire*).

Лірыка, звязаная з апісаннем прыроды, не абыходзіцца без флары, фаўны, прыродных з’яў, якія залежаць ад геаграфічнага фактара. Таму, мабыць, у беларускай паэзіі часцей апяваюцца дуб, бяроза, сасна, вярба, у брытанскай – таполя, бук, вяз, ліпа, у амерыканскай – ціс, магнолія, клён. Параўнаем: *Вы шуміце, шуміце / Нада мною, бярозы, / Калышыце, люляйце / Свой напеў векавы* [А.Б.П., с. 78]... *У бронзе вячэрняй сасна / Узнеслася ўгору астральна... / Вятры яе жорстка каралі / А студзень навесіў каралі* [Ю.Г., с. 9]. *Я ведаю цябе, таполя; Я сачыў за табою з дзесяці гадоў* [А.М., с. 98]. *Палі зялёныя, кветкі вясёлыя! Клёны разбухлі ад соку-сіропу!* [О.Н., р. 113]. Калі беларускія паэты прысвячаюць свае вершы зубру, буслу і жаўруку, то аўстралійскія ўзгадваюць каалу і кенгуру, амерыканскія – бізона, брытанскія – дразда і аленья. Некалькі прыкладаў: *Белавежаю крочаць зубры, / Пушчы слаўнае валадары* [Л.Г., с. 337]. *Я сэрцам у горах, / Дзе казулі, алені...* [С.Д., с. 27]. *Няма ні смутку, ні бяды, / Бо снегам дрозд увесь аброс* [А.Т.2., с. 82].

Здаецца, вецер і дождж не абмінаюць ні Амерыку, ні Вялікую Брытанію, ні Беларусь. Але для амерыканскага паэта Лэнгстана Х’юза (Langston Hughes) дождж уяўляецца срэбным: *Як срэбны дождж пральеца, / Уся зямля / Ад шчасця расквітнее* [С.Д., с. 47]. Для Валянціны Аксак дождж мае антычны выгляд [В.А.], а Міхась Скобла лічыць дождж нават грэшнікам, які “праваўся ў храм па карнізе, каб праявіць свой твар на белай сцяне” [К.С., с. 806]. Але гэта хутчэй індывідуальнае ўспрыняцце прыроднай з’явы.

Вецер дуе на Англію пераважна з усходу, і таму, мабыць, Персі Біш Шэлі (Percy Bysshe Shelley) прысвячае яму не проста верш, а цэлую оду: *Заходні вецер, восені ўладанні / Твае, дыхнеш – і мёртвыя лісты / Знікаюць, як ад злога духа здані* [К.З., с. 81]. У Беларусі вецер можа дуць з усіх бакоў, ён можа быць ласкавым і разбуральным: *Беларускі вецер сланяецца на свеце / пераціраючы пацяруху / і цярэбячы веце дрэў* [А.Р., с. 177]. *Вецер перарабіў карчалапісты клавесін / чорных галінаў / У суседнім двары развалілася старая галубятня* [А.М., с. 130].

Беларускі краявід не быў бы беларускім, калі б яго не ўпрыгожвалі валуны. Таму паэты прысвячаюць гэтым вялізным камяням свае радкі. Нават зборнікі Віктара Шніпа “Балада камянёў” і Юркі Голуба “Зажураны камень” гавораць самі за сябе [В.Ш.; Ю.Г.]. Англіійскія паэты часта ўзгадваюць векавыя камяні *Стоўнхэнджа (Stonehenge)* або каменныя сцены шматлікіх замкаў (*Windsor Castle*).

Метафара, адзін з самых частотных выразных сродкаў у паэзіі, мае свае адметнасці, не гаворачы ўжо пра метафарычныя наватворы. Па метафары можна вызначыць не толькі краіну, дзе верш быў напісаны, але нават аўтара. Вялікая ступень метафарычнасці адзначаецца ў паэзіі Барадуліна, а таксама ў валійскага паэта Дылана Томаса (Dylan Thomas) [Р.Б.2; А.Т.1]. Пры перакладзе метафара можа мець поўны адпаведнік (*світанне і змярканне*

хмураць бровы – *the dawn and the dusk are knitting their brows; on the hill's shoulder – на плячах гары*), частковы (*бянтэжыцца цемра пустая – the empty darkness is confused; hearing the raven cough – над крумкам варан'я*), аналаг (*нагорнецца сляза – a tear will roll down; wind with frosty fingers punishes my hair – вецер у валасы запусціць пяцярню*), перадаецца апісальным спосабам (*дрэвы голыя бавяцца зябкай размовай, успамінаючы лета смякотнае свята – the bare trees are busy talking about the feast of the hot summer*) або ператвараецца ў іншы троп (*просьба кружыць чуйнай чайкай – the beseech circles like a delicate gull; my busy heart...drains her her words – без дамешку слоў*).

Параўнанне звычайна перадаецца параўнаннем з некаторымі зменамі ў граматычнай структуры (як *шапаль, смутак у душу закраўся – sorrow has stolen into my soul like a pileworm; she walks in beauty like the night – бы зорка, што на небе крочыць*), сустракаецца і аналаг (*я пасівеў, як гэтыя аблогі – I have grown as white as the clouds*). У перакладах з беларускай паэзіі выразы тыпу *рака ўспамінаў цёплаю журбою цячэ* даводзіцца перадаваць з дапамогаю параўнання *the river of memories is running like a pleasant chill*.

Эпітэт можа перадавацца эпітэтам, які цалкам або часткова супадае па значэнні і стылістычных рысах з арыгіналам (*сонны сучок – sleepy twig; heartless words – бессардэчных слоў*), а можа трансфармавацца ў іншы троп (*крыж – летуценны чалавек – the cross is as pensive as a man; chemic blood – кроў цячэ як не свая*). Цяжкімі для перадачы з'яўляюцца складаныя эпітэты, асабліва англійскія, для якіх падабраць слушны адпаведнік бывае часам амаль немагчыма (*spider-tongued hills of Wales – узгоркаў, што ў Валіі навук карункамі заплёў*).

Такім чынам, усе мы маем аднолькавыя пачуцці, але праяўляем іх па-рознаму. Нават кожны індывід бачыць свет па-свойму, не кажучы ўжо пра цэлыя этнасы. У найбольш выразнай форме ўсё гэта прысутнічае ў паэзіі. Таму пераклад паэтычных твораў, якія ўтрымліваюць лексіку з НКК, неверагодна цяжкі, бо каментар у самім тэксце верша нельга падаць, як гэта магчыма ў прозе. Даводзіцца падбіраць аналагі або тлумачыць рэаліі ў спецыяльным каментары ў канцы верша або кнігі.

ЛІТАРАТУРА

1. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. S. Wehmeier. – Oxford : Univ. Press, 2002. – 1422 p.
2. Энциклопедический словарь символов /авт.-сост. Н.А. Истомина. – М. : ООО «Изд-во Астрель», 2003. – 1056 с.
3. Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько [і інш.] – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
4. Мифология Британских островов: энциклопедия. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с.

УМОЎНЫЯ СКАРАЧЭННІ

- Р.Б.1 – *Барадулін, Р.* Быць! = То Ве! / Р. Барадулін. – Мінск: Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2006. – 66 с.
- Н.Г. – *Гілевіч, Н.* Любоў прасветлая / Н. Гілевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – 544 с.
- Ю.Г. – *Голуб, Ю.* Зажураны камень: Трыялеты / Ю.У. Голуб. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2002. – 68 с.
- L.W. – *Like Water, Like Fire: An Anthology of Byelorussian Poetry from 1828 to the Present Day* / transl. Vera Rich. – London: Allen and Unwin, 1971. – 248 p.
- Р.Б.2 – *Барадулін, Р.* Ксты = Ksty / Р. Барадулін. – Мінск: Рым.-катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2007. – 788 с.
- Л.Г. – *Геніюш, Л.* Белы сон: вершы і паэмы / Л. Геніюш; уклад. Б.І. Сачанка. – Мінск: Мастац. літ., 1990 – 351 с.
- Я.Я. – *Янішчыц, Я.* У шуме жытняга святла / Я. Янішчыц. – Мінск: Мастац. літ., 1988. – 414 с.
- S.P. – *Plath, S. Ariel* / S. Plath. – London: Faber & Faber, 1965. – 86 p.
- А.Т.1 – *Таболіч, А.* Ліхтарык глогу: пераклады English ↔ Belarusian / А. Таболіч. Мінск: Беларус. кнігазбор, 2006. – 108 с.
- І.Б. – *Багдановіч, І.* Сармацкі альбом: вершы / І. Багдановіч. – Мінск, 2004. – 82 с.
- Т.П. – Тарас на Парнасе: народная паэма. – Мінск: Юнацтва, 1993. – 86 с.
- С.Д. – Срэбны дождж: пераклады з англамоўнай паэзіі / А. Таболіч. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1999. – 112 с.
- Г.Б.1 – Год беларускі, 2007. – Крынкі: Віла Сакрата, 2007. – 360 с.
- К.С. – Краса і сіла: Анталогія беларускай паэзіі ХХ стагоддзя / склад. М. Скобла. – Мінск: Лімарыус, 2003. – 880 с.
- А.Т.2 – *Tabolich, A. English Poetry in Belarusian Translations* / A. Tabolich. – Minsk: MSLU, 2000. – 105 p.
- Д.Б. – *Бічэль, Д.* На белых аблоках сноў: вершы / Д. Бічэль. – Мінск: Выд-ва “Про Хрысто”, 2002. – 76 с.
- Г.Б.2 – Год беларускі, 2009. – Крынкі: Віла Сакрата, 2009. – 268 с.
- А.Б.П. – Анталогія беларускай паэзіі: у 3 т. / уклад. У. Гніламёдаў. – Мінск: Мастац. літ., 1993. – Т. 3: Вершы і паэмы. – 674 с.
- А.Н. – Анталогія новай англійскай і амерыканскай поэзіі / сост. Н.Г. Гутерман. – Л.: Учпедгиз, 1963. – 276 с.
- О.Н. – *Nash, O. Verses from 1929 On* / O. Nash. – Boston: Little, Brown and Company, 1959. – 522 p.
- В.А. – *Аксак, В.* Антычны дождж: вершы / В. Аксак. – Вільня: 1999. – 84 с.
- К.З. – Кахаць – гэта значыць... : старонкі з паэзіі свету / пер. Р. Барадуліна. – Мінск: Мастац. літ., 1986. – 270 с.
- А.Р. – *Разанаў, А.* Рэчаіснасць / А. Разанаў. – Менск: БГАКЦ, 1998. – 198 с.

А.М. – Анталогія маладога верша / уклад. А.Г. Масарэнка. – Мінск: Ураджай, 2001. – 351 с.

В.Ш. – *Шніп, В.* Балада камянёў : паэзія і проза / В. Шніп. – Мінск: Мастац. літ., 2006. – 318 с.

The article deals with the problem of translating culture-bound words used in poetry. The culture-bound words were taken from the poems of British, American and Belarusian authors. Special attention was paid to the culture-bound words which are found in the spheres of geography, nature, mythology, religion, etc. Some lexical expressive means (metaphors, similes, epithets) were also under consideration.

British, American and Belarusian authors very often use their own images, specific for the ethnos they represent. The peculiarities of the studied languages cause most of the difficulties in the process of translation. Yet, translators find ways to reflect the idea of the original and the poet's imagery. There are also similar ways of expressing ideas and feelings.

Поступила в редакцию 15.02.11

Т.Н. Яковчиц

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ АРГОТИЗМОВ ПРИ ИХ ОСВОЕНИИ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ

В статье рассматривается семантическая сторона процесса вхождения социолектизмов в общелитературный язык (ОЯ). Закономерности освоения социолектизмов общелитературным языком, а также зависимость их приспособления к системе общелитературного языка от тематической принадлежности и семантической структуры показаны на материале слов русского криминального аргота, которое справедливо выделяется как социолект, оказывающий наиболее значительное влияние на ОЯ. Выделяются два типа освоения арготизмов общелитературным языком: это заимствование слова или его значения без преобразований, а также переход в ОЯ арготизмов в измененном значении. В статье также подчеркивается, что в процессе освоения арготизмов ОЯ важную роль играет однородность его семантической структуры в социолекте.

Общепародный (национальный) язык – сложная система, состоящая из многих лексических подсистем (регистров). Прежде всего, это *общелитературный язык* (ОЯ), или стандарт, – центральная для национального языка, наиболее важная для коммуникации, устойчивая подсистема. Кроме того, это так называемый субстандарт – находящиеся на периферии различные социолекты (групповые жаргоны, сленги, аргот и др.) и территориальные диалекты. Неотъемлемой стороной функционирования всей системы общепародного языка является взаимодействие данных подсистем. Так, социолекты взаимодействуют с территориальными диалектами, с общелитературным языком. Взаимодействие социолекта и ОЯ носит «двусторонний»

характер, т.е. по направлению от ядра (стандарта, ОЯ) к периферии (социолекту) и от периферии к ядру. Центростремительная сторона взаимодействия¹ рассматривалась во многих работах по изучению субстандартных подсистем, прежде всего потому, что социолект – вторичная система по отношению к ОЯ [1]. Гораздо меньшее освещение получила другая сторона – пополнение словаря стандарта за счет социолектизмов – несмотря на то, что на важность этого процесса указывали в первой половине XX в. В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, С.И. Ожегов¹. Наиболее системное исследование взаимодействия социолекта и литературного языка было предпринято Л.И. Скворцовым на материале русского языка послереволюционного периода [3]. Им были рассмотрены особенности различных субстандартных подсистем национального языка (сленга, арго, молодежного жаргона) и их роль в данном процессе.

Сегодня в исследованиях состояния русского языка конца XX – начала XXI в. констатируется интенсивность взаимодействия социолектов и ОЯ [4]. На материале русского языка исследования этого процесса фокусируются в основном на фактах криминального арго [5; 6; 7; 8], возможно, в силу того, что уголовная субкультура выдвигается как центр экспансии социолектизмов в ОЯ [4]. В большинстве таких работ авторами ставится цель проследить сам переход, показав, какие этапы проходит слово [5; 6]. Поэтому анализируются одно либо несколько слов (таких, как *беспредел*, *тусовка*, слова с корнем *-гон-* и др.) [4; 8].

В результате такого анализа многими лексикологами отмечается тот факт, что при переходе из арго в другие подсистемы слово меняет свое значение [4; 5; 8], некоторые считают, что арготизмы находятся в общем употреблении благодаря своей экспрессивности [5; 8; 9;], в процессе освоения слова в его семантической структуре акцентируются различные компоненты [4]. Выявление системных закономерностей изменений, которые претерпевает социолектное слово при переходе в ОЯ, представляет собой, на наш взгляд, важную задачу изучения взаимодействия социолекта и ОЯ, во-первых, с точки зрения функционирования социолекта в общенародном языке, во-вторых, с точки зрения развития лексической системы общенародного языка. Цель нашего исследования – определить характер и закономерности семантических изменений арготического слова при его ассимиляции общелитературным языком, а также выявить факторы, влияющие на эти изменения.

Материалом исследования стали арготизмы – наименования лица, перешедшие в общее употребление из русского криминального арго

¹ Примерами этого взаимодействия являются использование языкового потенциала, словообразовательных средств ОЯ и т.д. в субстандарте, сохранение некоторых слов, вышедших из употребления в ОЯ.

¹ Приведем слова С.И. Ожегова о городском языке, который он условно называет просторечием: «этот язык всегда, а в годы революции в особенности, является причиной эволюции литературного языка, котлом, в котором перевариваются диалекты, чтобы впоследствии внести свежие струи в литературный язык [2].

в основном в последние десятилетия XX в. Выбор данной лексико-семантической группы обусловлен тем, что она универсальна, хорошо представлена во всех социолектах, в том числе в арго, где человек – один из главных объектов номинации [10]. В ходе исследования были проанализированы 485 арготизмов (1086 ЛСВ) – наименований лиц, зафиксированные тремя словарями арго [11; 12; 13]¹.

В своем исследовании мы также основывались на данных словарей ОЯ, к которым отнесли «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [14], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [15]), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [16]. Как следует из предисловий к ним, данные словари отражают лексический состав современного русского языка в его многообразии, включая «все стилистические пласты и литературные жанры, в которых функционирует русский язык на протяжении всего 20 века» [15].

Определить переход субстандартного слова в стандарт чрезвычайно сложно, так как четких границ между лексическими подсистемами языка не существует. Социолектизмы возникают и изначально функционируют среди ограниченного круга людей. Переход слова в стандарт возможен лишь при условии его выхода за пределы этого круга. В большинстве случаев социолектизмы попадают в сферу, где они «“обкатываются” в живом массовом употреблении, приспособливают свою семантику к общезыковым потребностям и занимают соответствующую нишу по отношению к языковому стандарту, или кодифицированному языку»² [10; 12]. В толковые словари общелитературного языка попадают лишь те из них, которые прошли по меньшей мере следующие стадии своей эволюции – возникновение и развитие в социолекте, выход за его пределы, освоение слова интержаргоном (термин Л.И. Скворцова), переход в просторечие (общий жаргон или экспрессивное просторечие) и, наконец, в литературный язык. Поэтому регистрацию слов социолектного происхождения в толковом словаре общелитературного языка мы считаем показателем процесса их освоения стандартом. Пометы, сопровождающие их (например, *разг.*, *разг.-сниж.*, *прост.*, *жарг.*) говорят о степени освоения.

Сравнение первоначально отобранного из арготических словарей материала с данными словарей ОЯ позволило сформировать корпус слов, перешедших в общее употребление, в количестве 89 лексических единиц. Это дает возможность сделать вывод о том, что переход арготизмов в ОЯ не столь интенсивен – около 17 % всех зафиксированных нами арготических наименований лиц. Арготизмы, освоенные стандартом, – это, во-первых, слова, находящиеся «на границе отдаленной периферии литературного

¹ Выборка из трех словарей позволила сформировать корпус наиболее частотных арготических лексических единиц (ЛЕ), употребление которых не ограничивается территориально, а также исключить окказионализмы, слова, случайно попадавшие в словари арго.

² Такой сферой для русского языка является просторечие, имеющее прозрачные границы с разговорной лексикой.

языка»¹ [15], используемые в общелитературном языке как средство имитации условного языка каких-либо социальных групп либо для экспрессии [8; 10; 14]. Это также слова, переместившиеся ближе к ядру, которые не потеряли еще разговорно-сниженного, просторечного или разговорного характера и сопровождаются в словарях соответствующими пометами. Наконец, это слова, не сопровождающиеся функционально-стилистическими пометами вовсе. Подобное стилистическое расслоение отобранных нами слов не препятствует целям рассмотрения изменения их семантики по мере продвижения в стандарт².

В результате анализа были выделены *два типа* освоения арготизмов общелитературным языком. П е р в ы й тип – это переход в ОЯ арготизмов с минимальными преобразованиями значения либо без таковых. К этому типу относятся случаи перехода в ОЯ однозначных арготизмов или отдельных значений многозначных лексем.

Как и следовало ожидать, освоение всех арготических значений, т.е. полный переход слова в ОЯ, характерен для слов однозначных: все они были освоены ОЯ в своем изначальном арготическом значении, например, *зек* (арго) ‘заключенный’ → ‘разг. тот, кто находится в заключении, заключенный’ [15]. Лишь несколько арготизмов, имеющих два значения в арго, полностью перешли в ОЯ, например, *бич* (арго) ‘бродяга’ – ‘бывший интеллигентный человек’ → ‘жарг. опустившийся человек, бродяга’ [15]. В таких случаях в словарях ОЯ оба арготических значения фиксируются как одно.

Среди однозначных слов, перешедших в ОЯ по первому типу, больше всего наименований лиц по их профессиональной деятельности. Это названия некоторых специфических преступных профессий: *щипач* ‘разг.-сниж. карманный вор, карманник’, *карманник/карманщик* ‘разг.-сниж. тот, кто ворует из карманов, щипач’, *домушник* ‘квартирный вор’, *форточник* ‘жарг. вор, проникающий в какое-либо помещение через форточку’, *фарца, фарцовщик* ‘разг. спекулянт вещами/валютой (обычно перекупленными у приезжих иностранцев)’, *медвежатник* ‘разг. взломщик сейфов’. Кроме того, это однозначные наименования представителей правоохранительных органов, например, *опер* ‘разг. то же, что оперативник’. Важной характеристикой этих слов является то, что они относятся к так называемому «производственному ядру» [16] арго и в большинстве случаев не имеют семантических параллелей в ОЯ: *подельник* ‘жарг. тот, кто был под следствием, был осужден по одному делу с кем-либо; соучастник в уголовном, разбойном деле’.

Что касается многозначных арготизмов, то здесь наблюдается зависимость выбора значения, переходящего в ОЯ, от тематической однородности семантической структуры арготизма. К словам, отличающимся такой

¹ Эти слова сопровождаются пометой *жарг.* в [15].

² По этой же причине мы не исключили из корпуса исследования те слова, которые были зафиксированы 17-томным словарем русского языка ранее, а именно *аран, босьяк, громила, жулик, корешок, легавый, наводчик, наводчица, пацан, сачок, фараон, шестёрка*.

однородностью, относятся, прежде всего, арготизмы, имеющие «профессиональный» семантический стержень: все их значения характеризуют человека по его профессиональной деятельности, так или иначе связанной с преступным миром, среди их значений почти не встречается значений не только чисто оценочных, но и связанных со свойствами характера.

Во-первых, это наименования преступников: *блатной* (арго) ‘вор, член преступного мира’ – ‘пособник преступникам’ – ‘то же, что авторитет’ – ‘хулиган’ – ‘представитель воспитанников, занимающих привилегированное положение в ИТУ’ → ‘разг.-сниж. представитель преступного, воровского мира’ [14]. Примечательно, что в данных случаях в ОЯ переходят общие названия, «оставляя» в арго более профессиональные, специфические значения: *блатарь* (арго) ‘вор’ – ‘авторитетный профессиональный вор’ – ‘перевозчик краденого’, *блатняк* (арго) ‘вор, профессиональный вор’ – ‘скупщик краденого’ – ‘хулиган’ имеют одинаковое толкование в общелитературном словаре ‘разг.-сниж. то же, что *блатной* (представитель преступного, воровского мира)’ [14]. Слова *наводчик*, *наводчица*, имеющие в арго значения ‘категория квартирных воров, подыскивающих объекты для кражи’ – ‘помощник шулера, вовлекающий в игру доверчивых простаков’ – ‘человек, который проникает в зону как осужденный и, скрывая свою принадлежность к преступному миру, отыскивает предателя, приговоренного ворами к уничтожению’, в общелитературном словаре регистрируются как ‘разг. член воровской шайки, указывающий место, где можно совершить кражу’ [15].

Во-вторых, это наименования работников правоохранительных органов, исправительных учреждений. Так же, как и в предыдущем случае, в ОЯ не переходят специфические, актуальные лишь для арго значения. Так, в арго эти слова обозначают как работников милиции, так и охранников в местах лишения свободы, реже предателей, что и понятно, так как для преступников все они объединяются как враги. Например, слова *мент*, *мусор*, *мильтон*, *фараон* имеют значение ‘милиционер’ в ОЯ, в арго же они имеют и другие значения: ‘тюремный надзиратель, контролер в ИТУ’ (*мент*, *мильтон*, *мусор*), ‘сыщик – постовой – член ДНД’ (*мент*), ‘доносчик, человек, сотрудничающий с правоохранительными органами’ (*мусор*), ‘сторож’ (*фараон*).

Для освоения данных арготизмов характерно заимствование общелитературным языком того значения многозначного слова, которое актуально для носителей ОЯ (например, для обычного человека факт просто принадлежности человека к преступному миру гораздо важнее его статуса в этом мире; также он сталкивается не с надзирателем, а с милиционером).

Относительной однородностью семантической структуры обладают и арготизмы, во всех своих ЛСВ называющие лица по их характерным признакам, по физическому состоянию, но не по профессиональной деятельности. Это такие слова, как *шланг* (арго) ‘лентяй’ – ‘глупый, несообразительный человек’ – ‘человек в сильной стадии алкогольного опьянения’ → ‘жарг. бездельник, лентяй, человек, уваливающий от своей работы [15]; *ханыга* [арго] ‘пьяница’ – ‘хромой человек’ – ‘попрошайка’ → ‘разг. – сниж. опустившийся человек, попрошайка’ [15].

Другой вариант выбора значения наблюдается при переходе в ОЯ наименований лиц околопреступного мира: бродяг, опустившихся людей, алкоголиков, проституток, женщин легкого поведения. Как правило, в семантическую структуру этих арготизмов входят значения, связанные как с неустроенностью, физическим состоянием человека, так и с преступной деятельностью. В случае перехода слова в стандарт усваиваются те значения, которые связаны не с преступной деятельностью, а с другими характеристиками человека, т.е. в отличие от «чистых» наименований преступников эти слова переходят в стандарт в значении, определяющем именно их образ жизни. Например: *гонник* (арго) ‘грабитель’ – ‘преступник’ – ‘грубый человек’ – ‘представитель хулиганствующей молодежи’ – ‘беспризорник, бродяга’ → ‘разг.-сниж. тот, кто привлекает внимание неопрятностью, неряшливой одеждой, вызывающим поведением; босяк’ [15] или *сачок* (арго), ‘бездельник’ – ‘мелкий вор’ → ‘разг. бездельник, лодырь’ [14].

Многочисленные наименования женщин в арго, переходя в общее употребление, также теряют специфические (относящиеся к преступному миру) значения. Так, все арготизмы – наименования женщин – в нашем корпусе данных фиксируются в толковых словарях русского языка в синонимичных значениях: *шалашовка* ‘разг.-сниж. распущенная женщина, женщина легкого поведения; употребляется как бранное слово’ [14]; *шмара* ‘разг.-сниж. безнравственная, распутная женщина; женщина легкого поведения; употребляется как бранное слово’ [14]. В арго же эти слова имеют и другие значения: ‘женщина-бродяга’ (*шалашовка*), ‘соучастница преступления’ (*шмара*).

Подчеркнем, что для первого типа характерен переход в ОЯ арготизма или одного из значений арготизма, которое при этом практически не подвергается изменениям. Если в семантике арготического слова сочетаются значения, связанные с преступной деятельностью и с другими характерными признаками человека, в общую речь скорее попадают вторые значения.

Отличительными чертами второго типа освоения арготизмов является то, что происходит заметное преобразование арготического значения. Оказалось, что арготизмы, переходящие в ОЯ по второму типу, – это многозначные слова, в семантической структуре которых в арго присутствуют значения, связанные как с преступной деятельностью, так и с характерными свойствами человека, с проявлением этих свойств, с внешними, интеллектуальными характеристиками, т.е. те значения, в которых присутствует оценочная сема.

При изменениях данного типа слово, переходя в ОЯ, теряет узкоспециальные значения, но приобретает новые, связанные с одним из значений арготизма, которое является не основным, а, скорее, периферийным. Например, *фраер* (арго) ‘не-вор’ – ‘общее название жертвы’ – ‘хорошо одетый человек’ – ‘любовник’ – ‘неопытный, не понимающий тюремных обычаев человек’ – ‘бахвал’ – ‘неопытный вор’ – ‘в иерархической криминальной лестнице второй после вора в законе человек’. Ключевым

значением¹ в арго является значение ‘не-вор’, которое близко значению ‘жертва’ (по сути, все не-воры – потенциальные жертвы для преступника) и которое мотивирует и другие значения, причем слово имеет негативную коннотацию, так как в преступной среде к людям, не принадлежащим к преступному миру, относятся с презрением. В стандарте *фраер* имеет значения ‘любой мужчина, тот, кто ухаживает за девушкой, женщиной, проводит с ней время, ухажер’ – ‘тот, кто нарядно и модно одет, франт, щёголь’ (они развиваются на базе арготических значений ‘любовник; хорошо одетый человек’), а также ‘неопытный, наивный юноша, мужчина’ (это значение соотносится с арготическим ‘неопытный, не понимающий тюремных обычаев человек’).

Значение слова *шестерка* в общелитературном языке – ‘прост., прен. мелкий и бессловесный исполнитель, вообще человек на побегушках’ [16] – формируется на базе арготических значений, связанных со статусом преступника в уголовной среде, прежде всего, это ‘холуй, слуга’ – ‘рядовой преступник’ – ‘мелкий вор’. Человек, занимающий в преступной иерархии такую позицию, характеризуется соответствующим поведением, что закрепляется в арготических значениях ‘подхалим, угодник’ и ‘человек, выполняющий мелкие поручения, неквалифицированную или грязную работу’.

Еще одним ярким примером перехода слова из арго в стандарт в преобразованном виде является слово *лох*. Значение, которое оно приобретает в стандарте, – ‘наивный, доверчивый, легковерный человек, которого легко обмануть (обычно с оттенком пренебрежительности)’ [15], связано с арготическим значением ‘жертва преступления’, так как человек становится жертвой, прежде всего, в силу своей доверчивости. Пренебрежительный оттенок слова – это своеобразное «наследие» арготических значений ‘морально и физически униженный человек’ – ‘новичок в воровском деле’ – ‘мужик, крестьянин’ и отношения преступников к таким людям.

Проведенный анализ перехода арготизмов в ОЯ позволяет ответить на вопрос, какие из типов освоения арготизмов наиболее частотны (таблица).

Представленность типов освоения арготизмов

Тип освоения арготизма ОЯ		Количество слов	Представленность в исследовательском корпусе, %	
Первый	однозначные арготизмы	26	29,2	80,9
	многозначные арготизмы	46	51,7	
Второй		17	19,10	19,1

¹ Обычно эти значения в словаре представлены первыми.

Наиболее частотным является заимствование одного из значений многозначного арготизма – около половины рассмотренных случаев.

В результате нашего исследования были выявлены определенные закономерности перехода арготизмов в стандарт. Характер изменений, происходящих со словом, зависит от двух факторов: тематической принадлежности арготизма и его семантической структуры в арго. Выбор значения, которое переходит в ОЯ, определяется его актуальностью для носителей общелитературного языка. В том случае, если слово претерпевает семантические преобразования, значение, которое оно приобретает в ОЯ, как правило, характеризует человека по его свойствам и мотивируется «производственными» арготическими значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лукашанец, Е.Г.* Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е.Г. Лукашанец. – Минск : МГЛУ, 2007. – 299 с.
2. *Ожегов, С.И.* О просторечии: К вопросу о языке города / С.И. Ожегов // *Вопр. языкознания.* – 2000. – № 5. – С. 93–110].
3. *Скворцов, Л.И.* Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Л.И. Скворцов; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1966. – 16 с.
4. *Какорина, Е.В.* Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е.В. Какорина // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995); редкол. : В.Л. Воронцова [и др.].* – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 67–89.
5. *Глухова, М.А.* Динамика взаимопроникновения арго и литературного стандарта / М.А. Глухова // *Языковые подсистемы: стабильность и динамика : сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; под ред. Л. Галеева (отв. ред.)* – Тверь : ТГУ, 2002. – С. 9–15.
6. *Грачёв, М.А.* Механизмы перехода арготизмов в общенародный язык / М.А. Грачёв // *Русский язык в школе.* – 1996. – № 5. – С. 87–90.
7. *Грачёв, М.А.* Как появляются арготизмы в нашей речи / М.А. Грачёв // *Культура речи.* – 1996. – № 4. – С. 67–71.
8. *Саляев, В.А.* Об основных этапах эволюции арготического слова / В.А. Саляев // *Русский язык в школе.* – 1996. – № 5. – С. 90–93.
9. *Быков, В.Б.* Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.20 / В.Б. Быков. – М., 2001. – 42 с.
10. *Химик, В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
11. *Быков, В.Б.* Русская феня : словарь современного интержаргона асоциальных элементов / В. Быков. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 222 с.

12. *Грачёв, М.А.* Словарь тысячелетнего русского аргю : 27 000 слов и выражений / М.А. Грачёв. – М. : РИПОЛ классик, 2003. – 1119 с.
13. *Мокиенко, В.М.* Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2000. – 7017 с.
14. *Ефремова, Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160 000 слов / Т.Ф. Ефремова. – М. : Астрель, 2006. – Т. 3.
15. Большой толковый словарь русского языка : ок. 130 000 слов / С.А. Кузнецов [и др.]; под ред. С.А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
16. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка : 80 000 слов / С.И. Ожегов ; Н.Ю. Шведова ; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : Технологии, 2003. – 944 с.

The article analyses the semantic changes that sociodialectal words undergo in the process of their assimilation in the standard language. It describes two types of such assimilation: with changes in meaning and without such. The study made on the material of the Russian criminal argot has revealed the correlation between the semantic structure of the word in the sociodialect and the way it is assimilated in the standard language.

Поступила в редакцию 08.02.2011

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. Василевская

**ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СПОРТИВНОГО СОБЫТИЯ
И ЕЕ АКТУАЛИЗАЦИЯ В НОВОСТНОМ ТЕКСТЕ**

Статья посвящена проблемам пропозиционального моделирования спортивных событий, лежащих в основе текстов спортивной тематики белорусско- и англоязычных газет. Исследование направлено на разработку когнитивной структуры спортивного новостного текста и особенностей ее языкового воплощения в сопоставляемых языках. В результате выявлены ситуации, которые лежат в основе событий, освящаемых в данных текстах. Определен наиболее частотный тип ситуации, отражаемой основным событием новостного текста, и разработана ее пропозициональная модель – ментальная структура, которая лежит в основе наших знаний и представлений о конкретных реалиях спортивного мира. Установлен универсальный характер данной модели и сходство средств ее языковой актуализации в новостных текстах на белорусском и английском языках.

Проблема определения и понимания текста является одним из дискуссионных вопросов современной лингвистики. Это обусловлено переменами в лингвистической науке, которая в первую очередь изменяет понимание языка как объекта исследования. Язык начинает рассматриваться не как абстрактная сущность, а как неперенный атрибут человека, тесно связанный с его мышлением, знаниями и опытом. Данное обстоятельство детерминирует переориентацию науки о языке и появление новых отраслей и подходов, одним из которых является когнитивная лингвистика [1, с. 3]. Это активно развивающееся направление рассматривает язык во взаимосвязи с ментальными основами восприятия и продуцирования речи. Естественным образом понятие текста как ведущей единицы коммуникации также получает в когнитивистике особую трактовку. Текст является «важнейшей формой передачи знаний» [2, с. 133]. Поэтому, в первую очередь, он рассчитан на понимание и извлечение информации. По определению Е.С. Кубряковой, текст – это «образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации ...» [3, с. 518]. В рамках данного подхода текст рассматривается не как структурное образование, а как процесс передачи-обработки знаний.

Основополагающая роль когнитивных процессов при работе с текстом подчеркивается всеми исследователями-когнитивистами. В.Ф. Новодранова говорит о том, что в основе текстопорождения, распределения текстовой информации и ее восприятия «лежат универсальные ментальные операции по обработке информации человеком и усвоению знания» [4, с. 194].

Когнитивные принципы обработки текста также нашли отражение в работах Н.И. Жинкина. Понимание текста, по мнению ученого, предполагает его сжатие до уровня концепта. Такой концепт содержит «смысловый сгусток всего текстового отрезка». Таким образом, восприятие текста, т.е. установление его смысловой структуры, – это процесс выявления иерархической структуры смысловых предикатов, манифестирующих смысловую концепт текста [5, с. 84].

Многоплановость и многоуровневость текста обуславливает неоднозначность определения его структурной организации. В зависимости от избранной концепции одному и тому же текстовому произведению могут быть присущи несколько не противоречащих друг другу структур [6]. Например, А.И. Новиков анализирует смысловую структуру текста на денотатной основе, где денотат представляет собой определенное ментальное образование, отражающее ситуацию [Там же]. А.А. Смирнов выделяет «опорные пункты», аккумулирующие вокруг себя все, что относится к ним на основе смысла [7].

В концепции Т.А. ван Дейка анализ смысловой структуры текста происходит на уровнях суперструктуры и макроструктуры. Суперструктура представляет собой общее, абстрактное содержание текстов одного типа. Этот термин охватывает конвенциональные схемы построения текстов в определенной социокультурной среде. Такие схемы выявляют модель текста конкретного типа и описывают способ преобразования структуры знаний адресанта в вербальную цепочку. Это обеспечивает максимальную доступность восприятия текста. Суперструктура организует макроструктуру – основное содержание текста, – реализуемую на уровне понимания в виде последовательности пропозиций [8].

Пропозиция является одним из наиболее употребительных терминов когнитивистики и используется «для обозначения особой оперативной структуры сознания и/или особой единицы хранения знаний в голове человека» [9, с. 137]. Заимствуя данный термин из логики, лингвистика добавляет в его интерпретацию основной принцип человеческого восприятия окружающей действительности: все события должны рассматриваться во взаимосвязи и взаимозависимости [9, с. 137–140]. Н.Д. Арутюнова понимает пропозицию как определенную ментальную структуру, отражающую ту или иную ситуацию реального мира и типы отношений в ней [10]. В.В. Богданов также считает пропозицию образом ситуации реального мира, которая представляет ее участников (партиципантов) и их признаки. Поскольку ситуация и пропозиция, по мнению ученого, состоят в отношениях «полного структурного изоморфизма», то аналогом признака в ситуации является предикат в пропозиции, ситуативному партиципанту соответствует пропозициональный аргумент, а признакам участников ситуации и отношениям между ними – семантические роли членов пропозиции (агентив, пациентив, бенефактив, экспериенсив, локатив, инструментатив, результатив и др.) [11, с. 69–71]. Иначе говоря, пропозиция представляет собой способ формализации знания в виде предикатно-аргументной схемы, а пропози-

циональный анализ является продуктивным методом выявления семантики текста и извлечения текстовой информации [2].

Данный метод использован в настоящем исследовании для установления семантики основного события 50 текстов спортивных новостей белорусскоязычной прессы и аналогичного количества текстов англоязычной прессы. К текстам новостей мы относим тексты информационного типа. Они объединены «признаками событийности, документальной насыщенности, оперативности» [12, с. 140] и дают читателю ответ на вопросы *что, где, когда произошло?* [12; 13; 14].

Основные события данных публикаций являются частью выделенной Т.А. ван Дейком канонической суперструктуры текстов новостей и его концепции понимания текста. В качестве критериев выделения основного события текста нами избраны его актуальность и включенность во все элементы структуры текста, в первую очередь, в заголовок и вводку (при ее наличии). Так мы определили основное событие статьи британской газеты “The Telegraph” под названием *Borthwick Back To Enjoy Rare Win*. Семантика избранных автором лексических единиц заголовка (*to enjoy win*) детерминирует общее содержание новости: основным событием здесь должна стать победа команды, в состав которой входит упомянутый в заглавии игрок. Эта презумпция подтверждается в дальнейшем лексическим значением единиц из первого абзаца новостного текста: *England’s beleaguered captain, Steve Borthwick, found something to cheer him at the end of a difficult month as Saracens mastered miserable conditions to seal their first win during the autumn international period*. Наряду с основным событием семантическая структура текстов определенного типа может содержать фоновые события, вербальные реакции, комментарии [8]. Иллюстрацией подобной суперструктуры служит текст публикации БАТЭ *перайграў італьянскі «Чыска»* белорусской газеты “Звязда”, сообщающей читателю (как предопределено названием) о победе белорусского футбольного клуба над итальянскими соперниками. Публикацию открывает фоновое событие: *У межах падрыхтоўкі да заключнага матчу Лігі Еўропы супраць «Эвертана»...* Данное предложение актуализирует *старт матчей Лиги чемпионов* – положение вещей, которое предшествует основному событию и поясняет его происхождение. Основное событие – победа – вербализуется следующим образом: *... барысаўскі БАТЭ правёў 9 снежня таварыскі матч супраць клуба «Чыска» <...>. З лікам 3:2 перамогу атрымалі барысаўчане...*

Далее семантическая структура статьи осложняется фоновыми событиями – детализацией основного события (*Мячы забілі Аляксандр Валадзько, Віталь Радзівонаў і Аляксандр Юрэвіч*) и комментариями основного события белорусских спортивных чиновников (*Як адзначае прэс-служба барысаўскага клуба, паядынак быў багаты на грубыя, а часамі і брудныя прыёмы з боку суперніка*). В заключении автор вновь обращается к событиям, ставшим фоновыми по отношению к основному (*Матч з лівэрпульскім «Эвертанам» адбудзецца 17 снежня...*). Анонсируемое данным

предложением мероприятие команды *БАТЭ* представляет собой очередное событие в цепочке матчей Лиги Европы, которое должно последовать за основным событием статьи.

Итак, ядерным элементом семантической структуры любого вербального сообщения является основное событие. В исследуемых белорусскоязычных текстах спортивных новостей нами было выделено 130 основных событий и 78 основных событий в текстах на английском языке. Такая событийная насыщенность статей на обоих языках является жанровой особенностью текстов спортивных новостей и обусловлена наличием среди таких публикаций так называемых новостных бюллетеней [14], представляющих собой цепочку событий, объединенных темой и/или временем происхождения.

Основные события любого вербального сообщения отражают определенные ситуации окружающего мира. В исследуемых новостных текстах на английском языке основные события представляют итоги соревновательной деятельности (49 %), анонсируемые спортивные мероприятия и их прогнозы (17 %), коммерческую деятельность в области спорта (14 %). Оставшиеся 20 % охватывают ситуации, описывающие здоровье спортсменов, спортивные конфликты и юридические вопросы, поддержку болельщиков, спортивную безопасность, кадровые назначения и др. Во многом схожи ситуации, которые легли в основу главных спортивных событий в белорусскоязычных текстах. Однако спецификой белорусскоязычной прессы является более высокая частотность событий, отражающих итоги соревновательной деятельности (81 %). 11 % ситуаций описывают предстоящие или проходящие в данный момент спортивные мероприятия. К 8 % ситуаций относятся коммерческая деятельность в области спорта, спортивные конфликты, поддержка болельщиков, кадровые назначения, мероприятия, имеющие опосредованные отношения к спорту (открытие выставки или выпуск фотоальбома о каком-либо спортивном событии, проведение торжественного ужина с участниками соревнований и пр.).

Итак, наиболее частотными для газетных новостей на обоих языках являются ситуации, касающиеся итогов спортивной деятельности. Рассмотрим их подробнее. Анализ спортивных сообщений британских и белорусских газет показал, что исследуемые основные события могут отражать ситуации, где итогом соревновательной деятельности выступает победа, поражение, ничья, получение медалей, наград, рейтинг спортсменов и т.п. Они могут актуализировать ситуацию с одним денотатом, например, победу или сложную, полиденотатную ситуацию (проигрыш + положение в турнирной таблице и т.п.). Поэтому представляющая их пропозиция может быть простой и комплексной.

Простая пропозиция, отражающая ситуацию “итог соревнований”, обычно состоит из предиката и нескольких аргументов, семантические роли которых обусловлены онтологией представляемого ими события. Так пропозиция ситуации “проигрыш”, выраженная, например, простым

предложением *Hearts lost at Aberdeen*, включает предикат (*lost*), бенефактив (проигравшая команда – *Hearts*) и локатив (место проведения матча – *Aberdeen*). По нашему мнению, подлежащее в данном предложении не может считаться активным деятелем (агентивом), так как семантика действия “проигрыш”, реализованная на вербальном уровне глаголом *lost*, предполагает потерю, утрату чего-либо, в данном случае победы, что соответствует семантике пропозициональной роли бенефактива [11]. Активный производитель действия – нанесения поражения – (агентив) здесь имплицирован.

Ситуация “получение медали” в качестве основного события статьи может иметь пропозициональную структуру, состоящую из предиката – действия по получению медалей, агентива – завоевателя медалей и темпоратива – времени завоевания медалей. Подобная структура может актуализироваться в речи авторов спортивных новостей следующим образом: *Сёлета (темпоратив) беларускімі спартсменамі (агентив) заваявана 48 медалёў (предикат)*. Отметим, что числительное, выражающее количество медалей, не является отдельным актантом пропозиции, но дополняет, расширяет значение предиката. Собственной семантической роли не играют в пропозиции и прилагательные: *Матч завяршыўся мінімальнай перамогай казанцаў*. Данное предложение на языковом уровне реализует пропозицию ситуации “победа” посредством предиката, отражающего победу (*завяршыўся перамогай*), агентива – победителя (*казанцаў*) и локатива (*матч*). Прилагательное *мінімальны*, не имея ситуативного референта, или собственной онтологии, в данном случае расширяет семантику предиката.

Другой вариант основного события с онтологией победы как итога соревнований предусматривает наличие нескольких действующих лиц: *Exeter Chiefs secured a comfortable 38-7 win over the Cornish Pirates at Sandy Park*. Пропозиция победы, вербализованная данным предложением, состоит из предиката победы (*secured a win*), агентива – победителя (*Exeter Chiefs*), бенефактива – проигравшей стороны (*Cornish Pirates*) и локатива, или места победы (*Sandy Park*).

Основное событие в газетной спортивной публикации может представлять несколько ситуаций одновременно. Такая сложная ситуация будет соответствовать многопропозициональному комплексу, обычно вербализованному сложным предложением или предложением с номинализациями, однородными членами, обособлениями и т.д. Пропозиции в подобном комплексе объединяются различными коннекторами (конъюнкции, дизъюнкции, причины-следствия и др.) [11]. Пропозициональный комплекс, реализованный предложением с герундиальным оборотом *Dundee United took sole possession of third place in the Scottish Premier League by beating Falkirk 1–0 at Tannadice*, соответствует сложной ситуации с двумя денотатами: «рейтинг спортсменов» и «победа». Он представляет собой две связанные с помощью коннектора способа действия (*by*) простые пропозиции, где вторая пропозиция предшествует первой. Действия в данном комплексе отражены двумя предикатами (*took sole possession of third place* и *beating*). Агентивом

в обеих пропозициях является спортивный клуб *Dundee United*, который в первой пропозиции представляет участника, занявшего определенное место в рейтинге, а во второй – победителя соревнований, бенефактивом – проигравшая сторона (*Falkirk*), а локативы указывают на место совершения действий (*Scottish Premier League* и *Tannadice*).

Подобный многопропозициональный комплекс может быть выражен и простым предложением: *Скарбонка беларускай каманды папоўнілася залатым медалём Алякандры Герасімені*. Данное предложение, на наш взгляд, актуализирует две ситуации (получение спортсменом медали и пополнение медального зачета команды). На ментальном уровне это соотносится с двумя простыми пропозициями. Первая состоит из агентива (завоевателя медали) и предиката (действия по завоеванию медали). Во второй пропозиции предикат (действие по пополнению медального зачета команды) сочетается с агентивом (пополняющим медальный зачет участником) и пациентивом (пассивным воспринимателем действия, т.е. тем, что пополняется – медальным зачетом). На вербальном уровне происходит процесс синтаксического свертывания предиката первой пропозиции (получение медали) и его инкорпорация в семантику именного словосочетания *залаты медаль Алякандры Герасімені*.

Таким образом, стандартная модель пропозиции, отражающей «итог соревнований» для носителей как английского, так и белорусского языков часто предполагает наличие следующих ролей: агентива – победителя, бенефактива – проигравшей стороны, локатива – места осуществления действия и темпоратива – времени проведения соревнований. Специфично белорусским актантом спортивной пропозиции является пациентив *медальная копилка*, используемый для отражения ситуации “пополнение медального зачета команды”.

Подобные пропозиции «отражают семантику предложения» и только в нем «приобретают свою значимость» [11, с. 74]. Поэтому обратимся к вербальным способам их актуализации в речи авторов изучаемых публикаций. Предикаты исследуемых пропозиций вербализуются глаголами с соответствующей семантикой (*win, beat, lose, defeat, draw, prevail; выйграць, перамагчы, абыграць, заваяваць, абгуляць, перайграць, саступіць, прайграць, разграміць*), а также их сочетаниями с существительными, где значение имени относит словосочетание к определенному типу предиката (победы, поражения, ничьей и т.д.): *to record a win, to settle a win, to deny a win, to cause failure, атрымаць перамогу, узяць верх, заняць месца, пацярпець паражэнне, згуляць унічыю*.

Потенциалом определять значение словосочетаний и, тем самым, относить вербализованный им предикат к определенному типу (победы или поражения) иногда обладают наречия, образованные от оценочных прилагательных: *паспяхова выступілі на этапе серыі Гран-пры «Брыліянтавая ліга» на лёгкай атлетыцы ў Лондане беларускія штурхальніцы ядра...* Именно семантика наречия относит словосочетание *паспяхова выступілі* к средствам вербализации победы. Однако в большинстве случаев прилагательные

и наречия при актуализации основного события спортивной публикации дополняют значение пропозициональных актантов и на коммуникативном уровне выполняют оценочно-эмотивную функцию: *the biggest eventing prize ever, a comfortable win*; *буйна перамагли, унэўнена справіўся* и др. Такую же функцию в англоязычных текстах выполняют существительные, реализующие эмоционально-оценочную семантику: *surprise victory, bonus-point victory* и т.д. Дополнять семантику актантов пропозиции также могут числительные, часто используемые в вербальном представлении пропозиций основного события спортивных новостей: *to seal their fifth victory, to settle a 20–12 win*; *чэмпіён унэўнена выйграў – 2:0, хакеісты саступлі ў серыі булімаў 3:4*.

К языковым средствам, указывающим на вербальном уровне на такие члены исследуемых пропозиций, как агентив, бенефактив и локатив, в основном относятся имена собственные, представляющие спортсменов, названия команд, спортивных ассоциаций, сооружений и т.д. Специфическим маркером локатива являются предлоги места (*in, at; у* и т.п.). Бенефактив на вербальном уровне может сочетаться с предлогами *over* в английском языке и *над* в белорусском.

Актуализация пропозициональных ролей на вербальном уровне может происходить посредством образных языковых средств. Пример *Даўкі “Капенгаген” спыніў шэсце БАТЭ ў плэй-оф Лігі чэмпіёнаў* демонстрирует вербализацию пропозиции с онтологией итога соревнований, где предикат победы выражен метафорически: *спыніць шэсце*. К другим метафорам, реализующим предикаты пропозиций при представлении аналогичных ситуаций в новостях, относятся *to capture a victory, to seal a draw, to seize upon a victory*. Среди средств вербализации предикатных актантов отмечены также случаи метонимического переноса: *to join a list of winners*; *здабыць золата, заваяваць серабро*. В белорусскоязычных новостях встречаются метафорические средства вербализации пациентивов: *скарбонка каманды, капілка каманды*.

Итак, пропозиция основного события в спортивных новостях отражает определенные типичные ситуации спортивной действительности, наиболее частотной из которых является ситуация “итог соревновательной деятельности”. Анализ предложений, отражающих данную ситуацию в речи белорусских и английских спортивных журналистов, позволил выделить соответствующую ей особую пропозициональную модель, инвариант структуры наших представлений о спортивном событии. В ходе исследования было установлено сходство данной модели и средств ее актуализации в английском и белорусском языках, что обуславливает наличие определенных когнитивных универсалий при отражении спортивного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпилович, Т.П.* Взаимодействие языковых и неязыковых знаний в процессе понимания связного текста / Т.П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 1996. – 27 с. – (Сер. «Лекции преподавателей», № 17).

2. Propositional approach to capturing text semantics: theoretical and methodological framework / J.R. Moehr [и др.] // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой / редкол. : Н.К. Рябцева (отв. ред.) [и др.] – М. : Языки слав. культур, 2009. – С. 132–142.
3. *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание : На пути получения знания о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Языки слав. культур : Кошелев, 2004. – 555 с.
4. *Новодранова, В.Ф.* Когнитивные основания распределения информации в научном тексте / В.Ф. Новодранова // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. : в честь Е.С. Кубряковой / редкол.: Н.К. Рябцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Языки слав. культур, 2009. – С. 194–198.
5. *Жинкин, Н.И.* Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин ; Ин-т языкознания АН СССР. – М. : Наука, 1982. – 157 с.
6. *Новиков, А.И.* Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков; Ин-т языкознания АН СССР ; отв. ред. Р.Г. Котов. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
7. *Смирнов, А.А.* Проблемы психологии памяти / А.А. Смирнов. – М. : Просвещение, 1966. – 423 с.
8. *Дейк, Т.А. ван* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ван Дейк ; сост. В.В. Петров ; пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – 245 с.
10. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова ; отв. ред. Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
11. *Богданов, В.В.* Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.
12. Риторические основы журналистики : Работа над жанрами газеты : учеб. пособие / З.С. Смелкова [и др.]. – 2-е изд. – М. : Флинта, Наука, 2003. – 320 с.
13. *Тертычный, А.А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие / А.А. Тертычный. – 2-е изд. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 320 с.
14. *Добросклонская, Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов : Опыт исследования современной английской медиаречи / Т.Г. Добросклонская. – 2-е изд. стер. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

The article deals with modelling the cognitive structure of the news texts represented in the Belarusian and English quality newspapers. The propositional analysis reveals the mental model of the sports events described in the press and the specificity of its verbal manifestation.

Поступила в редакцию 04.02.11

С.С. Ключенович, Е. Цытик

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ПОЛИЛЕКСЕМНЫХ УНИВЕРБОВ В ТЕКСТАХ ПО АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕХНИКЕ И АВТОСЕРВИСУ

Статья рассматривает лингвистический аспект перевода терминов – полилексемных универбов в текстах по автомобильной технике и автосервису. Анализ перевода данных терминологических единиц показывает, что распознавание словообразовательной структуры, толкование синтаксических связей между компонентами, а также учет импликации части смысловой структуры мотивирующего источника (контекста) в семантику полилексемных универбов в значительной мере способствуют адекватности и эквивалентности их перевода.

Неотъемлемой составляющей научно-технических текстов являются терминологические единицы. Термины, являясь объектом изучения различных наук, всегда вызывали интерес у лингвистов. Это привело к выделению во второй половине XX столетия в системе лингвистических наук отдельного направления, изучающего термины в различных аспектах, в том числе и переводческом. Значительный вклад в развитие терминоведения как науки внесли работы Д.С. Лотте [1], А.А. Реформатского [2], А.В. Татарина [3] и других. Процесс глобализации вывел проблемы терминологии на интернациональный уровень. Принципы создания терминов-неологизмов, классификация, систематизация, перевод терминов решаются на уровне международных организаций (ЮНЕСКО, ИСО и других). Многочисленные исследования подтверждают факт достижения наибольших результатов в науке о терминах при их изучении лингвистическими методами [3, с. 87].

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении *лингвистического аспекта перевода немецких полилексемных универбов* терминологического характера на русский язык. Для указанного типа словообразовательных конструкций общим является стяжение двух и более лексем в одно слово. Термин *полилексемный универб* позволяет объединить как композиты, так и сложнопроизводные слова. Материалом для исследования послужили 163 термина полученных методом сплошной выборки из микротекстов (объемом 5300 словоформ), содержащих техническое описание оборудования на станциях технического обслуживания автомобилей¹.

Основная особенность перевода терминов в текстах по автомобильной технике и автосервису состоит в том, что переводчик, ставя своей целью адекватную передачу понятийного содержания универба, прибегает к приему подбора контекстуального семантического соответствия, основанного на

¹ Katalog Betriebseinrichtungen und Spezialwerkzeuge / VW AG, K-GVK-W Werkstattausrüstung // Katalog Betriebseinrichtungen und Spezialwerkzeuge [Электронный ресурс] – 03. 2009. – 1 электрон. диск (CD-ROM).

принципе функционального тождества между понятиями языка оригинала и языка перевода [4, с. 47].

Алгоритм перевода терминологических единиц можно представить следующей последовательностью шагов и приемов. Наиболее рациональным путем поиска значения термина является обращение к двуязычному словарю по данной тематике. Однако вероятность найти однозначный перевод и воспользоваться приемом прямой или альтернативной подстановки, как показывает практика, достаточно невелика. Это связано с тем, что в последнее время появляется большое число новых единиц номинации, не получивших лексикографической регистрации. Возникает необходимость использования параллельных текстов, содержащих материал на языке перевода с описанием технологий и процессов, изложенных в исходном тексте. Их анализ позволяет установить функциональное тождество между понятиями языка оригинала и языка перевода. Возможность такого подхода, как утверждает Г.М. Стрелковский [4], обуславливается неотъемлемым свойством термина: его однозначностью в пределах данной области науки и техники. Следовательно, и объект, и понятие, обозначаемое термином, от языка не зависят, так как определяются не языком, а самой наукой или областью техники. Такой функциональный подход возможен в законченном речевом фрагменте, тексте. По отношению к термину, взятому вне контекста, функциональное тождество не всегда может быть однозначно определено.

Передача понятийного содержания нередко осложняется несовпадением формального выражения в языке оригинала и языке перевода. Так, в терминологической системе русского языка преобладают термины-словосочетания, тогда как для терминологической системы немецкого языка свойственны конструкции, образованные путем словосложения (компози́ты) либо в результате действия словосложения и деривации (сложнопроизводные слова) [5; 6]. Применение лингвистических методов анализа полилексемных универбов, знания о семантике словообразовательных элементов, распознавание межкомпонентного «внутреннего синтаксиса», не всегда «прозрачного» из-за редукации грамматических маркеров, позволяют переводчику получить информацию, важную для адекватной и эквивалентной передачи понятийного содержания терминологической единицы. Проиллюстрируем сказанное на примере.

...Integrierter pneumatischer Reifenabdrücker mit 3-fach verstellbarer Öffnungsweite und verstellbarer Abdrückschaufel in 3 Längspositionen, mit Gummigegegenlagerung zur Felgenschonung...

В приведенном фрагменте описывается один из элементов шиномонтажного станка, при этом выделенные термины не имеют эквивалентного соответствия в тематических двуязычных словарях. Трансформационный анализ и семантический анализ словообразовательных элементов позволяют уже на первом этапе сделать вывод о том, что в случае с единицей *Reifenabdrücker* речь идет о предмете, орудии, с помощью которого выполняется действие, определенное значением глагола *abdrücken* ‘отжимать’ по отношению к автомобильным шинам *Reifen*. Универб

Felgenschonug подразумевает процесс, определенный семантикой глагола *schonen* ‘щадить, бережно относиться’ по отношению к автомобильным дискам, обозначенным лексемой *Felgen*. В случае с производным *Gummigegegenlagerung* в словарной статье имеются такие соответствия для опорного компонента *-lagerung*: ‘хранение, установка, опора’¹. Применяя прием альтернативной подстановки, можно остановить свой выбор на значении, актуализированном в данном контексте, ‘опора’. Но этой информации недостаточно, чтобы адекватно и эквивалентно перевести данный текстовый фрагмент. Следующий этап – изучение параллельных текстов на языке перевода, содержащих аналогичный языковой материал, консультации со специалистами-инженерами. Все это делается с целью установления функционального тождества обозначенных в языке оригинала объектов и понятий. В итоге, применив переводческий прием подбора контекстуального семантического соответствия, получаем следующий перевод:

...встроенная пневматическая отжимная лапа с регулируемой величиной зазора (3 положения) и регулируемой отжимной лопаткой (3 положения длины), с резиновыми упорами для защиты дисков...

Функциональный анализ текста может успешно осуществляться лишь в том случае, если переводчик хотя бы в общих чертах понимает суть описываемого явления. Переводить совершенно непонятный в техническом отношении текст недопустимо, так как неизбежны не только терминологические, но и грубые смысловые ошибки.

В результате исследования эмпирического материала можно выделить следующие лингвистические аспекты, значимые в плане перевода немецких универбированных терминов на русский язык:

1) Семантика суффиксов опорного компонента универба не только предопределяет направление интерпретации универбов, но и позволяет при необходимости добавлять при переводе не выраженные формально в оригинале лексемы.

Проведенный статистический анализ выборки, составившей 163 лексических единицы, показал, что 56 % всех отобранных полилексемных универбов имеют в качестве опорного компонента девербативы, образованные при помощи словообразовательного суффикса *-ung*. Данный словообразовательный элемент способен максимально сохранять в имени существительном значение действия, процесса², что находит отражение в переводе. Например:

die Abgasabsaugung – отвод отработавших газов;

die Druckluftversorgung – обеспечение сжатым воздухом;

die Gewährleistungsabwicklung – исполнение гарантии.

Лексическими соответствиями суффикса *-ung* могут выступать такие компоненты как *verlauf*, *-prozeß*, *-vorgang*, *-vorgehen*, *-folge*, *-weise*, *-methode*, *-verfahren* [7, с. 44].

¹ Немецко-русский словарь по автомобильной технике и автосервису / Е.А. Дормидонтов [и др.]; под ред. В.А. Черняйкина. – М. : Руссо, 1994.

² Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.]; под рук. М.Д. Степановой. – М. : Рус. яз., 1979.

32 % исследуемой выборки составляют полилексемные универбы с опорным компонентом, образованным при помощи словообразовательного суффикса *-er*. Одним из семантических значений данного словообразовательного элемента является обозначение «технических устройств, приборов и других неодушевленных предметов»¹.

Семантика суффикса *-er* в опорном компоненте позволяют при необходимости добавлять при переводе на русский язык не представленные формально в оригинале лексемы. В описанном выше примере слово *Reifenabdrücker* было переведено как *отжимная лапа*. Возможность такого перевода была обусловлена, с одной стороны, принципом функциональной тождественности, а с другой стороны, семантикой словообразовательного элемента *-er*, синонимами которого могут выступать такие компоненты как *-gerät*, *-zeug*, *-werk*, *-aggregate*, *-vorrichtung*, *-anlage* [7, с. 42]. В подтверждение сказанному приведем соответствующие примеры:

der Felgenniederdrücker – приспособление для обжима колесного диска;

der Luft-Schnellbefüller – устройство "взрывной" накачки шин;

der Hand-Reifenfüller – пистолет для накачивания шин.

2) Способность к полисемии опорного компонента универба требует учета сочетаемости с другими лексемами для определения значения, актуализированного в контексте. Например:

der Verpolungsschutz – защита от выбора неправильной полярности;

der Übertemperaturschutz – защита от перегрева;

der Überlastschutz – защита от перегрузки;

der Kunststoffschutz – пластмассовые защитные накладки;

der Unterbodenschutz – защитное покрытие днища кузова.

В приведенных примерах (*der Verpolungsschutz*, *der Übertemperaturschutz*, *der Überlastschutz*) семантико-синтаксические связи являются фактически репрезентацией валентности мотивирующего глагола *schützen vor*: *etwas wird vor der Verpolung, der Übertemperatur, der Überlast geschützt*, что позволяет сделать вывод о передаваемом опорным компонентом-девербативом значении действия мотивирующего глагола. В примерах *der Kunststoffschutz*, *der Unterbodenschutz* наблюдается «семантический сдвиг, состоящий в замене категориального значения действия ... категориальным значением предметности» [8, л. 8] Внутренние синтаксические связи между компонентами в этих случаях рассматриваются как отношения между определяемым и определяющим: *der Schutz aus Kunststoff, der Schutz des Unterbodens*, что указывает на значение предметности опорных компонентов, выраженных отглагольными именами существительными.

3) В плане перевода представляет безусловную важность также распознавание внутренних семантико-синтаксических связей между компонентами полилексемного универба, например:

¹ Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зуев [и др.]; под рук. М.Д. Степановой. – М. : Рус. яз. 1979.

die Ruhespannungsmessung – измерение напряжения покоя;
die Stromzangenmessung – проведение измерений с помощью токоизмерительных клещей.

В приведенных примерах имеет место актуализация различных «семантических осей» [9] валентности мотивирующего глагола *messen*. При этом некоторая «семантическая непрозрачность» универбов предопределена «редукцией грамматических индикаторов семантических отношений между компонентами (предлогов, артиклей, флексий)» [10, S. 8] в процессе их образования. Распознать их позволяет трансформационный анализ с учетом логико-семантических связей между компонентами. Например:

die Ruhespannungsmessung – *die Ruhespannung wird gemessen*;
die Stromzangenmessung – *etw. wird mit der Stromzange gemessen*.

В выборке фиксируются в значительном количестве термины-универбы, определительный компонент которых уже сам по себе является композитом, например: *die Frischöeinfüllung*, *die Druckluftversorgung*. В этой связи необходимо учитывать, что подобные составные препозитивные компоненты также имплицируют внутренний синтаксис по свойствам заключенных в нем частеречных лексем. Например:

die Absolutdruckmessung – *absoluter Druck wird gemessen* – измерение абсолютного давления;

die Lecksuchmitteleinfüllung – *das Mittel für die Lecksuche wird eingefüllt* – добавление флюорисцентного индикатора утечки.

4) Определенную трудность для переводчика может представлять импликационное на уровне универба части смысловой структуры контекста. Например:

Bremsen-Füll – und Entlüftungsgerät

Das Bremsen-Füll, – und entlüftungsgerät dient vorwiegend zum fachgerechten Austausch gealterter Bremsflüssigkeit in ABS – und konventionellen Bremssystemen. Aufgrund des vorhergehenden Absaugens von gebrauchter Bremsflüssigkeit aus dem Bremsflüssigkeitsbehälter des Fahrzeuges kann die Wechselmenge bei einigen Fahrzeugtypen von 2l auf 1l reduziert werden.

Из приведенного описания следует, что в прибор, обозначенный полилексемным универбом *Bremsen-Füll- und Entlüftungsgerät*, заложены две функции, причем если суть второй функции четко прослеживается по семантике словообразовательного префикса *ent-* лексемы *Entlüftung*, указывающего на удаление в данном случае воздуха, то суть первой функции, исходя из семантики заявленных в термине лексем *Bremsen* и *füllen*, недостаточно ясна. Чтобы адекватно перевести данный универб с использованием приема подбора контекстуального семантического соответствия, так как в переводном словаре данная лексическая единица не зафиксирована, обратимся к приведенному фрагменту текста описания. Повтор элементов полилексемного универба в композитах *Bremssysteme*, *Bremsflüssigkeit*, *Bremsflüssigkeitsbehälter* позволяет сделать вывод о том, что функция прибора связана с заправкой тормозных систем тормозной жидкостью. Дальнейший анализ фрагмента позволяет расширить значение

лексемы *füllen*- указанием на то, что в процессе заправки происходит отвод (*Absaugen*) и замена отработавшей жидкости, на это указывают лексемы *Austausch*, *Wechsel*. Эта информация не находит своего формального выражения в переводе, но она имплицирована в структуру немецкого полилексемного универба и необходима переводчику для адекватного перевода.

Прибор для заправки и прокачки тормозной системы

Прибор для заправки и прокачки тормозной системы необходим для профессиональной замены отработавшей тормозной жидкости в традиционных тормозных системах и системах с ABS. Возможность предварительной откачки тормозной жидкости из бачка позволяет уменьшить количество заменяемой жидкости в некоторых автомобилях с 2 л до 1 л.

Особого интереса в плане имплицирования контекстуального содержания заслуживает следующий пример:

Bürstenstrahler, pneumatisch

*Das Gerät dient zur **Oberflächenaufbereitung**, als Beispiel:*

Entfernen von Unterbodenschutz, Dichtmassen und weiteren klebrigen Materialien.

Korrosionsbeseitigung und Entlackung im Karosseriebereich.

*Mit porentiefer Reinigung und **Sandstrahleffekt**, schont Material und wirkt materialverdichtend.*

Перевод термина *Bürstenstrahler*, прямое соответствие которого отсутствует в двуязычных переводных словарях, осложняется тем фактом, что анализ словообразовательной структуры и синтаксических связей между компонентами не намного приближают к желаемому результату. Для того чтобы применить прием подбора контекстуального семантического соответствия, основанный на функциональном тождестве лексических единиц в исходном языке и языке перевода, необходимо детально проанализировать контекст, из которого вытекает прямое назначение и принцип действия орудия труда, обозначенного полилексемной конструкцией *Bürstenstrahler*. Затем следует обратиться к справочной литературе и найти эквивалентный термин, служащий в языке перевода для обозначения орудия труда, имеющего сходные функции и принцип действия, а именно *зачистная машинка*. Таким образом, перевод данного текстового фрагмента может выглядеть так:

Зачистная машинка, пневматическая

Прибор применяется для первичной обработки поверхности, как например: удаления антикоррозийной защиты днища, герметиков и других клейких материалов. Устранения коррозии и снятие лака с элементов кузова.

Глубокая пескоструйная очистка щадит материал и способствует его уплотнению.

Лингвистический аспект перевода полилексемных универбов терминологического статуса путем подбора контекстуального семантического соответствия с опорой на функциональное тождество обозначаемых предметов и понятий в исходном языке и языке перевода предполагает

распознавание словообразовательной структуры, интерпретацию синтаксических связей между компонентами, а также учет имплицирования части смысловой структуры мотивирующего источника (контекста) в семантику полилексемного универба.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотте, Д.С.* Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Д.С. Лотте; ком. техн. терминологии АН СССР. – Л. ; М. : Изд-во АН СССР, 1941. – 24 с.
2. *Реформатский, А.А.* Что такое термин и терминология / А.А. Реформатский; Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1959. – 14 с.
3. *Татаринов, В.А.* Методология научного перевода / В.А. Татаринов. – М. : Моск. лицей, 2007. – 383 с.
4. *Стрелковский, Г.М.* Научно-технический перевод / Г.М. Стрелковский, Л.К. Латышев. – М. : Просвещение, 1980. – 175 с.
5. *Шалимо, В.П.* Субстантивные композиты и словосочетания в научно-технической (автотракторной) терминологии современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.П. Шалимо. – Минск, 1983. – 240 л.
6. Осуществление рациональной номинации в коммуникативных сферах науки и техники / Т.С. Глушак [и др.] // Общие и частные проблемы функциональных стилей : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1986. – С. 77–86.
7. О синонимии словообразовательных компонентов (терминоэлементов) в научно-технической терминологии (на материале немецких терминов архитектурно-строительной отрасли) / Т.С. Глушак [и др.] // Вопросы научно-технической терминологии и методики преподавания иностранных языков. – Минск : Наука и техника, 1980. – С. 41–48.
8. *Большаков, И.И.* Функционально-стилистическая реализация безаффиксных девербативов в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Большаков. – Минск, 1984. – 195 л.
9. *Чейф, У.Л.* Значение и структура языка / У.Л. Чейф; пер. с англ. Г.С. Щура; послесл. С.Д. Кацнельсона. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
10. *Klyutschenovitsch, S.S.* Wege der Wortschatzerweiterung der deutschen Gegenwartssprache / S.S. Klyutschenovitsch. – Minsk : MGLU, 2007. – 59 S.

The article evaluates the linguistic aspect of the translation of the polylexemic univerbs in texts dealing with automotive equipment and service. Analysis of translation versions of such terms proves recognition of derivational structure, interpretation of syntactic relations between the components under translation as well as consideration of implication of the semantic structure of the context in the semantic of the terms-verbal compounds to significantly favour higher adequacy and equivalency of their translation.

Поступила в редакцию 23.03.11

С.В. Козлова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена вопросу разграничения юридической терминологии и общеупотребительной лексики в публицистическом дискурсе, так как ввиду непрерывных процессов взаимопроникновения, терминологизации и детерминологизации, мигрируя, термин становится нетермином и наоборот.

Предлагаемая авторская методика, состоящая из 9 этапов, включает выделение архисемы для корректного построения поля уголовного права, исследование структуры данного терминополья, представленного детализированной схемой, и таблицу типологии термина с определением степени его терминологичности.

Исследованию терминологии, составляющей значительную часть лексического состава языка и выступающей в качестве семантического ядра языка науки, посвящено немало работ (Д.С. Лотте, А.А. Реформатский, А.И. Моисеев, В.А. Татаринев, С.Д. Шелов, А.В. Суперанская, Л.А. Капанадзе, С.П. Хижняк, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур и др.).

Начало XXI века характеризуется в отечественных и зарубежных научных кругах повышением интереса к особенностям отдельных терминосистем в различных языках [1], а также соотношению и функционированию отраслевой терминологической и общеупотребительной лексики в текстах (Н.А. Васильев, Т.Н. Дорожкина, Л.А. Морозова).

Когнитивная лингвистика во многом основывается на изучении дискурса, более широкого явления, чем текст, одновременно и процесса языковой деятельности, и ее результата (результат и есть текст) [2].

Тексты средств массовой информации представляют собой именно дискурс (институциональный [3]): они всегда динамичны и современны, воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. Это такая сфера применения языка, которая наиболее оперативно реагирует на изменения в общественном сознании, порождающие новые лингвистические явления [4], и создает поистине впечатляющую картину пользования языком [5; 6, л. 4; 7, л. 27], вызывающую пристальный интерес филологов и требующую постоянного исследования. «... Без материалов, извлеченных из газет, сейчас становится все более невозможным изучение языка в целом, определение его общих норм и актуальных стилистических разветвлений» [8, с. 10].

Дискурс массовой коммуникации имеет особые грамматику, правила словоупотребления и синтаксиса, семантику и лексикон [9], включающий как нейтральные, общепонятные и общедоступные публицистические термины, так и (по причине усиления информативности языка современных качественных газет [7, с. 56]) элементы различных терминологий (в том числе и юридическую [10, с. 150]). Среди них особо выделяются ряды слов и словосочетаний, объединенных общностью понятийной соотнесенности [7, с. 105].

Публицистический текст – сложно организованное произведение, для понимания которого необходимо владеть соответствующим набором универсальных и этноспецифических пресуппозиций, уметь адекватно декодировать текстовую и подтекстовую информацию [11], обладать когнитивными знаниями о конкретной концептуальной системе [4]. Подобные системные исследования функционирования юридической лексики в отдельных интегративных сферах французского языка на материале публицистики не проводились [12].

Согласно Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяеву, существует несколько типичных приемов введения термина в текст.

▪ Рабочее терминопотребление (условно допускаемое как приемлемое в конкретном случае):

L'avocat de Julian Assange [...] a expliqué que son client «n'était pas poursuivi pour viol mais pour "sexe par surprise"». What is «sex by surprise»? Un sous-viol? ("Rue 89").

▪ Авторское терминопотребление (введение термина посредством авторской дефиниции, соответствующей позиции автора, его концепции):

Mr Mark Stephens, spécialiste des médias, précise que [Le sexe par surprise] c'est une «qualification suédoise punie par une amende de 5 000 couronnes, soit environ 540 euros », qui considèrerait comme un délit le fait de refuser de mettre un préservatif ("Rue 89").

▪ Условное терминопотребление (термины, вводимые автором в качестве атрибутов информации):

Le consentement, c'est dire vraiment "oui" ("Rue 89") [13].

В составе текста/дискурса термины выполняют опорную смысловую нагрузку в виде ключевых слов/словосочетаний: отвечают за специальную составляющую сообщения, отражают именно те смыслы, которые делают текст/дискурс принадлежащим к той или иной специальной сфере. Другая важная функция терминов в тексте/дискурсе – обеспечение предметности суждения (их четко очерченные смысловые границы позволяют определить сам предмет сообщения в целом [14]).

В силу своей специфики (быстро меняющейся тематики) газетные статьи актуализируют некоторые слова, понятия, термины, превращая их в высокочастотные лексические единицы [15, с. 5].

Ввиду тесного взаимодействия общеупотребительной лексики и терминологий граница между ними становится дотаточно подвижной [16; 17].

Вопрос разграничения юридической терминологии (ЮТ) и общеупотребительной лексики представляет особую сложность [18, с. 4]. Во-первых, они очень близки по следующим причинам.

1. Наличие терминологизированных общеупотребительных слов и словосочетаний, используемых изначально в обыденном дискурсе, например, в словосочетании *flagrant délit* ‘очевидный уголовный проступок’ прилагательное *flagrant* изначально означало ‘горящий, блестящий’ [19, р. 261];

2. Незначительная представленность терминологических элементов классических языков в ЮТ. Такие словосочетания как *clause rebus sic stantibus* ‘оговорка о прекращении действия договора при существенном изменении обстоятельств’, *présomption tantum* ‘опровержимая презумпция’ составляют 0,1 % от всего корпуса юридической лексики.

Во-вторых, проблема осложняется тем фактом, что ЮТ неоднородна: она включает терминологию права (прикладной области знания) и терминологию науки – правоведения (юриспруденции), которые, находясь в тесной взаимосвязи, различаются временем возникновения и особенностями употребления [20, с. 4].

При высокой частотности, популярности юридических терминов в публицистическом дискурсе они становятся всеобщим достоянием, теряя при этом терминологическую точность, детерминируются (в публицистическом дискурсе точность термина ослабевает до предела) [21, с. 30–31, 134]. Термин становится нетермином. Например, термин *procès* ‘судебный процесс’, заимствованный из средневекового юридического латинского *procedere* ‘приступить к какому-либо юридическому акту’, постепенно стал употребляться в более широком значении ‘развитие, прогресс, ход’» [19, р. 506].

Согласно А.В. Суперанской, детерминологизация может иметь две стадии: «1) вхождение термина в виде слова с терминологическим значением в состав общего языка; 2) перенос значения этой “терминологической” единицы уже в общем языке и возникновение (часто метафорическое) бытового слова на его основе» [21, с. 134]. Например, термин *jury* ‘жюри’, заимствованный в английский язык из старофранцузского от *jurée* ‘присяга, юридическое расследование’, затем заимствованное в современный французский язык из английского, получило в первом более широкое употребление: *jury du concours* ‘жюри конкурса’ [19, р. 349].

В данном случае лексическая единица (ЛЕ) претерпевает прежде всего семантические трансформации (обозначает общее/абстрактное или конкретное понятие, входящее в систему понятий некоторой специальной сферы знаний и/или деятельности). Ее значение становится расплывчатым, и она образует производные и сложные слова, словосочетания, избыточные для терминосистемы. Далее закрепленное за данной единицей значение обособляется от других ее значений. Наконец, иногда ЛЕ приобретает также словообразовательные и грамматические особенности, необходимые для выражения понятий данной специфической сферы [10, с. 79–84]. Например, глагол *quitter*, имеющий первоначальное значение ‘расставаться с кем-то’, во французском юридическом языке посредством прибавления суффикса *ac-* получает значение ‘оправдать кого-либо’ [19, р. 520].

Обратный процесс (когда нетермин в момент использования в терминосистеме приобретает признаки термина) носит название терминологизации [22, с. 508]. При этом переход лексических единиц языка для специальных целей (квазитерминов) в категорию терминов не влечет за

собой ни формальных, ни семантических изменений, ни функционального перехода: лексической единице приписывается строго определенное понятие из системы понятий определенной области. По сути, изменятся стилистическая принадлежность ЛЕ, устраняются экспрессивные нюансы [10, с. 79–84] (что очевидно в словосочетании *flagrant délit* (см. выше).

Оба процесса дают основание сделать вывод о взаимопроникновении нетерминологической и терминологической лексики [22, с. 508], однако процесс детерминологизации более активен, нежели процесс терминологизации [23, с. 7].

Явление детерминологизации чаще всего может наблюдаться, когда гипотезы научной теории опровергаются, терминосистема выходит из употребления, постепенно перестает существовать. При этом следует обратить внимание на тот факт, что термин может потерять свое место в терминосистеме, но закрепиться как ЛЕ в неспециальной сфере и, как следствие, потенциально использоваться в составе новых терминосистем или в новом значении в своей терминосистеме [10, с. 96–97]). Другой вариант: термин остается термином, но ЛЕ получает вторичное метафорическое значение, используется в неспецифической сфере [10, с. 29].

При детерминологизации происходит расширение значения термина, имеющее следующие разновидности.

1. Реализация дополнительной семы в ЛЕ, например, - *viol* как ‘насилие, жестокость’:

*Cinq anciens militaires chasseurs alpins ont été condamnés à Chambéry à six mois de prison avec sursis pour avoir enlevé et **violenté** un de leurs camarades avant de l'abandonner inconscient dans une forêt, en novembre 2007. Jugés pour **enlèvement, séquestration et vol en réunion avec violence** ...* (“Le Figaro”);

- *viol* как ‘изнасилование’:

*... Jusqu'en 2000, les femmes de plus de 50 ans confessaient rarement **un viol**. ...Entre 50 000 et 120 000 femmes auraient subi **un rapport sexuel imposé ou une tentative** au cours des douze derniers mois de l'enquête* (“Le Figaro”).

2. Утрата какой-либо дифференциальной семы, например, имя существительное *brigand* (этимологически ‘пеший солдат’) в настоящее время используется в значении ‘разбойник, грабитель’ [19, p. 88]:

*C'est que **les brigands** du Jorat ont acquis une réputation plutôt flatteuse. Des historiens et écrivains du XIXe et du XXe siècles ont fait de ces **bandits de grands chemins des pauvres diables révoltés contre l'ordre social, la religion et la domination de Berne*** (“24 heures”).

3. Проявление новых дифференциальных сем, как например, в имени существительном *capture* ‘задержание, захват’, этимологически восходящему к глаголу *capere* ‘брать’ [19, p. 106]:

Capture d'un important chef militaire des talibans afghans au Pakistan (“Le Monde”).

На уровне детерминологизации выделяются следующие направления:

1) детерминологизация с метафоризацией значения, например, *criminalité en cols bleus/en cols blancs* 'преступления, совершаемые рабочими/«белыми воротничками»' [24, с. 152];

2) детерминологизация с фразеологизацией значения, например, *faire violence à la loi* 'извратить, ложно истолковать закон'[25, с. 619].

Проникновение термина в иную функциональную среду сопровождается появлением ряда особенностей у этой единицы. Так, на семантическом уровне расширяются синонимические ряды общелитературного языка (с проникновением заимствованных единиц в общеупотребительный язык).

Детерминологизация вызывает семантические смещения в структуре терминов, в результате которых они становятся многозначными лексическими единицами, значительно пополняющими общезыковую словарный фонд.

Роль термина в неспециальном тексте трудно переоценить. Мигрируя в поле другого функционального режима, термины в общеупотребительном узусе выполняют следующие функции:

- 1) номинативную, для создания научной насыщенности текста;
- 2) оценочную, где оценка носит ярко выраженный авторский характер;
- 3) создания дополнительного образа и (или) комического эффекта;
- 4) повышения социальной престижности высказывания [26, л. 208].

По мнению С.П. Хижняка, значение термина чаще всего раскрывается не в дефиниции, а в контексте. «Вырвавшись из определенной среды, слово становится обозначением объекта правового регулирования, лишаясь некоторых своих связей с лексикой общего употребления вследствие изменения коннотативных компонентов значений, присущих ему в языке, а также некоторых синтагматических отношений. Следовательно, роль контекста в создании терминологичности заключается в диалектической взаимосвязи реализации общесистемных и конкретных связей между единицами языка» [20, с. 10].

«Терминология – замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определенной организацией действительности» [21, с. 7]. Термин всегда является частью определенной терминосистемы.

К терминосистеме полностью применимо понятие «семантическое поле», разработанное Й. Триром. «Семантическое поле как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [27], обладает определенными свойствами:

- наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- системный характер этих отношений;
- взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц; относительная автономность поля;
- непрерывность обозначения его смыслового пространства;

- взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (словаря).

Согласно этой теории, на каждое понятийное поле накладываются слова, членившие его без остатка и образующие «словесное» поле. При этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля (вне своего поля данная лексика либо остается непонятной, либо употребляется в ином значении и имеет иные системные связи). Носитель языка в полной мере осознает значение слова лишь в том случае, когда ему известны значения других слов из того же поля [27].

Для правильного понимания терминов, принадлежащих к определенному полю, необходимо создание «терминологического ключа» [21, с. 186–187].

Предлагаемая методика используется в несколько этапов.

1. Выделение архисемы. В уголовном праве это ЛЕ *crime*.
2. Построение терминополья юридической терминологии, на основе учебников по основам права и уголовных кодексов Республики Беларусь и Франции, а также опроса юристов-профессионалов.

Структура уголовных правоотношений

1) УЧАСТНИКИ уголовных правоотношений:

- субъект уголовных правоотношений (гражданин, совершивший преступление);
- органы, ведущие борьбу с преступностью :
 - официальные (милиция, суд, эксперты...);
 - неофициальные (частный сыщик);
- потерпевший;
- третьи лица (свидетель, очевидец, подставное лицо...).

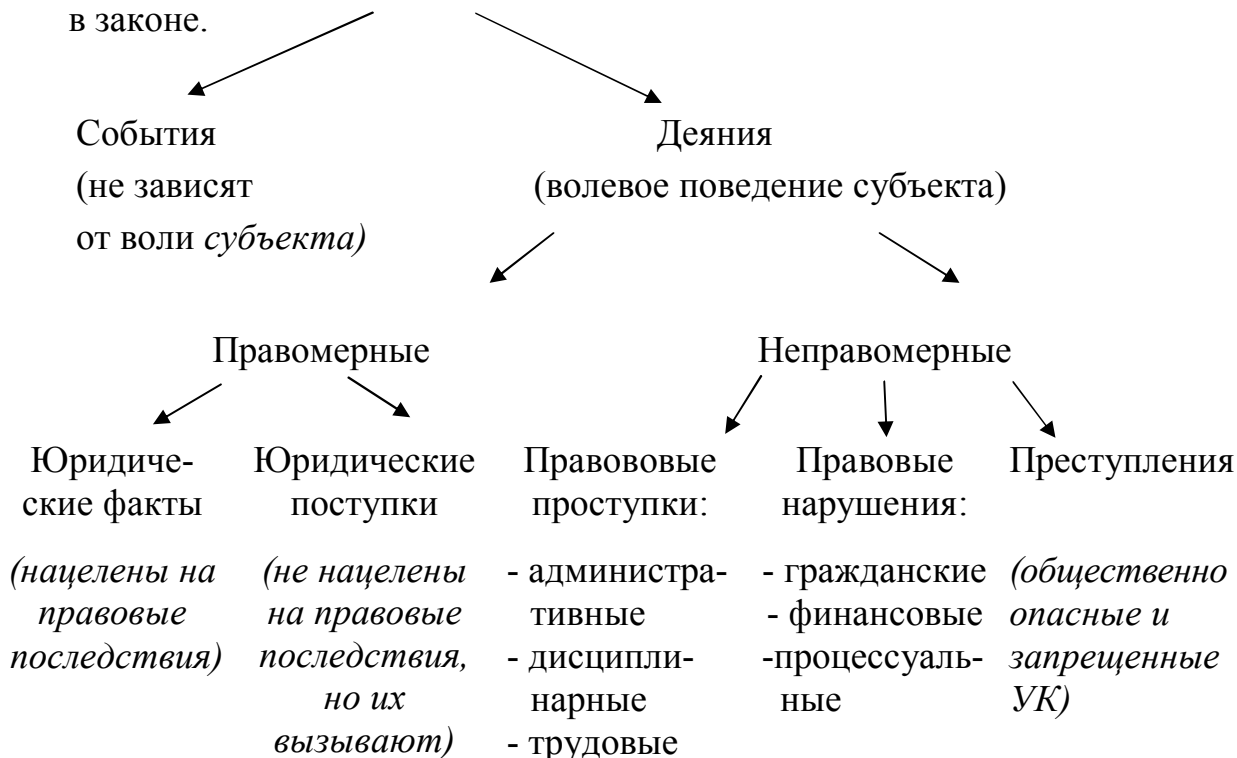
2) ОБЪЕКТ уголовных правоотношений – правовые отношения, против которых направлено преступление:

- против мира, безопасности человечества и военные преступления (геноцид, экоцид...);
- против человека (убийство, изнасилование...);
- против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (кража, мошенничество...);
- против экологической безопасности и природной среды (загрязнение атмосферы...);
- против общественной безопасности и здоровья населения (бандитизм, терроризм...);
- против общественного порядка и общественной нравственности (хулиганство, вандализм...);
- против информационной безопасности (компьютерный саботаж...);
- против государства и порядка осуществления власти и управления (шпионаж, получение/дача взятки...);
- против военной службы (неповиновение, дезертирство...).

3) ПРЕДМЕТ уголовных правоотношений – то, на что посягает преступник:

- жизнь;
- ценность;
- благо.

4) ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ – обстоятельства, о которых говорится в законе.

5) ФОРМА ВИНЫ:

- умысел (прямой/косвенный);
- неосторожность (легкомыслие/небрежность).

6) САНКЦИЯ – наказание:

- основное (лишение свободы, исправительные работы...)
- дополнительное (штраф, конфискация, лишение звания...) [28; 29; 30, с. 18–40].

3. Наложение данной структуры на публицистическую статью с целью выявления наличия/отсутствия в ней терминосистемы. Например:

Viol : il la tue pour "laver l'honneur"

Un Jordanien (СУБЪЕКТ) a été accusé de meurtre (ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ) avec préméditation pour avoir tué (ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ: НЕПРАВОМЕРНОЕ ДЕЯНИЕ) hier sa nièce (ПОТЕРПЕВШАЯ) qui avait été victime d'un viol, dans le but de laver l'honneur de la famille (ФОРМА ВИНЫ: УМЫСЕЛ) a affirmé la police. "L'homme a été arrêté (ДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ) après avoir tué de huit balles, sa nièce âgée de 16 ans", dans un quartier populaire à l'est de la capitale Amman, a précisé à l'AFP une source policière.

"Le suspect a confessé le **crime** (ПРАВОМЕРНОЕ ДЕЯНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ) en affirmant avoir voulu laver l'honneur de la famille après que sa nièce eut été violée l'an dernier et avoir mis au monde un enfant, il y a deux mois", a précisé la source. La famille de la victime avait gardé l'enfant, un garçon.

Les meurtriers encourent la peine de mort (САНКЦИЯ) – en Jordanie mais les tribunaux font souvent preuve de clémence pour les criminels quand "l'honneur" de la famille est en jeu. Le Parlement a refusé par deux fois de réformer le code pénal pour aggraver les peines encourues par les auteurs de "crime d'honneur". En Jordanie, entre 15 et 20 femmes sont tuées chaque année par des meurtriers qui veulent "laver l'honneur de la famille" ("Le Figaro").

4. Подсчет в составе иерархии поля количества единиц терминосистемы, реализованных в дискурсе (процентное соотношение или точное число), специфика актуализации: ядро или ближняя/дальняя/крайняя периферия и идентификация сем (узальных, окказиональных).

5. Определение типа терминов с дальнейшим выявлением степени терминологичности каждой единицы терминополья на основании дефиниций нескольких словарей [31, л. 77; 23, с. 8] (Таблица).

Тип термина и степень терминологичности:

Третья степень терминологичности	Вторая степень терминологичности	Первая степень терминологичности	Нулевая степень терминологичности
собственно юридические термины (<i>déclarant</i> m, <i>défendeur</i> m)	неюридические термины (являющиеся частью других терминологических систем: <i>aconage</i> m – мор.) и термины, входящие в разные терминологические системы (<i>cassation</i> f – юр., муз., воен.)	общенаучные слова (<i>procès</i> m)	а) термины, имеющие наряду с терминологическим, общеупотребительное значение (<i>captation</i> f – юр. 'присвоение имущества', общеупотребительное – 'захват, перехват')
			б) общеупотребительная лексика, часто используемая в юридических текстах, но статус которой не подтвержден юридическим словарем (<i>méthode</i> f)

6. Привлечение других терминологических характеристик статьи:

- терминологическая насыщенность текста в процентном соотношении специальных лексических единиц, главным образом, терминов, к общему числу знаменательных слов текста;
- терминологическая частотность текста в процентном соотношении специальных лексических единиц, главным образом, терминов, к общему числу слов текста;
- терминологический образ текста – содержательный образ текста, выраженный совокупностью его наиболее информационно значимых терминов [32, с. 204];
- наличие повторов.

7. Виды информации и функционально-смысловые типы речи (способы изложения): 1) фактологическая; 2) концептуальная и гипотетическая; 3) методическая; 4) эстетическая; 5) инструктивная [33].

Способ изложения: а) констатирующий (описание, повествование); б) аргументирующий [33].

8. Способы введения терминов в статью (согласно Е.Н. Ширяеву и Л.К. Граудиной (см. выше).

9. Наличие повторной номинации, синонимии, антонимии.

Применение данной комплексной методики позволит выявить не только особенности функционирования юридических терминов в публицистическом дискурсе, но и их терминологический статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маджаева, С.И.* Перспективы развития терминологии / С.И. Маджаева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=84:2010-05-04-10-49-59&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55. – Дата доступа: 16.12.2010.
2. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – изд. 2-е, испр. и доп. / ред. А.А. Кибрик [и др.]. – Едиториал УРСС, 2002. – 480 с.
3. *Карасик, В.И.* О типах дискурса / В.И. Карасик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-lang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> – Дата доступа: 01.07.2009.
4. *Александрова, О.В.* Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества / О.В. Александрова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.brusov.am/docs/Unesco-Poghosyan/Yazik-SMI-kol-pros-ob.htm>. – Дата доступа: 16.12.2010.
5. *Серова, С.А.* Лингвистический анализ новостных газетных статей : оценочный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.А. Серова; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 186 л.

6. Цао Юэхуа. Эволюция газетно-публицистического стиля на рубеже XX–XXI вв.: Лексический аспект : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Юэхуа Цао. – М., 2004. – 183 л.
7. Костикова, О.Ф. Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.Ф. Костикова; Моск. гос. обл. ун-т. – Рязань, 2008. – 209 л.
8. Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе / В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 189 с.
9. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. ст [Электронный ресурс]. – М. : РГГУ, 1995. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/stepanov.htm>. – Дата доступа: 1.07.09.
10. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – 3-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
11. Клушина, Н.И. Лингвистика убеждения: интенциональные категории публицистического текста. Печатные СМИ / Н.И. Клушина [Электронный ресурс]. – 2008. – Вып. 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/67>. – Дата доступа: 16.12.2010.
12. Насонова, Л.Р. Теоретические проблемы исследования терминов на примерах юридической лексики немецкого языка / Л.Р. Насонова // Российское право в Интернете [Электронный ресурс]. – 2008. – № 04. – Режим доступа: <http://www.rpi.msal.ru/prints/200804nasonova.html>. – Дата доступа: 12.07.09.
13. Граудина, Л.К. Культура русской речи: учебник для вузов / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Gray/22.php. – Дата доступа: 05.07.09.
14. Омелин, М.В. Термин в составе текста и дискурса / М.В. Омелин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://omelin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=37. – Дата доступа: 08.07.09.
15. Суперанская, А.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
16. Черновец, Т.Е. Термины и общелитературный язык / Т.Е. Черновец [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/CCN/Philologia/3_chernovets.rtf.htm. – Дата доступа: 08.07.09.
17. Кругосвет: онлайн-энцикл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/TERMINOLOGIYA.html. – Дата доступа: 16.12.2010.
18. Хижняк, С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / С.П. Хижняк, под ред. Л.И. Барышниковой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 132 с.
19. Dictionnaire étymologique de la langue française / O. Bloch, W. von Wartburg. – 3e éd. – Paris : Presses univ. de France, 1960. – 674 p.

20. *Хижняк, С.П.* Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии): автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / С.П. Хижняк; Саратов. гос. ун-т им. Чернышевского. – Саратов, 1998. – 39 с.
21. *Суперанская, А.В.* Общая терминология / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – 3-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 243 с.
22. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
23. *Юдина, Е.Н.* Юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.Н. Юдина; МГУ. – М., 2005. – 21 с.
24. *Мачковский, Г.И.* Французско-русский юридический словарь / Г.И. Мачковский. – М.: АБВУУ Press, 2009. – 554 с.
25. Французско-русский фразеологический словарь / сост. В.Г. Гак [и др.]; под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
26. *Макарова, А.А.* Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Макарова. – М., 2007. – 220 л.
27. Лингвистическая семантика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://semiot.ru/26.html>. – Дата доступа: 20.07.09.
28. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurist.by/codex>. – Дата доступа: 20.07.09.
29. Code pénal de France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/>. – Дата доступа: 20.07.09.
30. *Зенин, И.А.* Основы права / И.А. Зенин. – М.: ММИЭИФП, 2003. – 184 с.
31. *Мархасёв, И.Р.* Коммуникативно-смысловые аспекты слов-названий теплогазоснабжения и вентиляции в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.Р. Мархасёв; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1988. – 210 л.
32. *Гринев-Гриневиц, С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
33. *Валгина, Н.С.* Теория текста: учеб. пособие / Н.С. Валгина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm>. – Дата доступа: 16. 12.2010.

The article deals with the functioning of a law term in publicistic discourse as a result of terminologisation and determinologisation. The author of the article presents her own method of identifying the term status which consists of 9 steps.

Поступила в редакцию 15.02.11

А.Н. Кузин

АРГУМЕНТАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ОБИХОДНОМ ОБЩЕНИИ

В статье рассматривается аргументативное использование вопросительных высказываний в аргументативном диалоге. Показано, что вопросы эффективны в качестве средств убеждения, поскольку: 1) требуя от оппонента обоснования его позиции, заставляют его защищаться; 2) дают возможность приписать адресату мнения, которые он бы не принял, будь они высказаны в форме утверждений; 3) эксплуатируют диалогичность вопроса и ассоциируемое с вопросом требование ответа; 4) совмещают рациональность с экспрессией. Вопросительные высказывания могут использоваться на разных стадиях аргументативного диалога. Они выступают в качестве конфронтационных реплик, посредством которых говорящий дает понять, что не принимает по каким-либо причинам предыдущее высказывание собеседника. В начальной стадии они используются для формулирования (часто критической) позиции адресата. На стадии аргументации вопросы могут использоваться как для критики позиции оппонента, так и для защиты собственной позиции говорящего. Наконец, на заключительной стадии аргументативного диалога вопросы применяются для выражения согласия и/или примирения точек зрения собеседников.

Между людьми неизбежны разногласия. Единственным цивилизованным способом их разрешения является диалог, в котором каждый из собеседников стремится обосновать свою точку зрения и свести на нет доводы оппонента. Для большей убедительности своей речи говорящие прибегают к различным тактикам ведения спора. Одной из самых эффективных тактик является широкое использование вопросительных высказываний.

Эффективность вопроса как средства убеждения. Вопрос является действенным приемом аргументации по нескольким причинам.

Во-первых, это самый легкий способ заставить оппонента искать доводы в поддержку своей точки зрения. В аргументативном диалоге вопрос вынуждает отвечающего защищаться. (Некоторые вопросы, а именно те, в которых содержатся некоторые допущения относительно того, о чем спрашивается, имплицитно накладывают бремя доказательств также и на спрашивающего [1, р. 481]. Это, однако, может стать очевидным только в том случае, если адресат задаст встречный вопрос.) Соответственно, возникает вероятность того, что в защите своей точки зрения адресат вопроса допустит ошибку, чем не преминет воспользоваться спрашивающий. Вероятно, именно это свойство вопросов послужило основанием к формулированию правила античной диалектики, согласно которому тот, кто задает вопросы, тот и доминирует в споре. К тому же, уже одно переформулирование положения оппонента в вопросительной форме (по сути, просто изменение интонации) делает это положение отнюдь не столь очевидным, каковым оно казалось при выдвигании в качестве посылки. Это, по-видимому, является одной из причин, почему выражение *ставит под вопрос* приобрело значение 'считать сомнительным, сомневаться в целесообразности чего-нибудь' [2, с. 97].

Во-вторых, так как любое не эллиптическое высказывание содержит в себе одну или несколько пресуппозиций, под видом вопроса говорящий может провести имплицитные утверждения. Адресат, часто не подозревая об этом, признает их своими просто в силу того, что соглашается отвечать на вопрос в том виде, в котором он был сформулирован. В этом проявляется свойственная вопросам суггестия. Вопросительные высказывания такого типа даже получили особые названия. В метаречевой рефлексии говорящих их отмечают как *каверзные вопросы, вопросы с подвохом/подковыркой*. В некоторых употреблениях схожее значение имеет выражение *щекотливый вопрос*. Эту присущую вопросам характеристику без стеснения использовали софисты. Вплоть до наших дней сохранились знаменитые примеры таких некорректно сформулированных вопросов, например, *Когда ты перестал бить своего отца?* [см. также 3, с. 573]. В логике такое употребление вопросительных высказываний получило название “ошибки многих вопросов”, обозначающей ситуацию, когда в высказывании с одним вопросительным стимулом в действительности содержится два или более вопроса [3, с. 568].

В-третьих, вопросы настолько привычно ассоциируются с необходимостью ответа – отказ отвечать считается крайне оскорбительной формой речевого поведения, – что требуют реакции или отклика даже в том случае, если адресат понимает, что от него не ждут информативного ответа. Этот необоримый позыв ответить эксплуатируют так называемые риторические вопросы. В такой обращенности вопросительного высказывания к адресату проявляется их прямая диалогичность, в отличие от косвенной диалогичности утверждений. Вопрос не позволяет адресату остаться в стороне и вовлекает его в диалог, заставляя принять ту или иную позицию в отношении предмета разногласий. Такое свойство вопросов может подавлять рациональную составляющую довода. Как результат, одно и то же высказывание может служить как доводом за, так и доводом против какого-либо утверждения: *С в е т л а н а. Ты заметила, она никогда не смеется? Ф е д о р о в н а. А над чем ей смеяться? С в е т л а н а. А нам над чем смеяться?* [Петр., с. 204]. Такой выбор обусловлен тем, что в цитируемых пьесах реплики действующих лиц максимально близко, на наш взгляд, имитируют русскую разговорную речь.) Прямая обращенность вопросов к собеседнику также позволяет разыграть диалог в монологе, в котором говорящий, имея полный контроль за развитием такого псевдиалога, высказывается за двоих (вопросы в этом случае представляют собой как бы реплики адресата, а ответы на них – это реплики самого говорящего): *С л а в а. Живите днем и будьте счастливы днем. Что смотреть в будущее? Там нас всех ожидает знаете что? Как итог – Мари Шопена самое большее* [Петр., с. 278].

В-четвертых, в доводе, представленном в форме вопроса, рациональное основание совмещено с эмоциональным посылом. Уже в античной риторике было высказано мнение, что обращение к чувствам (*pathos*) в качестве орудия

убеждения гораздо действеннее, чем обращение к разуму (logos). По словам Цицерона, “для оратора нет ничего более важного при произнесении речи, чем расположить к себе слушателя и так его возбудить, чтобы он был руководим больше неким душевным порывом и волнением, чем советом и разумом” [4, с. 164]. Риторические же вопросы как раз и являются фигурами мысли, которые служат для “возбуждения страстей” [5, с. 169 со ссылкой на “Книгу риторского всекрасного златословия” (1710 г.) Козмы Афоноиверского], а сами страсти, в свою очередь, являются “одним из способов доказывания в речи” [5, с. 276]. Однако повышенная эмоциональность свойственна не только риторическим вопросам. Так, в монологическом аргументативном высказывании, состоящем из нескольких предложений, вопросительная реплика часто выступает как экспрессивный аналог логической связки, например: *Т а и с и я П е т р о в н а. Раз уж она у нас жить будет, она к вам больше не пойдет обратно. Зачем? У нее будет семья, на два фронта ей разрываться нечего* (не пойдет обратно, потому что у нее будет семья) [Петр., с. 111]; *П а ш а. Еду. Все. Кончено. Что здесь? Ничего* (ср. ... потому что здесь меня ничего не держит) [Петр., с. 27]. В античной риторике такая фигура называлась *ratiocinatio*. Как правило, она состоит из трех высказываний – утверждения, вопроса к нему (обычно об основаниях мнения, выраженного в утверждении) и ответа: *Зрелый возраст предпочтительнее юности. Почему? Тело приручено, а ум напитался мудростью* (Сенека) [6]. Вопросы этого рода подготавливают почву для сообщаемого, вводя контекст, с учетом которого должна восприниматься последующая информация. Говорящий стремится добиться такого психологического состояния слушающего, которое предшествует настоящему вопросу: любопытство, ожидание ответа или продолжения, которые затем он применит в свою пользу.

Использование вопросов на разных стадиях аргументативного диалога. В одном из новейших подходов к теории аргументации – прагматодialeктике (Амстердамская школа) – аргументативная дискуссия подразделяется на четыре стадии: 1) *конфронтация* (confrontation stage); 2) *начальная стадия* (opening stage); 3) собственно *аргументация*, т.е. выдвижение доводов за и против конфликтующих точек зрения (argumentation stage); 4) *заключительная стадия* (concluding stage) [7, p. 10–12].

В обиходном общении аргументативные ситуации возникают, как правило, непредсказуемо и в споре нельзя выделить четкой повторяющейся структуры. Типичный аргументативный диалог в обиходном общении обычно представляет собой микроспор (от 2 до 5 реплик) в рамках более обширного разговора: *Р и т а. И будешь, как старший продавец, вся в золоте ходить. Э л я. А что та знаешь о старших продавцах? Человек стóит столько, сколько он стóит. Р и т а. Вообще-то верно* [Петр., с. 49]. Такая краткость вполне объяснима. Непринятие высказывания собеседника нарушает самые фундаментальные принципы общения – принцип кооперации Г.П. Грайса и принцип вежливости Дж. Лича. Соответственно, собеседники стремятся разрешить конфликт точек зрения как можно более быстро, часто

обходя острые углы, которые могут вызвать нагнетание конфронтации (очевидно, что спор часто может переходить в перепалку, что отражено уже в самом языке – интернациональное слово *полемика* восходит к греческому *polemos*, первоначальное значение которого – ‘война, вражда’).

Вследствие отмеченной крайней текстовой эллиптичности аргументативного диалога в обиходном общении большинство вопросительных реплик, как правило, совмещают значения, ассоциируемые с двумя или тремя стадиями аргументации.

К о н ф р о н т а ц и я . Четким показателем стадии конфронтации и начала аргументативного диалога является несогласие одного из говорящих с высказыванием собеседника. Частым способом выражения несогласия в русском языке является так называемый цитатный вопрос: *Н и к о л а й. Теперь всю дорогу так будет. Ф е д о р И в а н о в и ч. Почему же это? Почему это так будет?* [Петр., с. 72]; *Н и н а. ... ну как так можно говорить? Б а б к а. А как мне говорить?* [Петр., с. 116].

Непринятие высказывания собеседника может выражаться не только через несогласие, но и через такие естественно выражаемые вопросами коммуникативные значения, как удивление, неверие, непонимание, сомнение: *С в е т а. На самом деле ты в университете любил. Т о л я. Я? Кого?!* [Петр., с. 252]; *В а л е р а. <купил> с наценкой в ресторане. Т а т ь я н а. Это – в ресторане?* [Петр., с. 189]; *Ф е д о р И в а н о в и ч. Она бог знает чего тебе припишет, а ты и рад. Н и к о л а й. Что ты говоришь, не понимаю* [Петр., с. 140].

Разумеется, конфронтационная вопросительная реплика может быть направлена не только на пропозициональное содержание предыдущего высказывания, но и на другие коммуникативные стимулы, например выбор слов или скрытую оценку, содержащуюся в высказывании: *Н и к о л а й. Она же старая. Н и н а. Ей тридцать восемь, какая старая?* [Петр., с. 87]; *С в е т а. Ты меня одну никогда и не любил. Т о л я. А что такое любовь? Что хорошего? Что это дает?* [Петр., с. 257].

Н а ч а л ь н а я с т а д и я . В начальной (открывающей) стадии аргументативного диалога собеседники стремятся определить предмет спора. В обиходном общении предмет разногласий разумеется сам собой и потому, как правило, в большинстве случаев не эксплицируется.

К этой фазе аргументативного диалога можно отнести вопросы, которые уточняют или формулируют точку зрения оппонента, а вернее являются представлением о ней говорящего: *Ф е д о р И в а н о в и ч. Ты думаешь, жизнь так гладко катилась? Думаешь, у нас с матерью не было разного там? Все бывало* [Петр., с. 146]; *Т а и с и я П е т р о в н а. Ты что думаешь, так легко вообще мужика женить?* [Петр., с. 137]. В подавляющем большинстве случаев эти вопросительные реплики отнюдь не нейтральны, поскольку формулируют позицию антагониста в выгодном для говорящего ключе. Начальная стадия, таким образом, смыкается со стадией собственно аргументации.

А р г у м е н т а ц и я . На первый взгляд, естественно предположить, что используемые на стадии аргументации вопросы должны просто требовать от собеседника обоснования своей позиции. Это, однако, не только не превалирующая, но даже не одна из часто отмечаемых функций аргументативных вопросов. Как правило, говорящий использует вопросительные реплики либо для того, чтобы атаковать положения оппонента, либо для того, чтобы привести доводы в защиту собственной точки зрения. В первом случае вопросительные высказывания могут утрировать сказанное собеседником, часто сводя к абсурду: *Н и н а . Не надо туда. Б а б к а . Что не надо-то! В зубах я ее таскать буду, что ли?* [Петр., с. 116]; *Н и к о л а й И в а н о в и ч . Вам на этом пляже не положено было сидеть. И р а . Что, уже на море нет места? Н и к о л а й И в а н о в и ч . Вам именно – нет. И р а . Но это же не ваша земля?* [Петр., с. 227]. Во втором случае аргументативность вопросительных высказываний часто совмещена с коммуникативными значениями оправдания или объяснения: *Т а т ь я н а . Зачем ты мой кошелек-то взял? В а л е р а . Ты знаешь, что такое у мужчины долги?* [Петр., с. 161]; *Т о л я одна ты мне подходила. Но что я мог тогда, когда было распределение? Ты меня не знала, подойти и предложить? Разве ты бы пошла за меня тогда замуж, непосредственно перед распределением? Нет, конечно* [Петр., с. 249]. Следует, впрочем, отметить, что распределение аргументативных вопросов по этим двум группам достаточно условно, поскольку подкрепление своей позиции корректными доводами почти автоматически означает ослабление позиции противника (и наоборот).

При выдвигании доводов в форме вопросительных высказываний говорящие прибегают к типичным способам аргументации, получившим название аргументативных схем [8, с. 99]. Другими словами, под аргументативной схемой понимается характер связи между доводом, выдвигаемым говорящим, и тем положением, которое он защищает [7, р. 137]. С античности известны многие примеры аргументативных схем: *argumentum ad hominem*, апелляция к общественному мнению, к незнанию, свидетельству эксперта или уважаемого человека и др. [9, р. 84; 10, р. 226].

В уже упоминавшемся нами прагматодialeктическом подходе к описанию и анализу аргументации выделяются три больших типа аргументативных схем: 1) симптоматическая аргументация, или аргументация “признакового” типа; 2) сравнительная аргументация, или аргументация “по сходству”; 3) инструментальная аргументация, или аргументация, основанная на причинно-следственных отношениях [7, р. 137–188; 8, с. 114–115].

Симптоматическая аргументация. При симптоматической аргументации “отстаиваемая точка зрения защищается путем указания в посылке на особую характеристику того, что выражается в точке зрения, и путем представления этой особой характеристики как типичного качества того, что выражается в точке зрения” [8, с. 114] или в символической записи: *Y истинно о X, так как Z истинно о X, а Z присуще Y* [7, р. 154].

Как правило, в аргументации, основанной на симптоматических отношениях, проponent апеллирует к тому, что в античной риторике называлось “общим местом” или “топосом” (приводится в скобках после примера): К о л о м б и н а. *А ведь были розы.* П ь е р о. *У меня зарплата семьдесят рублей, какие розы, вы что?* (бедные люди не могут позволить себе купить розы) [Петр., с. 304]; Т о л я. *<я к тебе ни разу не подошел за все пять лет учебы, потому, что> я наблюдал и сравнивал <тебя с другими>.* С в е т а. *Потом вообще взял распределение в Свердловск, уехал. Нужна я тебе была, если ты уехал?* (если человек равнодушен к кому-то, он старается быть с ним или с ней рядом) [Петр., с. 248]; И р а. *Брось, ты здоровый человек.* М а р и я Ф и л и п п о в н а. *А это? А направление?* (здоровому человеку не выписывают направление в больницу) [Петр., с. 198].

Сравнительная аргументация. При использовании этого типа аргументации “точка зрения защищается путем представления чего-то спорного как чего-то, имеющего сходство с чем-то, что не является спорным” [8, с. 114], или в символическом выражении: Y истинно о X , так как Z истинно о X , а Z подобно Y [7, р. 138].

Примерами использования аргументирования от сравнения в вопросительном высказывании служат следующие обмены репликами: А у. *Но ведь сколько приходится терпеть!* Ю л я. *Там я терплю, а здесь что, не буду?* [Петр., с. 288]; Ф е д о р И в а н о в и ч. *Я пока еще нахожусь в своем собственном доме.* Н и к о л а й. *А я как будто бы что? Не нахожусь?* [Петр., с. 72]. Поскольку спор в обиходном общении часто является выражением конфликта между говорящими, то довод собеседника может быть переадресован ему самому, а диалог нередко сводится к взаимным упрекам: С в е т л а н а. *Вы пользовались? За это платите.* Т а т ь я н а. *Вот ты сейчас пользуешься? За это плати* [Петр., с. 164]; Т а т ь я н а. *Совсем запрягла меня.* С в е т л а н а. *А ты меня? Кто с Антоном сидит?* [Петр., с. 234].

К аргументации, основанной на сравнении, можно отнести и те случаи, когда говорящий посредством напоминания сравнивает то, что оппонент делал или утверждал в прошлом, с его поступками или высказываниями в настоящем: К л а в д и я. *Совсем со своими шахматами озлобился.* Б а б к а. *Клавдия, хватит! <...> Ты вспомни, как ты жалела, когда Митя все о болезнях? А? Говорила, лучше бы пил, как все люди* [Петр., с. 91]; Ф е д о р И в а н о в и ч. *Один на тебя польстился.* Б а б к а. *Чего вспомнил! А не вспомнил, как я тебя в дом не пускала?* [Петр., с. 76].

Аргументация исходя из причинно-следственных отношений. В аргументации этого типа “событие, которое дается в аргументе, представляется как причина того, о чем сказано в точке зрения (или наоборот), при этом точка зрения доказывается путем указания на то, что второе является результатом первого (или наоборот)” [8, с. 115], или: Y истинно о X , так как Z истинно о X , а Z ведет к (служит причиной) Y [7, р. 164].

Обычно такого рода аргументация указывает на негативные последствия какого-либо способа действия, предлагаемого собеседником: *Э л я. Выход один: надо разводиться. П о л и н а. А детей без семьи оставить?* [Петр., с. 35]; *П о л и н а. ... надо было золотом брать. Э л я. А жить на чем? На будербродиках?* [Петр., с. 49].

Риторические аргументативные вопросы с противопоставлением. Некоторые аргументативные вопросительные реплики лучше рассматривать не в отношении применяемой говорящим аргументативной схемы, а в отношении их логической структуры. К вопросам такого рода принадлежат риторические аргументативные вопросы с противопоставлением. Они представляют собой реплики, в которых части сложного предложения представлены как противоречащие друг другу: *С в е т л а н а. Ребенок тихий, чистый. Без драки. Ф е д о р о в н а. А человек, когда он один, с кем ему драться?* [Петр., с. 221]; *В а л я. Я специально сюда приехал, чтобы Паша отдал мне долг. К о с т я. А как он отдаст то, чего у него уже в данную минуту нет?* [Петр., с. 12]; *Э л я. Хорошо ли быть матерью одиночкой, с отцом моложе матери на двенадцать лет, да еще и который ребенка не хочет знать, да еще безо всякой надежды?* [Петр., с. 53]. Вопросы такого типа основаны на третьем недоказуемом силлогизме стоической логики, т.е. таком рассуждении, в котором, согласно Диогену Лаэртию, “большая посылка – двучленное отрицание, малая посылка – один из его членов, вывод – противоположность другому члену, например, «Платон не может быть сразу и жив и мертв; но Платон мертв; стало быть, Платон не жив»» [11, с. 293; 12, с. 293; 13] или, в символической нотации, “не p и q вместе; но p , значит не q ”. Такие вопросы всегда имплицитно отрицают отрицательный ответ, который, в конечном счете, является мнением говорящего.

В той или иной степени аргументативность пронизывает реплики на всех стадиях спора. Одно и то же вопросительное высказывание может одновременно быть конфронтационным (выражать несогласие с репликой собеседника), открывающим (формулировать точку зрения оппонента) и аргументативным (формулировать точку зрения оппонента в заведомо утрированной форме, а значит, содержать ее критику): *И в а н о в. Дети от яблони недалеко падают. Г р а н я. А что же ты хочешь? Чтобы тебе красный ковер расстелили, как космонавту? Наготовил тут делов, наготовил, под суд пошел и думаешь, что дети тебя примут?* [Петр., с. 81].

Подготовительные аргументативные вопросы. Отнюдь не все вопросительные реплики на стадии аргументации прямо направлены на ослабление точки зрения оппонента или представляют доводы говорящего. В аргументативном диалоге можно встретить вопросы, которые выполняют своеобразную подготовительную функцию. Они нужны для того, чтобы у говорящего появился некий фундамент для довода: *Ю р а. Мы ведь идем друг к другу с открытой душой? Г а л я. Допустим. Ю р а. Тогда надо признаться, что вам это тоже нужно не хуже меня* [Петр., с. 265].

Задающему такой вопрос крайне важно, чтобы адресат дал нужный ответ. Если этого не происходит и адресат по каким-либо причинам не идет на поводу у спрашивающего, его ответ может послужить причиной спора в споре: *Б а б к а. Артистка. Я вот тебе правду говорю. Тебе тошно? А почему? Кто ты, например? Н и н а. Я жена Колина. Б а б к а. А кто тебя в загс водил?* [Петр., с. 115]. Адресат подготовительного вопроса может разгадать намерения спрашивающего и отвечать поверх такого вопроса, сразу реплицируя предполагаемый довод: *Т а и с и я П е т р о в н а. Нина у нас живет?* <очевидно, что да, и, значит, ты должен на ней жениться.> *Н и к о л а й. Пусть уходит* [Петр., с. 133].

З а к л ю ч и т е л ь н а я с т а д и я . В заключении аргументативного диалога стороны решают, был ли разрешен их спор, и если да, то к какому решению они пришли [8, р. 12]. Разумеется, это очень идеализированное представление о концовке спора, по крайней мере, по отношению к обиходному общению. К заключительной фазе аргументации в повседневном общении можно отнести только, пожалуй, такие вопросительные реплики, посредством которых говорящие выражают согласие с собеседником или стараются избежать начала спора или разжигания конфликта (впрочем, даже в таких репликах часто присутствует доля аргументативности): *В а л я. Одну я возьму домой. Нет две. В конце-то концов. К о с т я. Кто говорит?* [Петр., с. 12]; *Б а б к а. Не кричи на мать-то! Т а и с и я П е т р о в н а. Кто тебе слово-то сказал?* [Петр., с. 71].

Вопросительное высказывание является эффективным приемом аргументации, поскольку: 1) позволяет быстро переложить бремя доказательств на адресата; 2) дает возможность скрытно провести утверждения, которые сами нуждаются в обосновании; 3) эксплуатирует прямую обращенность к оппоненту и ассоциируемое с вопросом требование ответа; 4) совмещает рациональность довода с его экспрессивной подачей.

Коммуникативные значения вопросительных высказываний столь универсальны, что их присутствие можно зарегистрировать на всех этапах развертывания аргументативного диалога. Они используются как конфронтационные реплики, посредством которых говорящий дает понять, что не принимает по каким-либо причинам предыдущее высказывание собеседника. В начальной стадии они используются для уточнения позиции адресата. Часто такое переформулирование является заведомо некорректным и служит критике отвергаемой точки зрения. На стадии аргументации вопросы могут использоваться как для критики позиции оппонента, так и для защиты собственной позиции говорящего.

Аргументация посредством вопросов может строиться на основе: 1) апелляции к присущим характеристикам того, что является предметом спора; 2) сравнения того, что принимается как бесспорное, и того, что является предметом спора; 3) рассмотрения причинно-следственных отношений (обычно между тем, что предлагается, и возможными негативными последствиями).

Одним из самых действенных приемов убеждения собеседника является риторический вопрос с противопоставлением. Вопросы этого типа практически не оставляют собеседнику возможности уклониться от нужного спрашивающему ответа.

Часть вопросов может выступать в роли аргументативно несамостоятельных реплик, которые готовят почву для предполагаемого довода.

На заключительной стадии аргументативного диалога вопросы применяются для выражения согласия и/или примирения точек зрения собеседников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Walton, D.* The Nature and Status of Critical Questions in Argumentation Schemes / D. Walton, D.M. Godden [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.dougwalton.ca>. – Date of access: 22.04.2009.
2. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. – 944 с.
3. *Аристотель.* О софистических опровержениях / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 535–593.
4. *Цицерон.* Об ораторе / Цицерон // Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972. – С. 77–252.
5. *Аннушкин, В.И.* Русская риторика: исторический аспект / В.И. Аннушкин. – М.: Высш. шк., 2003. – 397 с.
6. *Burton, G.O.* Rhetorical question / G.O. Burton [Electronic resource]. 1996 – 2003. – Mode of access: <http://humanities.byu.edu/rhetoric/silva.htm>. – Date of access: 15.07.2007.
7. *Eemeren F.H., van.* Argumentative Indicators in Discourse: A Pragmatic-Dialectical Study / F.H. van Eemeren, P. Houtlosser, A. F. S. Henkemans. – Dordrecht: Springer, 2007 – 234 p.
8. Важнейшие концепции теории аргументации / пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В. Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2006. – 296 с.
9. *Walton, D.* Fundamentals of Critical Argumentation / D. Walton. – N.Y. : Cambridge Univ. Press, 2005. – 343 p.
10. *Walton, D.* Dialog Theory for Critical Argumentation / D. Walton. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 326 p.
11. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
12. *Секст Эмпирик.* Против ученых / Секст Эмпирик // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 399 с.
13. *Kraus, M.* Arguing by Question: A Toulminian Reading of Cicero's Account of the Enthymeme / M. Kraus // Arguing on the Toulmin Model. – Dordrecht: Springer, 2006 – 439 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Петр. – *Петрушевская, Л.С.* Квартира Колумбины : пьесы / Л.С. Петрушевская. – СПб. : Амфора, 2002. – 415 с.

The article examines the argumentative use of questions in day-to-day communication. It has been shown that questions are very effective tools of persuasion due to a number of reasons. The use of argumentative interrogative utterances can be registered in the confrontation stage, opening stage, argumentation stage and concluding stage of critical dialogues.

Поступила в редакцию 15.02.11

О.В. Лапунова

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИФОНИЧНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается проблема *полифоничности* как одна из сущностных характеристик телевизионного информационного дискурса. Специфика полифонии в новостном дискурсе состоит в том, что она может быть как реальной, «физической», так и лингвистической, т.е. создаваться только голосом медиаторца. «Физическое» многоголосье представлено голосами журналиста-ведущего в студии, репортера, а также участников события. Лингвистическая полифония связана с многообразием ролей журналиста, представляющего то или иное событие реальной действительности. В роли неперсонифицированного повествователя (ведущего в студии) журналист максимально дистанцируется от описываемого события, тогда как в роли непосредственного участника и рассказчика (репортера), он участвует в событии и комментирует его в режиме реального времени (прямой репортаж с места события). Журналист может выступать и в роли незримого участника (субъекта сознания), присутствие которого маркируется различного рода эгоцентрическими дейктиками.

Каждый язык находится в постоянном движении. Наиболее отчетливо его изменения проявляются в оформлении художественных и публицистических текстов как следствие стремления к сближению языка автора и адресата. В современной стилистической картине особое место отводится приему *полифонии*. Термин *п о л и ф о н и я* имеет музыкальную историю и трактуется как многоголосье, одновременно сочетающее и развивающее две и более самостоятельные мелодические линии [1, с. 478]. Различают имитационную, контрастную и подголосочную полифонию, которые соответственно служат для повторения, противопоставления различных мелодий и соединения мелодии и ее вариантов-подголосков.

Виды музыкальной полифонии стали отголосками понимания полифонии как внутреннего диалога автора с героем и восприятия авторского замысла в художественном тексте. Множественность субъекта

речи и диалогический поиск истины являются основными характеристиками полифонии как источника эстетической энергии, направленной на создание полифоничности в художественном произведении [2, с. 8].

Основываясь на теории Э. Бенвениста о двух планах высказывания – плане истории (*récit*) и плане речи (*discours*) [3, с. 270–284], в современной лингвистике выделяются два типа повествования – рассказ и дискурс. В трудах современных исследователей взгляд Бенвениста на художественный текст как на рассказ и дискурс иллюстрируется выделением двух типов повествования – объективного и субъективного. В этой связи автор в художественном произведении может выступать и в роли *неперсонифицированного повествователя (il)*, и в роли *рассказчика (je)*. *Неперсонифицированный повествователь* не входит во внутренний мир текста, а лишь описывает событийную линию. *Рассказчик* локализован внутри текстового пространства на более или менее близком расстоянии от персонажей, являясь одним из них или главным [4, с. 53]. М.М. Бахтин называет рассказ автора от первого лица собственно авторской речью [5, с. 99]. Кроме слов автора он выделяет объектное слово/слово изображенного лица, связанное с прямой речью героев и двуголосое слово/слово с установкой на чужое слово. Трактовка М.М. Бахтиным понятия *двуголосое слово* связана с термином полифония в значении эстетического метода анализа художественного произведения. М.М. Бахтин раскрывает значение данного термина как диалог автора и героя, в который вовлечен и читатель. В *двуголосом* слове само авторское слово выдает себя за чужое слово (слово персонажа) или чужое выдает за свое. По мнению представителей французской лингвистической школы, в частности О. Дюкро, голос автора может лишь слышаться в тексте, а идентифицировать его помогают дейктики (эгоцентрические слова), которые в нарративном режиме указывают на «след присутствия» Говорящего (повествователя) [6, с. 150–163]. В полифоническом тексте временные пространства рассказчика и персонажа могут совмещаться. Заставить читателя услышать «эхо» другой точки зрения можно лишь на уровне сознания. В связи с этим в трудах зарубежных лингвистов появляется термин *субъект сознания* [7] (*автор точки зрения без слов* у О. Дюкро). Выступая в роли *субъекта сознания*, автор как наблюдатель может участвовать в действии наряду с другими персонажами. Именно такие возможности реализуются в форме несобственно-прямой речи, которая является органичной частью повествования от первого лица. Меняя пространственно-временной режим повествования, рассказчик может также выступать в роли «рефлексирующего субъекта сознания», который ведет внутренний диалог (полемику) своих внутренних “ego” [8, р. 67–98]. Этой инстанции соответствует форма внутреннего монолога.

Таким образом, прием полифонии в художественном произведении характеризуется неоднородностью субъекта речи, наличием внутреннего диалога автора и героя, а также способностью автора смещать пространственно-временные рамки повествования.

В этом понимании прием полифонии как нельзя эффективнее отвечает задачам, решаемым журналистами в телевизионном репортаже: с одной стороны, стремлению к высказыванию авторской точки зрения и самовыражению, а с другой стороны, желанию максимально завуалировать собственную субъективность как реализацию претензии на объективность изложения.

Анализ телевизионной речи показывает, что в *телевизионном информационном дискурсе*, элементом которого является телерепортаж, прием полифонии используется для разных целей в зависимости от вида репортажа, общей и частных прагматических задач, решаемых журналистом. Специфика телевизионного репортажа по сравнению с текстом художественного произведения состоит также в том, что в *телевизионном информационном дискурсе* полифония создается не только голосом телерепортера, но и может быть реальной, физической.

В современных научных трудах отсутствуют конкретные данные об особенностях использования и прагматическом потенциале приема полифонии в текстах СМИ. Вместе с тем очевидно, что знание одного из механизмов речевого воздействия, применяемых в телевизионной коммуникации, к числу которых принадлежит прием полифонии, представляет несомненный теоретический и практический интерес.

В телевизионном информационном дискурсе журналист, используя прием полифонии, пытается создать эффект участия телезрителя в событии и в то же время придать «общественное звучание» своему голосу. В области коммуникативного воздействия медиаторец с помощью использования всевозможных способов объективизации информации делает попытку победить укоренившуюся в сознании зрителя систему знаний и представлений о событиях реальной действительности. Этот эффект достигается за счет включения журналистом нескольких голосов в содержательную ткань сообщения. Чужая речь вкрапляется в ткань репортажа либо «физически», т.е. путем прямого интервьюирования участников события и смены голосов ведущих (журналист и репортер) либо с помощью языковых средств и приемов.

Сама структура новостного блока носит характер «физического многоголосья», что очевидно объясняется желанием создать более полную панораму событий. Когда начинается выпуск телевизионных новостей, ведущий в студии произносит несколько фраз, анонсируя определенное событие. Затем журналист передает слово репортеру, создателю «синтезированного» репортажа или репортажа-«прямой трансляции» на анонсируемую тему. Кроме голоса самого медиатора, в информационном телевизионном дискурсе звучат голоса свидетелей и участников события, которые либо приглашаются в студию либо дают свой комментарий непосредственно с места события.

Ведущий в студии, как правило, ограничивается формулировкой предмета дискуссии, ссылаясь на мнения приглашенных в студию людей

по данной проблеме, либо сразу передает слово репортеру. Как правило, реплики ведущего в студии не несут никакой эмоциональной нагрузки. Иногда в студию приглашаются сразу несколько гостей, которые в дискуссии высказывают свою точку зрения по обсуждаемой проблеме. Однако даже косвенное участие в полемике помогает журналисту выдать свою точку зрения за чужую, поскольку в диалоге или полилоге опытный медиатор всегда добивается того ответа, который ему нужен.

Репортер, комментирующий явление непосредственно с места события, позволяет себе оценочные суждения, поскольку он является непосредственным/«физическим» участником описываемого события. В том случае, если событие, имеющее масштаб мировой катастрофы (террористический акт, землетрясение и др.), разворачивается на глазах у телезрителя, репортер в прямом эфире констатирует факты, подтверждение которым зритель видит на экране. Однако уже на следующий день после того как произошло событие глобального масштаба, манера подачи информации об этом событии меняется. В зависимости от прагматической ситуации оценку выражает репортер прямо или вкладывает в уста персонажа, что, как правило, объясняется дипломатическими соображениями. В некоторых репортажах на политическую и социально-политическую тематику репортер воздерживается от прямого высказывания своей оценки, а разъясняет, растолковывает зрителю суть события, интерпретирует его глубоко и с привлечением дополнительных аргументов. В данном случае оценка происходящего репортером носит рациональный характер. В отличие от ведущего в студии, который дистанцирован от места события, репортер «видит все своими глазами и рассказывает своими словами», поэтому в глазах зрителя имеет право на оценку, которой он же, зритель, склонен доверять.

Безусловно, в тексте телевизионного репортажа присутствуют высказывания участников и свидетелей события, но в реализации коммуникативной цели репортеру прежде всего помогает психологический контакт с аудиторией, поскольку зритель ставит себя на место репортера при просмотре репортажа. Голос свидетелей и участников события в репортаже, с одной стороны, представляет собой независимое субъективное мнение, на которое журналист и репортер считают необходимым опереться в своем сообщении. С другой стороны, их слова всегда свидетельствуют в пользу позиции медиатора, поскольку последний принимает непосредственное участие в создании информационного сюжета.

Полифония в информационном телевизионном дискурсе носит характер не только явно выраженного «физического» многоголосья, чужая речь включается в содержательную ткань новостного дискурса также с помощью различных языковых средств и приемов.

Полифоничный текст характеризуется прежде всего множественностью говорящих субъектов и наличием имплицитного и эксплицитного диалога между ними. В художественном тексте голоса рассказчика и неперсонифицированного повествователя чередуются с голосами персонажей. Понятие

“субъект сознания” как результат создания узкой психологической ситуации общения автора с читателем связано с изменением нарративного режима рассказчиком.

Если оперировать реалиями, которые используются лингвистами для идентификации говорящих субъектов в художественном тексте, то в телевизионном информационном дискурсе выделяются следующие инстанции:

- голос журналиста-свидетеля (неперсонифицированного повествователя), который ведет рассказ от третьего лица;
- голос журналиста-наблюдателя, который ведет рассказ от первого лица;
- голос персонажей (участников события);
- голос “субъекта сознания” (внутреннего “ego” журналиста), чья точка зрения прячется за голоса «третьих лиц» (участников или свидетелей описываемых событий);
- голос зрителя, сидящего у экрана телевизора, мнение которого важно для журналиста.

Принимая во внимание тот факт, что медийный дискурс, в частности речь журналиста теленовостей, характеризуется претензией на объективность в изложении информации, репортер призван играть роль беспристрастного свидетеля и комментировать событие от третьего лица. В данном случае он не принадлежит внутреннему миру повествования. В терминологии как отечественных, так и зарубежных лингвистов такой тип говорящего называют по-разному: “немаркированный член корреляции лица”, “*narrateur hétérodiégétique*” [9, p. 46], “*sujet inactif, témoin, connaisseur*” [10, с. 72].

Согласно принципам объективности телевизионного вещания, в новостийной сфере репортер не может выступать от первого лица, т.е. вести рассказ от своего имени. Употребляя форму первого лица единственного числа *je*, он автоматически включается во внутренний мир текста, маркируя свою субъективность соответствующим дейктиком. Это не соответствует нормам журналистской этики, согласно которым репортер должен держать дистанцию.

В репортажах с места события действие описываемого события разворачивается в прямом эфире синхронно комментариям репортера. Это могут быть репортажи с горячей точки, выставки, презентации, футбольного матча и т.д. Все эти репортажи представляют собой комментарий-«прямую трансляцию» с места события. В данном случае у репортера просто не было времени составить заранее план комментария Большой Темы. Он своими словами лишь подтверждает те очевидные факты, которые зритель видит на экране. В ходе футбольного матча или в репортаже с места ведения военных действий журналист часто (не всегда) ведет рассказ от первого лица. В этом случае присутствует элемент субъективной оценки, связанный с употреблением местоимения первого лица единственного числа (*je*), что противоречит правилам журналистской этики, однако допускается в репортажах с места события на указанную тематику. В данном случае репортер выступает в

роли рассказчика (*je*) – «диегетического повествователя», в терминологии Е.В. Падучевой [7, с. 53]. Такие репортажи характеризуются наличием перформативных глаголов настоящего времени, а также пространственно-временных дейктиков (*ici, maintenant* и др.), указывающих на текущую ситуацию общения. Данное явление в технологии создания телевизионного репортажа можно наблюдать крайне редко, преимущественно в репортажах развлекательного характера, либо в репортажах на спортивную тематику.

В синтезируемых репортажах, транслируемых из студии, журналист иногда позволяет себе уточняющие ремарки типа *je cite*, которые носят нейтральный характер.

Кроме внешних форм полифонии в информационном телевизионном дискурсе журналист может проявлять себя и как субъект сознания, чья точка зрения «прячется» за голос Другого. Точка зрения медиаторца бывает настолько завуалирована в манере подачи информации журналистом, что даже не воспринимается зрителем.

Как отмечают французские лингвисты, журналисты часто выдают пересказ чьих-то слов за подлинную цитату, в чем и состоит разница между журналистикой и распространением сплетен. Так, П. Манье отмечает: «La notion d'objectivité est remplacée chez les journalistes par celle d'une retranscription intellectuellement honnête d'une réalité vérifiée. La vérification de l'information est donc ce qui fait toute la différence entre la journalisme et la propagation d'une rumeur»¹ [11, p. 63]. Д. Менгено утверждает, что прямая речь персонажа, включенная в структуру телевизионного репортажа, является лишь одним из фрагментов его выступления. Вырывая цитату из одного контекста и перемещая ее в другой контекст, журналист искажает ее смысл в зависимости от поставленной прагматической задачи: «Quelle que soit sa fidélité, le discours direct n'est jamais qu'un fragment de texte dominé par l'énonciateur du discours citant, qui dispose d'énormes moyens pour lui donner un éclairage personnel»² [12, p. 78]. Данные высказывания согласуются с теорией диалогичности М.М. Бахтина: «...степень объектности изображенного героя может быть различной» [5, с. 86].

Точка зрения журналиста может быть также выражена в семантике глагола-связки, предвещающей цитирование. В качестве таких глаголов употребляются *souligner, confier, affirmer, ajouter, se souvenir* 'подчеркивать, доверять, утверждать, добавить, вспомнить' и т.д. Смысл этих глаголов акцентирует позицию журналиста.

Воспроизводя чужую речь по памяти, журналист часто сознательно искажает смысл исходной цитаты в зависимости от своей интенции.

¹ Журналисты заменили понятие *объективности* понятием *интеллектуально честной ретранскрипции* проверенных фактов действительности. Проверенная информация, по сути, является основным отличием журналистики от распространения слухов.

² Прямая речь, с какой бы точностью она ни была воспроизведена, является всего лишь фрагментом текста, в котором главную роль играет повествователь, цитирующий данное высказывание. Он располагает целым арсеналом средств, которые помогают представить цитируемую точку зрения в качестве своей собственной.

В данном случае журналист «работает» чужой точкой зрения. Его интенция проникает в речь персонажей, т.е. участников события.

Некоторые представители французской лингвистической школы, в частности Ж.П. Декле, рассматривая полифонию как один из приемов манипулирования общественным мнением в медиадискурсе, настаивают на необходимости дополнить теорию полифонии О. Дюкро, который в любом высказывании предлагает выделять Говорящего как такового (*locuteur*) и Говорящего как субъекта речи (*énonciateur*): “La théorie de la polyphonie de Ducrot devrait être réexaminée en distinguant énonciateur, locuteur et médiateur”¹ [13, p. 84–85]. По мнению Декле, в некоторых высказываниях Говорящий ссылается на неперсонифицированного Другого (*médiateur*), который делит с ним ответственность за точку зрения, изложенную в высказывании. В медиадискурсе журналист часто «прячется» за некое незримое субъекта, который скрывается за формулировками *on dit que*, *on prétend que* и др. Анонимное присутствие Другого дает возможность журналисту высказать свою точку зрения под «маской» объективного изложения фактов.

Рассматривая скрытые формы полифонии в медийном новостном дискурсе, следует обратить внимание на языковые приемы и средства, указывающие на скрытую внутреннюю полемику субъекта речи, т.е. журналиста. Временной сдвиг, использование повторов, категория отрицания, изменение модального плана и т.д. свидетельствуют как о наличии внутреннего диалога Говорящего, так и диалога с неким воображаемым субъектом. Так, например, употребление журналистом условного наклонения свидетельствует о значении предположения, а значит о наличии иного субъекта. Предположительная модальность характеризует высказывание Другого, выступающего в той или иной ситуации субъектом мнения.

Таким образом, полифоничность является одной из существенных характеристик телевизионного информационного дискурса, специфика которой связана с противоречивостью прагматической задачи, решаемой журналистом. Сохраняя претензию на объективность изложения, медиатор стремится к высказыванию собственной точки зрения по той или иной проблеме. Особенность полифонии в новостном дискурсе состоит в том, что она может быть как реальной, *физической*, так и *лингвистической*, т.е. создаваться только голосом репортера. *Физическое* многоголосье представлено голосами журналиста-ведущего в студии, репортера, а также третьих лиц (участников события, свидетелей, политических деятелей и т.д.). *Лингвистическая* полифония касается речи телевизионного журналиста, а именно многообразия ролей, которые играет последний, представляя то или иное событие реальной действительности. В роли неперсонифицированного повествователя журналист максимально дистанцируется от описываемого события, хотя и позволяет себе различные формы

¹ То есть пересмотреть теорию полифонии Дюкро, выделив повествователя, говорящего и посредника.

эксплицитного диалога с персонажами, реализуемые в форме прямой и косвенной речи. В телевизионном репортаже репортер может выступать в роли непосредственного участника и рассказчика, который участвует в событии и комментирует его в режиме реального времени (прямой репортаж с места события). Присутствие журналиста может ощущаться и во внутреннем мире информационного телевизионного дискурса. В этом случае говорящий субъект (журналист) играет роль «незримого участника» («субъекта сознания»), одного из персонажей, присутствие которого маркируется различного рода «эгоцентрическими дейктиками». Журналист в роли субъекта сознания децентрируется и характеризуется внутренней диалогичностью.

Исследование того, как в зависимости от того или иного вида полифонии и от общего прагматического контекста в телевизионном информационном дискурсе выбираются языковые средства и приемы объективизации речи представляет несомненный интерес для изучения и анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1992. – 685 с.
2. *Валентинова, О.И.* Семиотика полифонии / О.И. Валентинова. – М. : РУДН, 2005. – 259 с.
3. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
4. *Корниенко, А.А.* Современная французская новелла в поисках новых форм. Семиолингвистическое исследование / А.А. Корниенко // Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2000. – 292 с.
5. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
6. *Ducrot, O.* Logique, structure, énonciation / O. Ducrot – Paris : ed. de Minuit, 1998. – 292 p.
7. *Падучева, Е.В.* Говорящий субъект речи и субъект сознания / Е.В. Падучева. – М. : Худож. лит, 1975. – 502 с.
8. *Dessingué, A.* Polyphonisme, de Bakhtine a Ricoeur / A. Dessingué // Atelier de théorie littéraire. – Paris : Dixit, 2004. – 107 p.
9. *Genette, G.* Nouveau discours du récit / G. Genette. – Paris, Seuil, 1983. – 118 p.
10. *Степанова, А.Н.* Говорящий субъект: его временное пространство, статус и функции / А. Н. Степанова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 187 с.
11. *Manier, P.S.* Le journalisme audiovisuel / P.S. Manier. – Paris : Dixit, 2003. – 158 p.
12. *Maingueneau, D.* Analyser les textes de communication / D. Maingueneau. – Paris : Dunod, 1998. – 150 p.

13. *Desclés, J.P. Énonciateur, locuteur, médiateur / J.P. Desclés, Z. Guentchéva // Les rituels du dialogue; eds A. Monod-Becquelin, P. Erikson. – Nanterre : Société d'ethnologie, 2000. – P. 79–112.*

The article considers the problem of *polyphony* as one of intrinsic characteristics of a television information discourse the character of which is connected with ambiguity of the pragmatic problem solved by the journalist. The specific character of *polyphony* in a news discourse can either be real, "physical", or linguistic, that is to be created by the voice of the media creator.

Поступила в редакцию 17.02.11

И.П. Мышалова

ГРАДУАЛЬНЫЕ РЯДЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ» (на материале современного английского языка)

В центре внимания статьи находятся цельнооформленные лексические средства выражения градуальности, рассматриваемые на примере лексического поля «Интеллект» в современном английском языке. Градуальная часть данного поля представлена единицами разных частей речи (именами существительными, именами прилагательными, глаголами и наречиями) и в разной степени. Члены градуальных рядов выстраиваются на шкале, структурированной по принципу оппозиций, образованных различными типами парадигматических отношений, чаще всего антонимическими и синонимическими. Наибольший интерес представляет то, что градуальное свойство-различие, положенное в основу распределения единиц на шкале, имеет разные основания (способность/неспособность понимать, способность/неспособность к обучению, способность/неспособность порождать умные мысли и идеи и т.п.), которые, однако, не мешают распределению единиц по шкале градуальности.

Лексическая система, как известно, включает типы парадигматических множеств, объединенных разными типами отношений. Среди них ведущими, по мнению лингвистов, являются антонимия, синонимия, гиперо-гипонимия и партонимия. Еще одним специфическим, важным, однако гораздо менее изученным типом отношений в языковой системе является *градуальность*¹,

¹ Градуальность непосредственно соотносится с понятиями *градуирования* и *градации*. В современной лингвистике эти термины не совсем четко разграничены и зачастую используются как синонимы. Тем не менее, изучение их употребления в лингвистической литературе свидетельствует об определенных различиях. *Г р а д у и р о в а н и е* – это процесс упорядочивания качественного признака по отношению к норме на шкале градуальности. Под *г р а д а ц и е й* же в основном понимают «фигуру речи, разновидность амплификации, а именно: организацию эффекта выразительности в однородном смысловом ряду компонентов (слов, словосочетаний, высказываний) за счет последовательного возрастания или убывания их семантической значимости» [1, с. 76–77], например, *doctors are men who prescribe medicines of which they know little, to cure diseases of which they know less, in human beings of whom they know nothing* [2, с. 89]. Таким образом, и градуальность, и градация являются результатом процесса градуирования, однако термин градуальность чаще применяют при рассмотрении парадигматических, а не синтагматических отношений.

предстающая в лексике как «последовательность эквивалентных членов (по меньшей мере, трех), обладающих одной или несколькими общими семами, одна из которых повторяется с количественными изменениями» [3, с. 93]. Как явствует из определения, для выделения *г р а д у а л ь н о с т и* существенными являются следующие моменты: *количественная* характеристика членов ряда (не меньше трех), *наличие* у них *общих* (одного или нескольких) семантических признаков и *количественная оценка* по ним. Другими словами, «градуальность – это распределение языковых единиц по степени реализации некоторого признака, расположенного по дискретной шкале» [4, с. 160].

Будучи прежде всего категорией логической, отражающей «наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» [5, с. 240], градуальность предстает в тесной взаимосвязи с такими фундаментальными понятиями, как количество, качество, интенсивность и сравнение. Онтологически «отражая универсальное свойство материи – качественное изменение, происходящее путем количественного прибавления или убавления материи», градуальность «несет информацию об окружающем мире и протекающих в нем процессах, их константных параметрах (симметрии) и параметрах развития от одного состояния к другому (эволюции)» [6, с. 10]. В языке, как отмечает Э. Сэпир, градуальность распространяется на «все слова, поддающиеся количественному определению (слова, способные подвергаться счету), и все квантификаторы (слова, к которым применимо понятие количества)» [7, с. 44]. Те или иные качества могут проявляться у объектов в неодинаковом количестве, которое может быть разной интенсивности. Градуальность обнаруживается путем сравнения, обязательной предпосылкой которого «является существование совокупности однородных предметов, образующих класс» [8, с. 5] и обладающих свойствами, значимыми для отождествления и/или различения предметов внутри этого класса. Таким образом, градуальность в языке находит выражение в группе языковых единиц, отличающихся обозначением интенсивности какого-либо качества, познаваемого путем сравнения. В этом плане градуальность функционирует как базисная категория, лежащая в основе синонимии и антонимии, однако, по-видимому, не ограниченная этими типами отношений.

Вследствие своих онтологических свойств градуальность как одна из универсальных категорий¹ привлекала и привлекает внимание многих лингвистов (работы Аристотеля, Э. Сэпира, Д. Болинджера, Н.С. Трубецкого, Н.Д. Арутюновой, И.А. Козловой, И.Е. Шейгал, С.М. Колесниковой, Н.В. Халиной, Э.М. Береговской, А.В. Щербакова и др.). Большинство исследователей обращались к изучению градуальности на фонологическом [9]², а позднее – морфологическом и синтаксическом уровнях.

¹ Градуальность находит воплощение не только в языке, но и в других семиотических системах, например, музыке, танце, живописи и др.

² В данной работе Н.С. Трубецким впервые вводится понятие *градуальной оппозиции* в фонологии, которое далее было экстраполировано на грамматику, лексику и др.

Судя по имеющимся в литературе описаниям, градуальность как проявление различной степени, интенсивности, меры и других количественных различий, касающихся семантики единиц, может быть подана в языке разными средствами: *морфологическими*, *лексическими* и *синтаксическими*. К наиболее изученным относятся прототипические морфологические средства со специальными формами степеней сравнения для имен прилагательных. Например, в английском языке это синтетические (*clean* ‘чистый’ – *cleaner* ‘чище’ – *the cleanest* ‘самый чистый’ (ср. с эквивалентными им единицами в русском языке)) и аналитические формы (*beautiful* ‘красивый’ – *more beautiful* ‘красивее’ – *most beautiful* ‘самый красивый’). Особо выделяют и синтаксические средства выражения градуальности. Они представлены, *во-первых*, различными стилистическими фигурами (например, в русском языке нумерическая градация, строящаяся, как правило, на числах, способствует созданию комического эффекта: «Мимо основной массы Америки прошли восхитительные крайности культуры. В том числе – культуры еды. Когда американец *хочет поесть, он берет хот-дог, когда хочет поесть хорошо – два хот-дога, когда роскошно – три* (П. Вайль)» [2, с. 88]); *во-вторых*, различными типами синтаксических отношений, имеющих свой корпус средств выражения, называемых скрепами (например, в русском языке *не только ... но и; не то чтобы ... но; не просто ... а* и др. [10]). К наименее изученным относятся лексические средства выражения градуальности – как с помощью цельно-, так и раздельноформленных лексических единиц. Специфика этих средств заключается в том, что один и тот же признак с различной степенью интенсивности, меры и т.п. может быть назван разными словами или фразеологизмами, а не формами одной и той же единицы. Например, в английском языке: *ripple* ‘маленькая волна, рябь’¹ – *wave* ‘волна’ – *billow* ‘большая волна, вал’ и *fool in grain* ‘круглый дурак’ – *Tom fool* ‘дурак’ – *nobody’s fool* ‘неглупый человек’ – *a clear head* ‘светлая голова’ – *a wise head* ‘умница’²).

Наличие разноплановых средств выражения градуальности позволяет поставить ряд вопросов. *Во-первых*, необходимо установить, насколько широко вышеперечисленные способы выражения градуальности используются какой-либо языковой системой в целом, а также в рамках какой-либо категории; *во-вторых*, какие из разноплановых средств являются ведущими и др. Описание средств выражения градуальности в их системном взаимодействии позволит определить соотношение различных способов выражения значений, формирующих одну градуируемую категорию. Решение поставленной задачи, однако, предполагает выявление малоисследованной системы лексических средств выражения градуальности, в которой имеют место формально не выраженные, но присутствующие в семантике соответствующих языковых единиц и структур языковые смыслы, связанные

¹ Перевод приведен по [11].

² Перевод приведен по [12].

с количественно варьирующимся признаком. В этом плане необходимым представляется установить типы единиц, в семантике которых содержится признак градуальности, выявить принципы организации градуальной шкалы, точки соприкосновения разных признаков, вычленив основные элементы шкалы и др.

Определяя как общую задачу исследование лексических средств выражения градуальности в современном английском языке, в данной статье мы ставим целью выявить полноту представленности градуальных признаков в том или ином лексическом поле, определить, какие точки и с помощью каких единиц на шкале соответствующего свойства получили ономаσιологическое обозначение. В качестве материала для исследования выбрано лексическое поле «Интеллект», которое включает слова, относящиеся к интеллектуальной деятельности в широком смысле слова, т.е. единицы, обозначающие саму интеллектуальную деятельность, ее субъекты, признаки и пр.

Установление градуальной шкалы того или иного признака и расположение на ней лексических единиц как тех или иных точек является сложной задачей. Для определения единиц, в которых имеет место градуирование признака 'интеллект', были использованы методы компонентного и оппозиционного анализа. Ключевыми единицами при анализе послужили слова, выражающие степень повышения или понижения того или иного признака, или слова с градуальной семой (в разных работах данные единицы называют квалификаторами (Р. Квирк и С. Гринбаум, А.Э. Левицкий), интенсификаторами (Д. Болинджер, И.И. Туранский), градуаторами (С.М. Колесникова) и др. К ним относятся прежде всего наречия типа *extremely* 'чрезвычайно, в высшей степени', *very* 'очень', *slightly* 'немного' и т.п.; имена прилагательные в сравнительной и превосходной степенях; слова, называющие свойства и явления, которые допускают количественное измерение (например, *fast* 'быстро') и пр. При помощи данной методики путем сплошной выборки из «Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners» [13] были отобраны 141 единицы, организуемые в градуальные ряды, принадлежащие данному полю.

Так как исследуемое поле направлено в первую очередь на обозначение признака интеллектуальной деятельности, то логично предположить, что наибольшим образом оно должно быть представлено признаковыми словами (т.е. именами прилагательными и глаголами). Однако, как показал анализ, в градуальной части лексического поля «Интеллект» по количеству членов доминируют имена существительные (75 единиц, или 53 %). Привлекает внимание, что большинство из них является производными или от базовых имен прилагательных (*stupidity* 'низкий уровень интеллекта' от *stupid* 'глупый', *smarts* 'интеллект' от *smart* 'умный'), или от имен существительных (*dunderhead*, *fathead*, *knucklehead* и т.п. 'глупый человек' от *head* 'голова'). Как явствует из приведенных примеров, среди имен

существительных выделяются два ряда. Это – ряд абстрактных имен, обозначающих интеллектуальные свойства: *absurdity, ludicrousness* ‘абсолютно низкий уровень интеллекта’¹ – *fatuousness* ‘очень низкий уровень интеллекта’ – *stupidity* (2)², *dumbness* ‘низкий уровень интеллекта’ – *intelligence* (1), *brainpower* (1), *cleverness, smarts* ‘интеллект, т.е. способность к обучению, пониманию, или размышлению о чем-либо’ – *brilliance* (1), *genius* (1) ‘очень высокий уровень интеллекта или навыков’. И ряд наименований лиц, представленный наибольшим количеством членов: *cretin* ‘кто-то чрезвычайно глупый’ – *imbecile, pillock, numbskull* и др. ‘кто-то, кто очень глуп или ведет себя очень глупо’ – *idiot* (1), *bird-brain, boob* (3), *booby, bonehead, clod, clot, chowderhead* и др. ‘глупый человек, или кто-то сделавший что-то глупое’ – *brainiac, brainbox, boffin* (2), *intellect* (2) ‘кто-то очень умный’ – *genius* (2) ‘кто-то с необычайно высоким уровнем интеллекта, умственных способностей или возможностей’. Значительная количественная дифференциация людей по интеллектуальным свойствам отражает тот факт, что интеллектуальные качества являются чрезвычайно важными при оценке человека. Семантика членов указанных рядов, согласно их лексикографическим дефинициям, отражает степень интеллекта указанных единиц. Так, *cretin* ‘кретин’ *someone who is extremely stupid* ‘кто-то чрезвычайно глупый’ и т.п. Несмотря на то, что все перечисленные единицы входят в один градуальный ряд, их семантика имеет свои качественные особенности в связи с разным основанием ведущего градуального признака ‘интеллект’. Так, существует очевидное варьирование внутри членов ряда. Например, способность/неспособность понимать (*brainbox/birdbrain/pillock*); способность/неспособность к обучению (*boffin/dimwit/pillock*), способность/неспособность порождать умные мысли и идеи и т.п.

Имена прилагательные, организуемые в лексические градуальные ряды, как указывалось ранее, занимают лишь второе место по своей представленности (40 единиц, или 29 %) и называют признаки, связанные с интеллектуальной деятельностью. Так как именно имена прилагательные являются базовыми при детализации градуируемого параметра, то наблюдается корреляция детализации градуируемого параметра у прилагательных и существительных: *brainless, absurd, insane* (1), *half-arsed* (2), *ludicrous* ‘абсолютно глупый’ – *thick-headed, asinine* ‘чрезвычайно глупый’ – *gormless, damn-fool, fatuous, inane* ‘очень глупый’ – *stupid* (2), *blundering, clownish, dense* (3), *dumb* (1), *dim-witted, dozy, fat-headed, feeble-minded* (1), *fool, half-witted, idiotic, goofy, pea-brained, slow-witted, slow* (7), *soft* (19), *thick* (7) ‘глупый’ – *dopey* (2) ‘слегка глупый’ – *witless* (2), *simple* (8) ‘не очень умный’ – *clever* (1), *smart* (1), *intelligent* (1), *bright* (3), *brainy, quick* (4), *quick-witted*

¹ Мы приводим дословный перевод дефиниций, так как русский эквивалент может не принимать во внимание градуальный признак.

² Нами отобраны слова как в первичных, так и во вторичных значениях; цифра в скобках указана для слов, имеющих более одного значения, и соответствует номеру значения в [13].

‘умный – *brilliant* (2) ‘чрезвычайно умный’. Использование имен прилагательных в качестве производящей базы для имен существительных вовсе не исключает то, что и целый ряд прилагательных вторичен (например, *half-arsed, dim-witted* и др.).

Лексическая градуальность имеет место и в системе наречий (16 слов, или 11 %), которые, будучи отадъективными единицами, образованными без исключения от имен прилагательных с прибавлением суффикса *-ly*, являются примерами чистой транспозиции.

Наименьшее место в градуальной части лексического поля «Интеллект» занимают глаголы (10 единиц, или 7 %), но, несмотря на их малую представленность, они образуют два ряда. *Первый* из них включает глаголы, называющие интеллектуальную деятельность, связанную с процессом мышления: *think* (2) ‘использовать мозг с целью принять решение о чем-то, сформировать мнение, образ и др.’ – *consider* (1), *reflect* (4) ‘тщательно думать о чем-либо, особенно перед принятием решения’ – *deliberate* ‘очень тщательно думать о чем-либо’. *Второй* ряд *understand* (1), *apprehend* (2), *get* (23), *see* (7) ‘понимать значение того, что говорят, или какой-либо язык’ – *comprehend* ‘понимать что-то сложное’ – *grasp* (2) ‘полностью понимать что-то сложное’ включает глаголы, отражающие степень понимания.

Таким образом, в лексическом поле «Интеллект» градуируемыми оказываются единицы разных частей речи. К сожалению, отсутствие сведений о полном составе данного поля в английском языке не позволяет установить место и роль градуальной его части на общем фоне. Однако градуальные глаголы, например, занимают незначительное место среди всех глаголов данного поля – 3 % [14, л. 117–118]. Констатируя тот факт, что градуальность есть и в лексической системе, подчеркнем, что она представлена разными единицами и в разной степени. Наибольшее же число имен существительных данного поля по сравнению с другими частями речи может быть связано с тем, что в отличие от имен существительных признаковые слова имеют и другие способы выражения градуального значения (например, степени сравнения у прилагательных и сочетаемость с наречиям у глаголов).

Градуальность имеет прежде всего логическую основу, и понятие *шкалы* (лат. *scala* ‘лестница’) как «множества обозначений, отношения между которыми отражают отношения между объектами эмпирической системы» [15], является ведущим. В языке *шкала* градуальности – это шкала качества, на которой упорядочены элементы по количеству этого качества по сравнению с «нормой», или чем-то «обычным»/«усредненным» для носителя языка [6]. По обе стороны шкалы располагаются два основных полюса – по сути оппозиция, соответствующая низкой и высокой степени проявления признака с дифференциацией внутри каждой зоны (на каждом полюсе шкалы может быть несколько делений/точек, выделяемых с опорой на семантику единиц-градуаторов). Однако градуальность являет собой «размытый континуум», так как зачастую просто невозможно провести

четкую демаркационную линию между единицами одного полюса. Не давая детального описания вычленяемых шкал, в данной работе хотелось бы ограничиться описанием полюсов шкалы и основных ее точек. В зависимости от того, какие полюсы находят выражение на шкале градуальности, градуальные ряды представляют собой как *полные* парадигмы – т.е. те, в которых заполнены и положительный, и отрицательный полюсы, а также имеется ряд промежуточных (по крайней мере один) членов – так и *неполные* градуальные парадигмы. Последние бывают двух вариантов, когда градуальность выделяется только на положительной или отрицательной сторонах шкалы, а второй полюс можно представить лишь описательно или гипотетически, так как он не получил наименования. Выделенные нами градуальные ряды разных частей речи, где «норма», по-видимому, соотносится с положительным качеством *clever* ‘умный’, являются примерами полных градуальных парадигм. Этот факт можно трактовать как свидетельство того, что описываемая категория является фундаментальной для человека.

Анализ исследуемых градуальных рядов, с точки зрения отношений между членами ряда, еще раз доказывает, что градуальность, являясь одной из базовых категорий, приводит к возникновению качественных отличий и предстает не просто типом парадигматических связей, а лежит в основе таких ведущих типов отношений, как антонимия и синонимия (ср. с точкой зрения, согласно которой «синонимия и антонимия могут выступать, как вид градационных отношений» [16, с. 141–148]). *С одной стороны*, градуальность приводит к антонимическим отношениям, так как крайние члены градуальных рядов всех вышеперечисленных частей речи являются антонимами. *С другой стороны*, градуальность приводит к явлению синонимии, так как в одном узле, т.е. в одной точке шкалы, располагается ряд единиц с одинаковой степенью признака, формирующих своеобразную микропарадигму, в которой есть и нейтральный член, и несколько членов, различающихся по функционально-стилистическим сферам и/или принадлежащих к разным национальным вариантам английского языка. Например, следующие имена существительные *imbecile, pillock, numbskull, blockhead, moron, shithhead, thicko* имеют значение ‘слабоумный’, однако только *imbecile* при отрицательной денотативной характеристике является стилистически нейтральным членом, в то время как остальные члены относятся к различным функционально-стилистическим сферам употребления, о чем свидетельствуют словарные пометы, ср.: *pillock* – BrE informal; *numbskull* – informal; *blockhead* – old-fashioned informal; *moron* – informal not polite; *an offensive word*, *shithhead* – spoken not polite; *a very offensive word*, *thicko* – BrE spoken.

Исследование доказывает существование в лексической системе градуальных рядов, охватывающих системы слов разных частей речи (причем в поле «Интеллект» больше всего имен существительных, представляющих как свойства, так и собственно лица). В свою очередь члены

градуальных рядов выстраиваются на шкале, структурированной по принципу оппозиций, образованных различными типами парадигматических отношений, чаще всего антонимическими и синонимическими. Важным является то, что градуальное свойство-различие, положенное в основу распределения единиц на шкале, имеет разные основания, которые, однако, не мешают распределению единиц по шкале градуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева, Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
2. *Береговская, Э.М.* Система синтаксических фигур: К проблеме градации / Э.М. Береговская // *Вопр. языкознания.* – 2003. – № 3. – С. 79–91.
3. *Ducrot, O.* Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris : Editions, 1972. – 354 p.
4. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов [и др.]; под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.* – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 640 с.
5. *Кондаков, Н.И.* Логический словарь / Н.И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – 720 с.
6. *Халина, Н.В.* Категория градуальности в словоформе, слове, тексте : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Халина. – Барнаул, 1997. – 57 л.
7. *Сэпир, Э.* Градуирование. Семантическое исследование / Э. Сэпир // *Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст.* – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 43–78.
8. *Арутюнова, Н.Д.* Тождество и подобие / Н.Д. Арутюнова // *Проблемы структурной лингвистики 1981.* – М. : Наука, 1983. – С. 3–22.
9. *Трубецкой, Н.С.* Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М. : Иностран. лит., 1960. – 352 с.
10. *Кузнецова, О.М.* Функционально-семантическое поле градации в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.М. Кузнецова ; Новосибир. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2010. – 25 с.
11. *Мюллер, В.К.* Большой англо-русский словарь / В.К. Мюллер ; спец. науч. ред. А.А. Фролов. – 4-е изд. – М. : Цитадель-трейд : Лада, 2006. – 832 с.
12. *Кунин, А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин ; лит. ред. М.Д. Литвинова. – 6-е изд., испр. – М. : Живой язык, 2005. – 944 с.
13. *Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners.* – 5th ed. – London : Longman, 2009. – 2081 p.
14. *Дубровская, Т.Н.* Семантическая структура предложения с ментальными глаголами в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.Н. Дубровская. – Минск, 2001. – 141 л.

15. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые и прогр. дан. (6,61 Гб). – М. : Кирилл и Мефодий, 2006. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
16. *Плотников, Б.А.* Основы семасиологии / Б.А. Плотников ; под ред. А.Е. Супруна. – Минск : Вышэйш. шк., 1984. – 223 с.

The article focuses on lexical means of gradation in the contemporary English language. The research based on the gradational rows within the lexical field of «Intellect» reveals different quantitative, part-of-speech, derivational, etc. features as well as the structural peculiarities of the gradational scale itself.

Поступила в редакцию 15.03.11

А.И. Смирнов

АКТАНТНАЯ МОДЕЛЬ
КАК МАКРОСТРУКТУРА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на примере анализа статей дискурса глобализации)

В статье приводится модель макроструктуры дискурса глобализации, полученная на основании результатов обработки текстов англоязычных аналитических СМИ. В основу данной разработки положена *актантная модель* А.Греймаса. В статье также рассматриваются характеристики референции, обнаруживаемые в семантике единиц номинации, занимающих разные актантные позиции в смысловой макроструктуре изученных текстов. Выявленные характеристики важны для исследования когнитивной интерпретации и восприятия дискурса глобализации, поскольку они позволяют спрогнозировать возможные политические действия реципиентов или их бездеятельность.

Традиционно в лингвистических исследованиях по синтаксической семантике *пропозиция* считается структурой, выражающей смысл предложения. В то же время некоторыми лингвистами *пропозиция* рассматривается в качестве ядра единиц разных уровней: от предложения и даже текста до простого слова. Объектом исследования в таком случае становятся результаты разной степени свертки или, напротив, развертывания пропозиции [1, с. 3; 2]. В свете существующего интереса к анализу дискурса актуальным и перспективным направлением лингвистического исследования, по нашему мнению, является изучение глубинной структуры идеологически маркированного текста, рассматриваемого с точки зрения разворачивания пропозициональных структур.

Учитывая историю изучения феномена (Д. де Траси, К. Маркс, Л. Альтюссер, А. Грамши, М. Фуко, В.Л. Акулов), под *идеологическим дискурсом* в нашем исследовании понимается лингвистический способ репрезентации идеологических взглядов, ценностей и ценностных

ориентаций в текстах, связанных едиными базовыми понятиями и отражающих окружающую действительность в соответствии с коренными, фундаментальными интересами определенной социальной общности. Поскольку идеологические взгляды и убеждения касаются, в первую очередь, социального взаимодействия в сфере политики, и д е о л о г и ч е с к и й д и с к у р с напрямую связан с политическим дискурсом и глубоко проникает в него. *Дискурс глобализации* является разновидностью идеологического дискурса неолиберализма¹. Примечательной особенностью исследуемого нами дискурса является то, что в нем ситуации политического взаимодействия описываются в терминах экономического дискурса [4]. В лексико-семантическом плане д и с к у р с г л о б а л и з а ц и и выстраивается вокруг доминантного понятия *globalization* в сочетании с маркерами неолиберального дискурса, обозначающими понятия, относящиеся к сфере экономики (*liberalization, privatization, deregulation, free market, company, profit, inflation*) и политики (*citizens, government, the Democratic Party, terrorists, the USA*). Сфера референции данных маркеров зачастую уточняется атрибутами типа *international, transnational, global*. В аналитических статьях СМИ Великобритании и США дискурс глобализации представлен корпусом текстов, объединенных тематически вокруг процесса, именуемого *g l o b a l i z a t i o n*.

Изучение семантики дискурса глобализации становится возможным с учетом достижений в современных исследованиях взаимодействия пропозициональных структур в рамках текста и дискурса. Согласно Г. Фреге, пропозиция характеризует элементарное высказывание, которое строится на элементарной пропозициональной функции $f(x, y)$, где f указывает на свойство некоторого индивида, аргументы x и y – на конкретного индивида [5]. В теории падежной грамматики, основы ее были заложены в трудах Ч. Филлмора, формируется понимание пропозиции как смысловой структуры предложения, выраженной падежными отношениями, которые устанавливаются между глаголом и его сопроводителями, актантами, реализующимися с помощью именных групп [6]. Проблема *изоморфизма* пропозиции и отражаемой ею ситуации оказывается трудноразрешимой для падежной грамматики. Решение данного вопроса, по нашему убеждению, обнаруживается в *композиционном синтаксисе*, который признает семантику предложения двухаспектной, включающей *сигнификативный* (пропозициональный) и *денотативный* (ситуативный) аспекты, считающиеся автономными [7, с. 89]. Согласно теории *композиционного синтаксиса*, помещение различных элементов ситуации в опреде-

¹ Идеология неолиберализма рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса и достижения социальной справедливости, возможных прежде всего на основе экономического роста, который измеряется валовым внутренним продуктом. Социальная концепция неолиберализма основана на рыночной интерпретации всех типов общественных связей: каждый человек рассматривается как свободный предприниматель, организующий собственную жизнь как предприятие, а каждое социальное взаимодействие – как контракт (акт купли-продажи) [3].

ленные аргументные места, и в первую очередь в позицию ведущего аргумента (агенса), создает особый способ представления, который отсекает часть ситуации, запрещает появление части имен, называющих отсеченные ситуативные роли, в аргументных позициях [7, с. 92].

В другом немаловажном для лингвистики когнитивном понимании пропозицией называется вневременная структура отношений, единицей которой являются не слова и классы слов, а соответствующие определенным отношениям смыслы и концепты [1]. По этому положению, пропозиция лежит в основе не только предложений, но и композитов, сложных слов [8], а также целых текстов. Изучение разворачивания пропозиции на уровне текста получает свое развитие в работах по семантике текста и дискурса. Т. ван Дейк называет семантическую структуру дискурса *макроструктурой*. Она выделяется посредством применения *макроправил* (обобщения, опущения, построения и селекции) к *макропропозициям*, выводимым, в свою очередь, из пропозиций уровня предложения [9, с. 7–8]. Тогда макроструктура текста не имеет принципиального отличия от пропозиции предложения. В то же время, принимая во внимание принцип количественно-качественных изменений, очевидно, что такое отличие должно иметь место. На это указывает сам Т. Ван Дейк, вводя понятие *суперструктуры*, частным случаем которой является, например, нарратив. Являясь организующим, или синтаксическим, компонентом дискурса, *суперструктуры* накладываются на содержательный компонент дискурса, т.е. на макроструктуры. В ряде разновидностей повествовательного дискурса, как в случае народных сказок, такое наложение является конвенциональным, регулярно повторяющимся. Как отмечает Т. ван Дейк, такая характеристика, с учетом частных особенностей, распространяется и на другие дискурсные формы – спор, рекламу, газетные сообщения, пропаганду или монографии по психологии [9, с. 16–18]. По нашему мнению, эта же особенность характерна и для идеологического дискурса.

Способность охватить все изложенные характеристики применительно к идеологическому дискурсу демонстрирует *актантная модель* повествовательного дискурса, предложенная А. Греймасом [10]. Данная *актантная модель* основывается на исследовании В.Я. Проппом глубинной структуры сказок как текстов, принадлежащих особой разновидности дискурса [11]. Принципы выделения смысловой структуры сказки В.Я. Проппом соотносимы с принципами выделения глубинных падежей в падежной грамматике. В.Я. Пропп выделяет в сказке постоянные и переменные величины. Постоянными величинами являются *функции*, или действия персонажей сказки, которые по сути являются обобщенными предикатами, регулярно повторяющимися от сказки к сказке. Количество *функций* в сказке ограничено, всего В.Я. Пропп насчитывает 31 функцию. Переменными величинами являются названия персонажей, или *именные группы*. Персонажи, в свою очередь, группируются и классифицируются по *кругам действий*, т.е. в зависимости от того, с какой функцией

они регулярно сочетаются (например, Даритель *передает* герою волшебное средство). В.Я. Пропп выделяет семь кругов действий: антагониста, дарителя, помощника, царевны, отправителя, героя, ложного героя. Посредством логического анализа А. Греймас обобщает классификацию В.Я. Проппа, сводя отношения кругов действий персонажей и 31 функцию сказки к трем типам контрадикторных отношений (S/-S) между шестью текстовыми актантами: *Субъект – Объект, Адресат – Адресант, Помощник/Вспомогательное средство – Противник*. Структурно данная модель может быть представлена следующим образом (рис. 1):

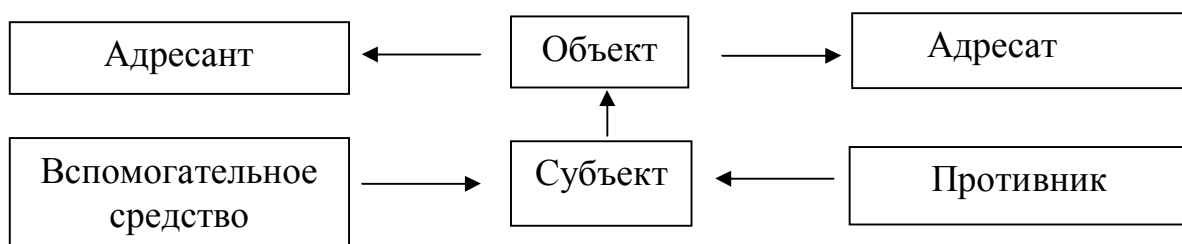

Рис. 1. Актантная модель А.Г. Греймаса

На уровне предложения данные текстовые актанты представлены пропозициональными актантами, выделяемыми при обобщенных функциях, или обобщенных предикатах – *complex predicates*, по Т.А. ван Дейку [9, с. 10] (таблица).

Понимаемая таким образом семантическая структура текста, или макроструктура, должна также быть двухаспектной, содержащей сигнификативную и денотативную стороны. Учитывая, что политический дискурс является базовым для идеологического дискурса и для дискурса глобализации, в частности, видится необходимым определить *типичную макроситуацию политического взаимодействия* социальных агентов. В рассматриваемом исследовании типичная макроситуация политического взаимодействия выводится на основании концепции политики американского политолога М. Урбана и определяется такими социологическими категориями¹, как *благо, одобрение, общество, компетентность*. Так, благо должны обеспечить сограждане, заявляющие о своей компетентности, действуя от имени конкретного общества, выражающего одобрение действиям своих избранных, оспаривающего или отвергающего эти действия на основании принципа законности [13, с. 8]. Таким образом, в типичной актантной модели политического дискурса текстовым актантам должны соответствовать следующие компоненты политической макроситуации (таблица).

¹ Категория – здесь и далее (от греч. *katēgoría* ‘высказывание, признак’), за исключением понятия *грамматическая категория* – фундаментальное научное понятие, выражающее всеобщие свойства и отношения познанных в результате обобщения и общественной практики явлений действительности [12].

Текстовые актанты

Текстовый актант	Предикаты	Актант пропозиции	Участник макроситуации	Примеры
Субъект	<i>реагирует</i> на просьбу или веление Адресанта; <i>совершает поиск</i> Объекта; <i>доставляет</i> Объект Адресанту или Адресату (<i>обеспечивает</i> Адресата или Адресанта Объектом); <i>борется с</i> Противником и <i>побеждает</i> его, <i>прославляется</i>	Агенс	политик; политическая партия; политическое движение; социальная группа; государство и иные политические институты	<i>The United States is investing heavily in clean technology. The Trade Union came up with a mutually beneficial solution for both the employees and the Board of Directors.</i>
Объект	<i>оказывается недостающим</i> для Адресата; <i>является предметом желания</i> Субъекта и Адресата; <i>является предметом поиска</i> Субъекта	Пациенс	общественное благо; материальные или духовные ценности, которые соответствуют коренным интересам граждан, социальной группы	Thanks to the effort of the Civil Rights activists <i>the franchise</i> was finally given to the African American citizens in the Southern States.
Адресат	<i>желает и получает</i> благо, добытое Субъектом; в описываемый момент <i>не обладает</i> Объектом	Бенефактив (+ или -)	граждане, социальная группа	<i>Homeless people in California are constantly denied their right of free movement.</i>
Адресант	<i>отправляет</i> Субъекта на поиски Объекта; <i>порукает</i> Субъекту выполнение миссии; <i>одобряет</i> или <i>осуждает</i> действия Субъекта	Агенс	граждане, государство, социальная группа	<i>University of California students approved of the Governor's decision not to expand State Budget cuts to the higher education.</i>

Вспомогательное средство	<i>помогает</i> Субъекту; <i>решает задачи</i> на пути к обладанию Объектом; <i>ускоряет</i> поиск Объекта; <i>ликвидирует</i> недостачу; <i>спасает</i> Субъекта; <i>преображает</i> Субъекта	Агенса или Инструмент	законы, государственные институты, граждане, социальные группы	Окончание табл. <i>The Democratic Party helped</i> Obama to pass the Healthcare Bill in the Congress.
Противник	<i>вредит</i> Субъекту; <i>борется с</i> Субъектом; <i>преследует</i> Субъекта; <i>претендует на</i> Объект; <i>создает</i> недостачу для Субъекта и Адресата	Агенса или Инструмент	политик, социальные группы, политические партии и иные политические институты с антагонистическими ценностями и установками	<i>Margaret Thatcher's privatization policies made</i> former public services <i>expensive</i> for a lot of common British citizens.

Очевидно, что выделяемые актанты макроструктуры текста качественно отличаются от актантных ролей пропозиции, поскольку они подразумевают необходимость учета экстралингвистических дискурсивных факторов, денотативной области политической макроситуации. Также очевидно, что основными актантными ролями пропозиции, важными для актантной модели идеологического дискурса являются *агенса, пациенс, инструмент, бенефактив*.

В качестве иллюстрации описания макроструктуры идеологического дискурса ниже приводится актантная модель дискурса глобализации, разработанная по результатам анализа общей выборки 85 аналитических статей электронных версий ведущих СМИ Великобритании и США. В корпусе статей, относящихся к периоду с 2007 г. по 2010 г., освещаются вопросы, связанные с процессом глобализации. Полученные результаты были выведены при помощи пропозиционального метода, контекстного метода, а также метода компонентного анализа. В процессе актантного анализа были установлены распределенные по шести текстовым актантам единицы номинации со следующими референциальными особенностями.

Субъект. В большей части проанализированного нами материала *Субъектом* актантной модели дискурса глобализации становятся знаки с абстрактной референцией. Здесь выделяем как единицы дискурса традиционного либерализма (*the West, democracy, the best of human spirit; the markets and the economy*), так и лексические маркеры дискурса глобализации (*globalization; genuinely global economic system; the globalized financial system; the strategic impact of globalization; the managers of globalization*). Для рассмотренных текстов также характерно использование в качестве

Субъекта лексических единиц с обобщенным значением, выраженным грамматической категорией множественного числа (*indigenous security forces; modern, moderate, mainstream forces in the Islamic world; political leaders; countries*). Такой способ номинации дает лишь обобщенное представление о возможных агентах, участвующих в социальной деятельности.

Проанализированным статьям присуща тенденция называть активного деятеля именами собственными, обозначающими названия государств и столиц, воспроизводя таким образом значение – ‘государство как агент внешнеполитических отношений’ (*the United Kingdom; the United States; Washington*); или обозначающими международные и национальные финансовые или политические институты, представители которых неподотчетны непосредственно гражданами государств (*the Federal Reserve and the Treasury; Bank of America; G-7; IMF; World Bank; ILO; World Trade Organisation*).

Таким образом, при описании социальной действительности глобализация подается реципиенту информации как объективный, естественный и никем не ограничиваемый процесс, а возможные заинтересованные общественные группы выводятся из фокуса внимания. Тем самым с них снимается ответственность за негативные последствия экономических и политических действий.

Объект. Основной характерной чертой единиц номинации в позиции текстового актанта *Объект* является их абстрактность, а также наличие положительных коннотаций, выражающих значение желательности процесса глобализации (*tolerance and liberty; religious tolerance; openness to others; democracy; liberty; human rights administered by secular courts; global values; the benefits of global growth; enhanced well-being; opportunities; free trade and free movement of capital*). Как следствие, текстовый актант *Объект* в дискурсе глобализации не отражает реальные цели и задачи, стоящие перед конкретным обществом или социальной группой. Абстрактность *Объекта* воспроизводит для реципиента виртуальный мир идей и ценностей, переводя дискурс в мифическое измерение.

Обращает на себя внимание наличие в позиции текстового актанта *Объект* языковых маркеров таких концептуальных метафор (в терминологии теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона), как метафора ресурсов (*values in the common ownership of humanity*), персонификации (*global growth and prosperity*), болезни (*global recovery; the long-term health of the global economy; keeping the banks healthy*), механизма (*a coordinated global regulatory system; orderly and managed process of international migration; smooth and effective functioning*). Указанные метафоры способствуют программируемой интерпретации описываемых в дискурсе процессов как естественных, самостоятельно развивающихся и требующих специальных компетенций для их регулирования.

Адресант и Адресат. В позициях текстовых актантов *Адресант* и *Адресат* преобладают единицы номинации, обозначающие названия

государств и народов. При этом в одном ряду зачастую представлены государства, не имеющие общих интересов в политической или экономической сфере (*people live in fear in Myanmar, North Korea, Sudan, or Zimbabwe; New York, India, Indonesia, Kenya, Libya, Pakistan, Russia, Saudi Arabia, Yemen, Algeria, Chechnya and Kashmir*). Такое расположение единиц номинации призвано актуализовать семантику всеобщности и глобальной значимости описываемых событий, а также оправдать действия, постулируемые автором как объективно необходимые.

В рассмотренных текстах в позициях *Адресант* и *Адресат* наблюдается систематическое присутствие единиц номинации с обобщенным значением (*people; future generations; developing countries; societies that have been left behind; the world's poor; the poor, the asset-less, illiterate and unskilled workers, and indigenous peoples; developing countries*) либо с абстрактной референцией (*global economy; a globally interconnected world; the world's future; global markets*). Появление таких единиц в указанных позициях способствует порождению смысла, в соответствии с которым стимулом деятельности *Субъекта* выступают интересы не конкретных социальных групп, а неких обобщенных и размытых социальных объединений.

Вспомогательное средство. В позиции текстового актанта *Вспомогательное средство* наиболее часто оказываются единицы номинации с обобщенным значением, выраженным грамматически при помощи маркеров множественного числа (*multinational forces; a package of regulatory reforms; tougher rules; safeguards and regulation to avoid a new crisis; fairer trade agreements; economic and social institutions*). Вторая группа лексических единиц здесь представлена словами и словосочетаниями, не имеющими конкретной референции (*policy of engagement; a clear goal and a strong framework; financial globalization*). Эти средства способствуют созданию неточного, размытого образа происходящих политических и экономических процессов.

Противник. Группа номинации текстового актанта *Противник* – самая репрезентативная для проанализированных статей. Она включает большее количество единиц в сравнении с другими группами и представлена широким диапазоном средств выражения значения. Объяснением этому служит такой системный признак политического дискурса как агональность [5, с. 150].

Во-первых, данная актантная группа содержит максимальное количество единиц, имеющих конкретную референцию. Целью употребления в позиции текстового актанта *Противник* единиц номинации с конкретной референцией является создание четкого негативного образа оппонизирующих социальных групп через использование лексики с отрицательными экспрессивными и оценочными коннотациями. Так, среди выделенных имен собственных, присутствуют: а) названия террористических организаций, движений и их лидеров: *Taliban or Saddam Hussein; A.Q. Khan's nuclear weapons network; the terrorist acts of Hezbollah in Lebanon*; б) географические названия:

terrorism in Madrid, or London, or Paris; Palestinian Islamic Jihad in the Palestinian territories, or rejectionist groups in Iraq; в) названия институтов государственного регулирования: *the Congress; Britain's Financial Services Authority; the Fed.*

Во-вторых, наряду с единицами номинации, имеющими конкретную референциальную соотнесенность, здесь представлены маркеры дискурса глобализации с абстрактным значением (*global extremism; global poverty; a collapse of the global economy; a sharp retreat in financial globalization*), а также лексические единицы с обобщенным значением и негативной экспрессивностью (*variations of protectionism; negative effects of globalization; enterprises that remain dependent on the national economy; limited markets*). Результатом подобной репрезентации ситуации конфликта становится концептуализация оппонированной стороны не как социального агента, имеющего определенные интересы, а как объективно существующий источник зла.

Таким образом, можно заключить, что актантная модель дискурса А. Греймаса, основанная на структурно-семантической модели волшебной сказки В.Я. Проппа, может рассматриваться в качестве модели макроструктуры идеологического дискурса. В целом в данной модели учитываются положения современной теории пропозиции, падежной грамматики, композиционного синтаксиса и семантики текста. Естественно, предлагаемая модель требует подкрепления результатами более обширного эмпирического исследования, однако уже на данном этапе можно утверждать, что данная модель способствует выделению компонентов семантической структуры идеологического дискурса и их соотнесению с моделью политической макроситуации. В результате проведенного нами изучения аналитических статей, посвященных вопросам процесса глобализации, в англоязычных СМИ было установлено, что практически во всех позициях текстовых актантов наблюдается преобладание единиц номинации с обобщенным значением либо с абстрактной референцией, что способствует отражению ситуации как не зависящей от воли реальных социальных агентов. Лишь в текстовой актантной позиции *Противник* доминируют лексемы с конкретной референцией и негативными экспрессивными компонентами лексического значения, что способствует предвзятому описанию политической макроситуации. Выявленная модель демонстрирует, что дискурс глобализации не является репрезентацией рационального политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкрац, Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней / Ю.Г. Панкрац. – Минск ; М. : МГПИИЯ, 1992. – 112 с.

2. Кубрякова, Е.С. Производное как особая единица системы языка / Е.С. Кубрякова // Теория языка, англистика, кельтология. – М. : Наука, 1976. – С. 76–83.
3. Неолиберализм // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Неолиберализм>. – Дата доступа : 18.08.2010.
4. Fairclough, N.L. Blair's contribution to elaborating a new 'doctrine of international community' / N.L. Fairclough // J. of Language and Politics. – 2005. – Vol. 4, № 1. – P. 41–63.
5. Фреге, Г. Понятие и вещь / Г. Фреге // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. под ред. В.А. Успенского. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – Вып. 35; – С. 380–396.
6. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. ст. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 369–495.
7. Богушевич, Д.Г. Денотативные области и их отражение в предложении / Д.Г. Богушевич // Функционирование и развитие языковых систем : сб. науч. ст. / МГПИИЯ ; под общ. ред. А.П. Клименко. – Минск : МГЛУ, 1990. – С. 89–94.
8. Кубрякова, Е.С. Типы пропозитивных (падежных) значений как параметры сопоставления языков / Е.С. Кубрякова // Типы языковых общностей и методы их изучения : материалы III Всесоюз. конф. по теорет. вопр. языкознания. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1984. – С. 81–83.
9. Dijk, van T.A. Semantic Macro-Structures and Knowledge Frames in Discourse Comprehension / T.A. van Dijk // Cognitive Processes in Comprehension ; eds. M.A. Just, P.A. Carpenter. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. – P. 3–32.
10. Greimas, A.J. Structural Semantics / A.J. Greimas. – Lincoln : Univ. of Nebraska Press, 1983. – 325 p.
11. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
12. Категория // Краткий словарь современных понятий и терминов. – 2-е изд. / под общ. ред. В.А. Макаренко. – М. : Республика, 1995. – С. 174–175.
13. Urban, M. Cultures of Power: Political Discourse in Post-Communist Russia / M. Urban. – Cambridge : Cambridge Univ/ Press, 2010. – 240 p.

The article presents a model of the globalization discourse macrostructure based on A. Greimas' *actantial model*. Besides, the article also deals with the reference features of the naming units which occupy different slots in the semantic structure of the analyzed texts. The revealed features bear importance for the cognitive study of the globalization discourse interpretation and perception since they enable the analyst to predict the recipients' possible political actions or their inactivity.

Поступила в редакцию 04.02.11

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

О.А. Борисевич

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ТЕРМИН
КАК СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
ЭККЛЕЗИОНИМОВ БЕЛАРУСИ

В статье рассматриваются структурные особенности наименований культовых объектов Беларуси, которые принято называть *экклезионимами*. Большое внимание уделяется обязательному компоненту данного вида онимов – *номенклатурному термину*, который может состоять из одного слова или представлять целый терминологический блок. Во втором случае *номенклатурный термин* выражен простым или сложным словосочетанием с разными видами отношений между словами. Проанализированы наименования культовых сооружений всех конфессий, находящихся на территории современной Беларуси. Особым многообразием номенклатурных терминов отличается православная *экклезионимия*. Это объясняется экстралингвистическими факторами: наиболее ранним появлением православия по сравнению с другими религиями в нашей стране, многообразием культовых объектов данной конфессиональной группы. В отличие от *урбанонимии*, где номенклатурный термин выполняет чисто конструктивную роль и никогда не превращается в имя собственное, в *экклезионимии* апеллятив может онимизироваться.

В пределах языковой системы структура *экклезионима*, как и *урбанонима*, не может состоять менее чем из двух компонентов, одним из которых является *номенклатурный термин* (родовой термин, термин-индикатор, географический апеллятив, стержневое слово и др.) – *храм, церковь, часовня, собор* и т.п., – выполняющий в основном конструктивную роль, однако, в отличие от *урбанонимов*, в некоторых случаях превращающийся в имя собственное.

Целью данной статьи является анализ номенклатурных терминов (НТ), входящих в названия культовых объектов Беларуси разных конфессий.

Поскольку наиболее значимыми и приметными объектами молодых городов были культовые сооружения, то первыми зафиксированными памятниками письменности *урбанонимами* явились *э к к л е з и о н и м ы* и формирующие их термины *церковь, монастырь, храм* [1, с. 47].

Номенклатурный термин в *экклезионимии* может состоять из одного или нескольких слов. Во втором случае он представляет собой словосочетание с различными отношениями между словами. Однословные номенклатурные термины – *церковь, храм, собор, часовня, монастырь, синагога, мечеть, костел* и др. Многословные номенклатурные термины – *кафедральный собор, евангельская церковь, церковь евангельских христиан баптистов* и др.

В связи с тем, что православное население превалирует в Республике Беларусь, число православных культовых сооружений является преобладающим. Это приводит к разнообразию номенклатурных терминов, самыми распространенными из которых являются *храм, церковь, собор, кафедральный собор, монастырь, часовня, пустынь, скит* (табл. 1).

Номенклатурные термины,
входящие в состав православных экклезионимов Беларуси

Номенклатурный термин	Количество экклезионимов	% от общего числа экклезионимов
храм	965	87,3
часовня	73	6,5
собор	14	1,3
кафедральный собор	14	1,3
женский монастырь	10	0,9
крестильный храм	8	0,7
домовой храм	7	0,6
мужской монастырь	3	0,3
храм-часовня	2	0,2
домовая церковь	2	0,2
ставропигиальный мужской монастырь	2	0,2
криптовый храм	1	0,1
нижний храм	1	0,1
крестильная церковь	1	0,1
ставропигиальный женский скит	1	0,1
мужская пустынь	1	0,1
Всего	1105	100

Одним из самых древних и, как видно из табл. 1, продуктивных терминов, функционирующих в структуре православных экклезионимов Беларуси, является *храм*. По словарю-справочнику «Православие», *храм* – ‘здание, которое посвящено Богу и предназначено для молитв и проведения богослужений’ [2, с. 886]: *храм в честь Святой Троицы* (г. Слоним Гродненской обл., 2009) и др. Слово *храм*, по данным исследователей, заимствовано из церковнославянского языка (*храмъ*), где оно обозначало ‘деревянное строение’ [3. Т. 4, с. 265], при наличии исконно русского слова *хоромъ* ‘дом’ [4, с. 481]. В современном русском языке слово *храм* употребляется в двух значениях. В качестве НТ используется в первом значении ‘здание для богослужения, церковь’. Согласно словарю С.И. Ожегова, слово *хоромы* «в старину на Руси: большой жилой дом богатого владельца», в скобках дано примечание: первоначально – вообще жилой дом [5, с. 867]. В энциклопедии, посвященной славянам, также упоминается о близком родстве слов *хоромы* и *храм*, включенных в один синонимичный ряд с лексемами *хоромъ*, *хоромина* и *храмина* и т.п., обозначающими дом, комнату, вместилище и чуть ли не в последнюю очередь – помещение для богослужесных целей. «Да и само слово “храм”, имеющее для нас сегодня в основном один смысл, в древности охватывало довольно много значений, главным из которых было опять-таки “дом”, “комната”. Если в древней летописи сказано о человеке,

что он “вошел в храм”, подразумевалась совсем не обязательно церковь. Это мог быть просто жилой дом, либо то или иное помещение в доме, а также сокровищница, торговая лавка, шатер и даже ... харчевня: “корчевный храм”...» [6, с. 158–159]. Перенос значения ‘дом’ на слово *храм* среди славян привело к предпочтительному употреблению данного НТ (965 экклезионимов) по сравнению с НТ *церковь* и созданию с его помощью терминологических блоков *крестильный храм, домовый храм, криптовый храм* и т.п.

В современном русском языке слово *церковь* имеет два значения: ‘объединение последователей той или иной религии, организации, ведающая религиозной жизнью и соответствующим культом; религиозная община’ и ‘православный храм’ [5, с. 875]: *Петропавловская церковь* (д. Волпа Гродненской обл., 2009), *Свято-Михайловская церковь* (д. Черяя Витебской обл., 2009) и др. По своему происхождению слово *церковь* представляет собой форму винительного падежа единственного числа от *цьркы* ‘церковь’. Имя существительное *цьркы* является, вероятно, заимствованием через посредство готского языка из греческого (греч. *kyriakon* ‘церковь’ из *kyriakon* ‘(здание) господнее’, суффиксальное производное от *kyrios* ‘господь’). Слово пережило на славянской почве изменение *к* в *ц* [4, с. 485]. Православный словарь-справочник [2] и энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [7] дают лишь одно толкование слова *церковь* как общества людей, соединенных единством вероучения. Можно предположить, что второе значение появилось у слова в результате метонимического переноса и закрепилось в речевой практике и письменных источниках. Апеллятив *церковь* является составной частью терминологических блоков *домовая церковь* и *крестильная церковь*.

В разговорной речи превалирует номенклатурный термин *церковь*, в языковой системе – *храм*.

Собор – главный христианский храм города или монастыря, где совершает богослужение высшее духовное лицо (патриарх, епископ, архимандрит) [2, с. 803]: *Свято-Воскресенский собор* (г. Брест, 2009) и др. Слово *собор* заимствовано из церковнославянского языка, в котором первоначально имело значение ‘собрание (духовенства)’ [3. Т. 3, с. 704]. Предположительно, это словообразовательная калька греческого *synagōgē* [4, с. 419]. В современном русском языке слово полисеманлично, в качестве НТ используется его второе значение ‘главная или большая церковь в городе, в монастыре’; первоначальное значение дается как устаревшее. На территории Беларуси 14 объектов формируют названия с помощью НТ *собор*, что составляет 1,3 % от всех православных культовых сооружений.

Кафедральный собор – главный храм в епархии, в котором постоянно находятся архиерейский амвон и архиерейская кафедра [2, с. 471]: *кафедральный собор во имя Святого Преподобного Симеона Столпника* (г. Брест, 2009) и др. Слово *кафедра* с греческого языка переводится как ‘сидение’ и обозначает ‘седалище епископа в храме’, отсюда церковь с престолом епископа называется кафедральной [7, с. 285].

В современном русском языке имена существительные *храм*, *церковь*, *собор* являются многозначными. Все три номинации имеют одно общее значение – ‘здание для богослужения’. Наиболее близки по семантике существительные *церковь* и *храм*, которые могут свободно взаимозаменяться. Контекстуальная семантика данных лексем не совпадает лишь в отдельных устойчивых словосочетаниях: *больничный храм*, *кладбищенская церковь*, *домовая церковь*. Существительное *собор* может заменяться словами *храм* и *церковь* только в одностороннем порядке, так как *собор* – не любой, а главный храм города, поэтому не всякий храм и церковь будут собором, но любой собор можно назвать храмом. Более того, названия *собор*, *церковь*, *храм* отличаются также денотатами: *собор* – это всегда отдельное, самостоятельное здание, а *церковью* или *храмом* может называться и помещение, комната в каком-либо здании, даже временная палатка, вагон, предназначенные для проведения богослужения.

В речевой практике номенклатурные термины *собор* и *кафедральный собор* заменяются индексатором *церковь*, так как для простых верующих данные отличия являются неважными.

Часовня – малый храм без алтаря, предназначенный не для литургии, а для богослужений суточного круга, в частности часов, откуда и происходит его название. Кроме того, в часовне могут совершаться молебные пения и другие требы. Строится часовня в память духовно значимых исторических событий, в местах явления чудотворных икон, у святых источников [2]: *часовня во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского* (д. Поддубное Брестской обл., 2009) и др.

Монастырь с греч. ‘жилище монахов’ – община монахов, имеющих единый устав, а также комплекс богослужебных, жилых, хозяйственных построек, принадлежащих (или принадлежавших) общине монахов. *Ставропигиальный монастырь* подчиняется непосредственно патриарху. Данное название (с греч. ‘крестоутвержденный’) обусловлено тем, что крест в главном храме такого монастыря, находящийся позади престола, водружали лично патриархи [2]. В речи номенклатурный термин *монастырь* ономизируется. В языковой системе – это словосочетание с обязательным указанием, женская это обитель или мужская: *Варваринский женский монастырь* (г. Пинск Брестской обл., 2009) и др.

Скит – жилище отшельников, вполне самостоятельное или достаточно автономное в рамках монастыря. Жизнь в скиту представляет собой среднюю форму монашеского подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит состоит обычно из 2–3 келий, в которых иноки живут по отдельности, но сохраняют общность имущества, труда и пропитания. Слово *скит* происходит от названия одного из пустынных мест в Египте, в котором в IV–V вв. были уединенные поселения монахов [2]: *Свято-Введенский ставропигиальный женский скит* (д. Богуши Гродненской обл., 2009) и др.

Пустынь – монастырь или скит, находящийся (или изначально построенный) в отдаленном пустынном месте [2]: *Спасо-Преображенская*

мужская пустынь (д. Хмелево Брестской обл., 2009) и др. Слово заимствовано из старославянского языка (*поустыни*), где обозначает ‘монашеская обитель’ [3. Т. 3, с. 411].

Номенклатурные термины, используемые для номинации католических культовых сооружений, немногочисленны: это *костел*, *каплица*, *монастырь* (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Номенклатурные термины,
входящие в состав католических экклезионимов Беларуси

Номенклатурный термин	Количество экклезионимов	% от общего числа экклезионимов
костел	308	77,4
каплица	53	13,3
монастырь	32	8
каплица-усыпальница	5	1,3
Всего	398	100

Костел – польское название католического храма [5]: *костел Святого Антония из Падуи* (г. Витебск, 2009) и др. Это самая многочисленная, с точки зрения НТ, группа католических экклезионимов.

Каплица – небольшое культовое сооружение, не имеющее отдельного помещения для алтаря. Строились преимущественно в честь какого-либо события церковной либо государственной жизни [8]: *каплица Наисвятейшей Девы Марии Ружанцевой* (д. Белица Гродненской обл., 2009) и др. Согласно М. Фасмеру, слово *каплица* обозначает ‘часовня’ и пришло через польский язык (*kaplica, kapliczka*) из латинского *capella*, где первоначально обозначало ‘плащ святого Мартина’, – затем ‘посвященные ему молельни’ [3. Т. 2, с. 186].

Монастырь принадлежал какому-либо ордену (*монастырь францисканцев* (г. Гродно, 2009), *монастырь бернардинцев* (г. Гродно, 2009)).

Старообрядческие экклезионимы включают в себя следующие номенклатурные термины: *церковь*, *храм*, *поморская церковь*, *древлеправославная поморская церковь*, *храм древлеправославной поморской церкви*, *церковь храма Русской православной старообрядческой церкви*: *древлеправославная поморская церковь в честь Святителя Христова Николая* (г. Витебск, 2009) и др., причем одно и то же название в разных источниках фиксируется неодинаково.

Номенклатурный термин протестантских экклезионимов представляет собой развернутое словосочетание: *церковь евангельских христиан*, *церковь евангельских христиан баптистов*, *христианская церковь*, *церковь христиан веры евангельской*, *церковь христиан полного Евангелия*, *евангельская церковь*, *церковь христиан адвентистов седьмого дня*. Например, *церковь христиан веры евангельской «Вознесение»* (г. Пинск Брестской обл., 2009).

Это объясняется попыткой выделить культовое сооружение из числа других христианских храмов. Как видно из примеров, терминологический блок отражает отнесенность названия к церкви того или иного ответвления протестантизма и семантически в официальных документах включает в себя наименование конфессии. В речи номенклатурный термин может онимизироваться. Среди прихожан особой популярностью пользуются индексы *церковь, храм, молитвенный дом*, для людей иной веры – *баптистская церковь, сектантская церковь*.

Синагога – иудаистский храм [5, с. 717]. Здание синагоги выполняет целый ряд функций: в нем проходят занятия, молятся, оно также служит местом для сбора всей общины. *Synagoge* – формальное совещание или собрание, а не здание. Только после разрушения Второго Храма в 70 г. н. э. в Палестине иудеи смогли быть собраны под одной крышей специально отведенного для этого сооружения. Чаще всего в речи номенклатурный термин онимизируется. Например, *Синагога в Быхове* (г. Быхов Могилевской обл., 2009).

Те же процессы происходят и с экклезионимами – наименованиями *мечетей*, мусульманских храмов [5, с. 354]. Например, *Мечеть в Слониме* (г. Слоним Гродненской обл., 2009). Массовое поселение татар на территории Беларуси относится к началу XIV в. (в 1316 и 1319 гг. татары участвовали в битвах Гедимины с Тевтонским орденом). В это же время стали появляться первые мечети. Слово *мечеть* происходит от арабского слова *масджид*, слово *масджид*, в свою очередь – от слова – *суджуд* ‘земной поклон’, т.е. это место, на котором молятся, пять раз днем и ночью, и где, соответственно, происходит призыв к молитве – азан. Если мечеть большая и вмещает большое количество людей, то она называется *Джами'а*, т.е. соборная. Кроме этих двух номинаций, есть слово *мусалла* – место, где совершается молитва. Обычно это может быть отдельно взятая комната или помещение в любом здании (общежитии, учреждении). Согласно мусульманскому преданию из Корана, Кааба является первым домом, связанным с поклонением. На территории современной Беларуси действующими являются семь мечетей.

Таким образом, каждый вид экклезионимов имеет свои структурные особенности. Отличительной чертой, сближающей их с урбанонимами, является обязательное наличие материально выраженного номенклатурного термина, который может быть представлен одним словом или целым терминологическим блоком. В разговорно-речевой практике, а также в письменных источниках номенклатурный термин может онимизироваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мезенко, А.М.* Урбанонимия Беларуси / А.М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.

2. Православие: словарь-справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ДАРЪ, 2007. – 960 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1987. – 2926 с.
4. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / Н.М. Шанский и др. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. Семенова, М. Мы – славяне! Популярная энциклопедия / М. Семенова. – СПб. : Издат. Дом «Азбука – классика», 2007. – 560 с.
7. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М. : Эксмо, 2003. – 592 с.
8. Кулагін, А.М. Каталіцкія храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А.М. Кулагін. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2001. – 216 с.

The article deals with names of religious buildings of the Republic of Belarus. *Nomenclature terms* are analyzed in ecclesionyms of different religious groups.

Поступила в редакцию 15.03.11

Н.У. Чайка

ЭЛІПТЫЧНЫЯ КАНСТРУКЦЫІ ЁСКЛАДНЕНАЙ БУДОВЫ

У артыкуле прааналізаваны сінтаксічная канструкцыі з эліпсісам дзеяслова. Вызначаны сродкі пашырэння і ўскладнення сінтаксічнай структуры сказа, якія выступаюць у якасці структурна-семантычнага паказчыка. Выяўлены сінтаксічныя сувязі і адносіны, на аснове якіх ажыццяўляецца рэалізацыя семантыкі канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Таксама вызначаны моўныя механізмы, што рэгулююць функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Сродкі пашырэння і ўскладнення структуры сказа адкрываюць новыя сінтаксічныя пазіцыі, якія могуць запаўняцца лексемамі, што стварае спрыяльныя ўмовы для функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Канструкцыі з *эліпсісам дзеяслова* вивучалі ў межах структурнай сінтаксічнай школы. Ужо даследаваны наступныя аспекты праблемы эліпсіса:

- ✓ размежаванне з'яў сінтаксічнага нуля і эліпсіса (А.Я. Сядзельнікаў, Л.І. Бурак, J. Panenova, K. Kearns, A. Wilhelm, M. Lehman і інш.);
- ✓ вызначэнне інварыянтных сінтаксічных мадыфікацый (у тым ліку і эліптычных) (В. Вардуль, А. Ісаева, W. Müller, A. Corr, S. Dentler і інш.);
- ✓ кваліфікацыя эліпсіса, рэдукцыі і збыткоўнасці як з'яў аднаго парадку (А.У. Грудзева, J. Jose, S. Dentler і інш.);
- ✓ эліптычныя канструкцыі ў параўнальным аспекце (W. Lechner, M. McShane, J. Merchant, A. Uniszewska і інш.);

- ✓ параўнальнае даследаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў рускай, польскай і чэшскай мовах (М. McShane і інш.);
- ✓ эліпсіс і дэтэрмінацыя (Е.М. Шыраеў, В.С. Грыгор’ева, Т.І. Мунгалава і інш.).

Нягледзячы на значную колькасць такіх прац, многія важныя пытанні не закраналіся ў працах вучоных. Спецыяльнага вывучэння патрабуюць структурна-сінтаксічныя ўмовы функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Тэорыя *інварыянтных структур* [1; 2; 3; 4; 5 і інш.] дала магчымасць вызначыць зыходныя мадэлі эліптычных сказаў. Аднак пры гэтым не атрымалі вывучэння сістэмныя фактары функцыянавання названых канструкцый. Адсутнасць дзеяслова ў аналізуемых канструкцыях часта надае ім неадназначны характар. Таму патрабуюць вывучэння сінтаксічныя сродкі рэалізацыі семантыкі ў канструкцыях з эліпсісам дзеяслова – паказчыкі семантыкі. Пажадана выявіць узроўні арганізацыі сінтаксічных адзінак, да якіх належаць паказчыкі семантыкі. Да таго ж у мовазнаўстве не атрымала вывучэння пытанне пра сінтаксічныя адносіны, на аснове якіх рэалізуецца структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне паміж сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка і паказчыкам семантыкі, і сінтаксічныя сувязі, пасрэдніцтвам якіх названая паказчыкі ўводзяцца ў сказ. Моўныя механізмы кампенсуюць эліпсіс дзеяслова іншымі сродкамі і гэтым самым рэгулююць функцыянаванне канструкцый з эліпсісам дзеяслова. Л.І. Бурак лічыць, што “кіраванне традыцыйна лічыцца адным з відаў сінтаксічнай сувязі, фармальным спосабам уключэння назоўнікаў у сінтаксічныя пабудовы” [6, с. 378–379]. Семантычнае ўзгадненне і спалучаецца, на думку даследчыка, могуць рэалізавацца на базе фармальнага кіравання [6, с. 159]. Аднак намі выяўлены выпадкі, калі сэнсавае ўзгадненне і спалучальнасць рэалізуецца на аснове іншых сінтаксічных сувязей і адносін (не толькі кіравання) і пры дапамозе іншых структурных кампанентаў (не толькі семантычных) – сродкаў ускладнення і пашырэння структуры сказа, прэдыкатыўных частак складанага сказа, парцэляваных канструкцый, кампанентаў у структуры звышфразавога адзінства і інш. Мэта артыкула – прааналізаваць сродкі пашырэння і ўскладнення сінтаксічнай структуры канструкцый з эліпсісам дзеяслова; выявіць структурна-сістэмныя механізмы функцыянавання канструкцый з эліпсісам дзеяслова.

Назіраюцца адзінкавыя выпадкі, калі ў структуру *эліптычнай канструкцыі* ўваходзіць параўнальны зварот. Структурна-сэнсавае ўзаемадзеянне эліпсаванага дзеяслова і параўнальнага зварота ажыццяўляецца толькі пры наяўнасці скрытай прэдыкатыўнасці і адсутнасці паралельных кампанентаў, што параўноўваюцца. У такім выпадку параўнанне ўказвае на спосаб дзеяння і можа спалучацца з дзеясловамі абмежаванай семантыкі. Патрабуюць вызначэння ўмовы структурна-сэнсавага ўзаемадзеяння параўнальных зваротаў з сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка, а таксама іх структурная арганізацыя.

Скрытая прэдыкатыўнасць параўнальных зваротаў заключаецца ў тым, што параўнальны зварот звязваецца не з асобнымі словаформамі, а са зместам усяго астатняга сказа: *Вясковы люд – у бок царквы, як на пажар* (З. Бядуля); *Вясновы гай – птушкамі, нібы вясельнымі скрыпкамі* (М. Васілёнак); *У вясновым небе – жаўрукі, як срэбныя званочки* (Я. Брыль). У такіх сказах эліптычная канструкцыя, дзякуючы параўнальнаму звароту, успрымаецца як цэласная сітуацыя, параўн.: *Вясковы люд бяжыць у бок царквы, як на пажар бяжыць*, або *Вясновы гай пяе птушкамі, нібы пяе вясельнымі скрыпкамі*, ці *У вясновым небе звяняць жаўрукі, як звяняць срэбныя званочки*. Прэдыкатыўны кампанент у такіх канструкцыях мае скразны характар – адносіцца адначасова да асноўнай і да параўнальнай частак канструкцыі.

Уласнае параўнанне, што ўласціва канструкцыям з эліпсісам дзеяслова, фарміруе двунакіраваную сувязь – адносіць увесь зварот да выказніка: *Воблакі – над зямлёю, нібы белыя гускі* (Я. Брыль); *Знізу не відаць, што на іх, за грэбнем. А стуль усё – як на далоні. Берагі блізка – нейкія тры крокі ў бакі* (І. Мележ). Адсутнасць паралельных кампанентаў “прымушае” параўнанне ўступаць ва ўзаемадзеянне з дзеясловам.

Скрытая прэдыкатыўнасць можа рэалізавацца ў тоеснай семантыцы прэдыката: *У полі – снапы, што салдаты* (Я. Брыль); *У лесе – дрэвы, як цымбальныя струны* (І. Канановіч). У падобных сказах параўнальныя звароты маюць сэнсавую ўзаемаабумоўленасць з эліпсаваным выказнікам і таму вызначаюць кола лексем, што могуць замяшчаць пазіцыю выказніка.

Нярэдка скрытая прэдыкатыўнасць параўнальнага зварота падразумявае выкарыстанне дзеяслова з пераносным значэннем, аднак семантыка эліптычнай канструкцыі пры гэтым выразная: *Дзятлік еты і Глушак. Як каршакі, следавацельна, удваіх – каля адной* (І. Мележ); *Сонца за Нёманам – як праз закапцелае шкло* (Я. Брыль).

Часам скрытая прэдыкатыўнасць рэалізуецца ў канструкцыях з кантэкстуальным эліпсісам. Прычым у падобных сказах назіраюцца паралельныя кампаненты – прадмет параўнання. Узаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і прадметам параўнання найбольш моцнае, а паміж эліпсаваным выказнікам – паслабленае: *На зайдрасць усім жыць будзем! Удваіх – дружна, шчасліва, як ніхто* (І. Мележ).

Як паказалі даследаванні, назіраюцца адзінкавыя выпадкі эліптычных канструкцый з параўнальнымі зваротамі – са скрытай прэдыкатыўнасцю і адсутнасцю паралельных кампанентаў (29 %), з адсутнасцю скрытай прэдыкатыўнасці і паралельных кампанентаў (34 %), з адсутнасцю скрытай прэдыкатыўнасці і наяўнасцю паралельных кампанентаў (37 %). Аднак структура-сэнсавое ўзаемадзеянне магчыма толькі паміж сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка і параўнальным зваротам пры наяўнасці скрытай прэдыкатыўнасці і адсутнасцю паралельных кампанентаў. Такія сінтаксічныя ўмовы дазваляюць акрэсліваць кола лексем, якія могуць замяняць сінтаксічную пазіцыю эліпсаванага выказніка.

Структура параўнальных зваротаў не вызначаецца разнастайнасцю: гэта пераважна адзіночныя развітыя або неразвітыя параўнанні, звязаныя са сказам параўнальнымі злучнікамі.

Параўнальны зварот можа ўзаемадзейнічаць з сінтаксічнай пазіцыяй выказніка толькі пры ўмове, калі набывае скрытую прэдыкатыўнасць і калі адсутнічаюць паралельныя кампаненты. Натуральна, што такая прэдыкатыўнасць не самастойная: параўнальны зварот не мае самастойных прэдыкатыўных катэгорый, яны спраектаваны на выражаную прэдыкатыўнасць асноўнай часткі сказа. Аднак скрытая прэдыкатыўнасць падразумявае не толькі агульны прэдыкатыўна-катэгарыяльны план асноўнай часткі сказа і параўнання, але і тоесную семантыку іх прэдыкатаў. Атрымліваецца, што скрыты прэдыкат у параўнальным звароце больш выразны, напрыклад: *што салдаты стаяць, як цымбальныя струны звiняць*. Значэнне эліпсаванага дзеяслова рэалізуецца на аснове семантычнай тоеснасці скрытай і эліпсаванай прэдыкатыўнасці. Адсутнасць паралельных кампанентаў падразумявае прамое структурна-сэнсавое ўзаемадзеянне эліпсаванага дзеяслова з параўнаннем.

Такім чынам, параўнальная сувязь пры наяўнасці скрытай прэдыкатыўнасці з'яўляецца базай для ўзаемадзеяння кампанентаў эліптычнага сказа, што абумоўлена структурна-сэнсавымі механізмамі. Аднак гэтыя выпадкі назіраюцца выключна рэдка (3 % ад агульнай колькасці фактычнага матэрыялу).

У творах мастацкай літаратуры і публіцыстыцы назіраюцца выключна рэдка выпадкі, калі ў структуру эліптычнага сказа ўваходзяць *звароткі*. Інтрадуктыўная сінтаксічная сувязь з'яўляецца паслабленай, і таму паміж эліпсаваным дзеясловам і звароткам ажыццяўляецца нязначнае сэнсавое ўзаемадзеянне. Паслабленае сэнсавое ўзаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і звароткам не здольна вызначыць лексіка-семантычную групу дзеяслова. Паказчыкам семантыкі ў эліптычных канструкцыях са звароткам выступаюць кампаненты з акалічнасным і аб'ектным значэннем, а звароткі ў некаторых выпадках толькі канкрэтызуюць дзеяслоўную лексему ўнутры лексіка-семантычнай групы: *Хутчэй да нас, птушкі, чародамі доўгімі!* (А. Бажко). Зваротак здольны аддыферэнцыраваць дзеянне, уласцівае адушаўленаму або неадушаўленаму суб'екту: *Ты, наша песня, – ад вёскі да вёскі* (П. Броўка).

Звароткі ў эліптычных сказах зрэдку адмяжоўваюць семантычныя функцыі кампанентаў, напрыклад, аб'екта і лакатыва: *Я – да цябе ізноў, мой Нёман родны* (ЛіМ); *Я – да цябе, Мікола. З просьбай* (Г. Каржанеўская). Зваротак і парцэляваная канструкцыя выконваюць функцыю структурна-семантычнага паказчыка.

Звароткі могуць указваць на няпэўную асобу, і ў такім выпадку яны могуць выражацца і іншымі формамі – назоўнікамі ў форме ўскосных склонаў з прыназоўнікамі, якія змяшчаюць пры сабе і імператыўныя выклічнікі: *Гэй, у лодцы! Ану – да берага* (Г. Марчук). Указанне на няпэўную асобу праз месца яе знаходжання і вызначае канкрэтнае значэнне эліпсаванага дзеяслова ў межах лексіка-семантычнай групы руху.

Канструкцыі з эліпсісам дзеяслова зрэдку змяшчаюць у структуры звароткі (1 % ад агульнай колькасці фактычнага матэрыялу) з указаннем

на канкрэтную асобу (78 %) і без указання на канкрэтную асобу (22 %). Сэнсавае ўзаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і звароткам ажыццяўляецца на аснове інтрадуктыўнай сінтаксічнай сувязі, мае паслаблены характар. Пры гэтым звароткі ўдакладняюць значэнне эліпсаванага дзеяслова толькі ў межах пэўнай лексіка-семантычнай групы, і гэта вызначаецца характарам суб'екта (на яго ўказвае зваротак). Звароткі ў эліптычных сказах маюць неразвітую структуру і выражаюцца тыповымі сродкамі. Функцыянаванне эліптычных сказаў са звароткамі рэгулюецца сэнсавымі моўнымі механізмамі.

Зрэдку назіраюцца эліптычныя канструкцыі з устаўнымі канструкцыямі. Аб'ектыўна-паясняльная функцыя ўстаўных канструкцый дазваляе ім указваць на абставіны, што суправаджаюць асноўнае дзеянне, выражанае эліпсаваным дзеясловам. Аднак характар сінтаксічнай сувязі – інтрадуктыўная – прадугледжвае ўвод у сказ граматычна незалежнай канструкцыі, свабоднай ў структурным і семантычным плане, якая змяшчае дадатковае ўдакладненне ці тлумачэнне эліпсаванага дзеяслова. Названыя канструкцыі прызначаны павялічваць змястоўна-інфарматыўны аспект сінтаксічнай адзінкі: яны могуць каменціраваць змест не толькі ўсяго сказа, але і асобных кампанентаў, у прыватнасці эліпсаванага дзеяслова. Разгледзім сінтаксічныя ўмовы, пры якіх ажыццяўляецца сэнсавае ўзаемадзеянне паміж устаўнымі канструкцыямі і сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка.

Інтрадуктыўная сінтаксічная сувязь абмяжоўвае ўзаемадзеянне ўстаўной канструкцыі з сінтаксічнай пазіцыяй эліпсаванага выказніка толькі сэнсавым узроўнем: *Сямён Пятровіч – малады настаўнік (дзе поездам, дзе падводай) – да свайго новага месца працы* (“Настаўніцкая газета”). Кампанент *да новага месца працы* шматфункцыянальны: асноўная яго семантычная функцыя – лакатыў, аднак пры пэўных кантэкстуальных умовах ён можа выконваць функцыю аб'екта. У дадзеным выпадку ўстаўная канструкцыя мае дыферэнцыяльны характар: яна можа ўзаемадзейнічаць толькі з дзеясловам са значэннем перамяшчэння ў прастору. Такім чынам канкрэтызуюцца семантычныя і сінтаксічныя функцыі астатніх кампанентаў сказа.

Часам устаўныя канструкцыі могуць набываць структуру прэдыкатыўнай адзінкі – простае або складанае. Такія канструкцыі ўказваюць, як правіла, на абставіны, якія абумоўліваюць або суправаджаюць асноўнае дзеянне. У гэтых сказах устаўная канструкцыя звычайна змяшчае лексему, што апушчана ў сказе, напрыклад: *У Петразаводску Наталля Прушынская хадзіла ў дзіцячы сад, закончыла першы клас. У 1949 годзе Наталля з маці і братам – зноў у Гомель (а вярнуцца іх прымуслі абставіны: бацьку перавялі на працу на Гомсельмаш)* (ЛіМ); *Дзяўчына бацькам – нічога (У Алены не было звычкі расказваць пра свае справы)* (Л.В. Дранько-Майсюк). Такія канструкцыі могуць уключацца ў сказ пры дапамозе злучнікаў (у прыватнасці, злучальнага злучніка *а*, які мае не граматычны, а змястоўна-асацыятыўны характар) або бяззлучнікавым спосабам.

Назіраюцца эліптычныя канструкцыі, у якіх устаўная канструкцыя паясняе змест усяго эліптычнага сказа. Аднак у такіх выпадках канкрэтызуецца лексема ў межах пэўнай лексіка-семантычнай групы, бо на агульную семантыку, у прыватнасці, перамяшчэння ў прасторы, указвае акалічнасць са значэннем дынамічнай лакалізацыі: *Дзям'ян з дачкой Анелькай – у Краснагорку (яго ўзяўся падвезці сусед Панцялей)* (А. Кулакоўскі).

Устаўная канструкцыя часам можа змяшчаць лексему, якая з'яўляецца сінанімічнай у адносінах да эліпсаванага дзеяслова, і пры гэтым семантыка эліптычнай канструкцыі становіцца надзвычай выразнай: *Хлопцы дружнай грамадою – у бок Нёмана (а яны любілі прагульвацца вечарамі)* (“Мы і час”). У дадзеным выпадку эліптычная канструкцыя набывае форму мімалётнай заўвагі – гэтаму спрыяе злучнік *а*, які набывае змястоўна-асацыятыўны характар.

Устаўныя канструкцыі са значэннем мімалётнай заўвагі могуць змяшчаць лексему, што выступае не толькі сінанімічнай у адносінах да эліпсаванай, але і дубліруе яе: *Бабуля ўвесь час – пра даваеннае мінулае пасёлка (а ёй было што расказаць)* (“Настаўнік”); *Іван Сідаравіч пра ўсё – з інтарэсам (а слухаць ён любіў)* (“Белая Русь”). Семантычная пераемнасць лексем – эліпсаваны дзеяслоў – выражаны дзеяслоў – ліквідуюць зместавую неадназначнасць і гэтым ствараюць спрыяльныя ўмовы для функцыянавання эліптычнай канструкцыі.

Сэнсавае ўзаемадзеянне паміж эліпсаваным дзеясловам і ўстаўнымі канструкцыямі абумоўлена іх функцыяй – аб'ектыўна-паясняльнай. Гэта істотна адрознівае іх ад пабочных канструкцый, якія выступаюць як мадальна-ацэначны кампанент сказа, і таму сэнсавае ўзаемадзеянне паміж імі і астатняй часткай сказа не адбываецца. Аб'ектыўна-паясняльная функцыя рэалізуецца ва ўдакладненні, паясненні, дапаўненні асноўнага зместу сказа, а сама ўстаўная канструкцыя ўказвае на спосаб працякання працэсу (45 %), выступае ў якасці мімалётнай заўвагі (13 %) або змяшчае сінанімічную ў адносінах да эліпсаванай лексему (15 %) ці нават дубліруе яе (27 %).

Структура ўстаўных канструкцый мае разнастайны характар. Гэта могуць быць асобныя кампаненты з паясняльна-ўдакладняльным значэннем (яны ўказваюць пераважна на спосаб дзеяння), а таксама прэдыкатыўныя адзінкі, простыя паводле структуры. Звязваюцца ўстаўныя канструкцыі з астатняй часткай сказа пры дапамозе гіпатаксічных або паратаксічных злучнікаў, якія набываюць змястоўна-асацыятыўны характар, а таксама бяззлучнікавым спосабам. Устаўная канструкцыя можа афармляцца як самастойная прэдыкатыўная адзінка, аднак характар сінтаксічных і сэнсавых адносін пры гэтым не мяняецца.

Як бачна, эліптычныя канструкцыі з устаўнымі канструкцыямі назіраюцца надзвычай рэдка (2 % ад агульнай колькасці фактычнага матэрыялу). Рэдкасць функцыянавання падобных канструкцый абумоўлена іх структурна-сэнсавымі асаблівасцямі: паслабленым характарам сінтаксічнай сувязі і магчымасцю ўступаць у сэнсавае ўзаемадзеянне толькі з нязначнай колькасцю ўстаўных канструкцый.

Асноўным фактарам функцыянавання эліптычных канструкцый з эліпсісам дзеяслова ўскладненай будовы выступае структурна-сэнсавае (эліптычныя сказы з аднароднымі і адасобленымі членамі) або сэнсавае (эліптычныя сказы са звароткамі і ўстаўнымі канструкцыямі) узаемадзеянне паміж эліпсаваным выказнікам і сродкамі ўскладнення структуры сказа, што ажыццяўляецца на аснове рознай сінтаксічнай сувязі – паратаксічнай (18 %), паўпрэдыкатыўнай (37 %), далучальнай (9 %), параўнальнай (18 %), інтрадуктыўнай (18 %). Інтрадуктыўная сінтаксічная сувязь характарызуецца толькі сэнсавай узаемаабумоўленасцю. Структурна-сэнсавыя моўныя механізмы спрыяюць кампенсацыі эліпсіса шляхам пашырэння, разгортвання або ўскладнення структуры сказа рознымі сінтаксічнымі пазіцыямі – аднапланавымі, разнапланавымі, свабоднымі і абумоўленымі, са скрытай прэдыкатыўнасцю і інш. Закон семантычнага ўзгаднення рэгулюе найбольш эфектыўнае выкарыстанне моўных сродкаў у эліптычных сінтаксічных канструкцыях розных відаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Вардуль, И.Ф.* К вопросу о явлении эллипсиса / И.Ф. Вардуль // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения : докл. на конф. по теорет. проблемам синтаксиса ; Ин-т языкознания АН СССР; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1969. – С. 59–70.
2. *Исаева, Е.* Запрещающие факторы эллипсиса подлежащего во втором компоненте сложносочиненного предложения / Е. Исаева // Сборник науч.-метод. материалов к лекциям для слушателей ФПК: в помощь преподавателю рус. языка как иностранного : в 2 ч. ; Ин-т рус. яз. ; редкол. : Ю.А. Бельчиков [и др.]. – М., 1982. – Ч. 2. – С. 257–270.
3. *Müller, W.* Die real existierenden grammatischen Ellipsen und die Norm: eine Bestandsaufnahme / W. Müller // Sprachwissenschaft. – 1990. – Bd. 15, H. 3/4. – S. 241–366.
4. *Corr, A.* Ellipsen: Untersuchungen zu Elliptizität und elliptischen Sprachgebrauch / A. Corr. – Saarbrücken : Verl. Dr. Müller, 2008. – 102 S.
5. *Dentler, S.* Verb und Ellipse im heutigen Deutsch: zum «Fehlen» verbhängiger Bestimmungen in Theorie und Praxis / S. Dentler. – Göteborg : Univ., 1990. – 106 S.
6. *Бурак, Л.І.* Далучэнне ў сучаснай беларускай мове / Л.І. Бурак ; навук. рэд. М.А. Жыдовіч. – Мінск : Выд-ва БДУ, 1975. – 256 с.

The syntactic structure of constructions with elliptical verbs is analyzed in the article. The means of widening and complication of the syntactical sentence structure which perform as a structural-semantic indicator are determined here. The syntactic connections and relations are revealed on the basis of which the realization of semantic constructions with the ellipse of the verb is fulfilled.

The language mechanisms that regulate the functioning of constructions with elliptical verbs were also identified.

Поступила в редакцию 14.03.11

НАШИ АВТОРЫ

Астапкина Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. 222-33-66.

Борисевич Ольга Анатольевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Тел. (8-0212) 51-20-54.

Василевская Ольга Викторовна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Гаджиева Сабина Анатольевна – соискатель Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана. Тел. +994124657145.

Долгова Анна Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин гуманитарного факультета БГУ. Тел. 209-58-92.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Козлова Светлана Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Кузин Александр Николаевич – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры современных технологий перевода МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Лапунова Ольга Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Мышалова Инна Павловна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Новрузов Фарид Рафикович – соискатель Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана. Тел. +994124657145.

Олешков Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Тел. (8-3435) 25-55-33.

Плеханова Татьяна Федоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второй иностранный) МГЛУ. Тел. 284-46-18.

Пристром Елена Сергеевна – ст. преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов БГУ. Тел. 227-18-95.

Романкевич Марина Николаевна – преподаватель кафедры французского языка (второй иностранный) МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Смирнов Александр Игоревич – аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Таболич Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Цытик Екатерина Васильевна – студент магистратуры МГЛУ (кафедра теории и практики перевода № 2). Тел. 288-25-69.

Чайка Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языкознания БГПУ им. М. Танка. Тел. 227-80-44.

Яковчиц Татьяна Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№2 (51), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 12.04.11. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,78. Тираж 100 экз. Заказ 24.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172